

24-го октября 1794 года — 24-го октября 1894 года.

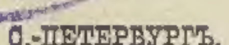
ШТУРМЪ ПРАГИ СУВОРОВЫМЪ

въ 1794 году.

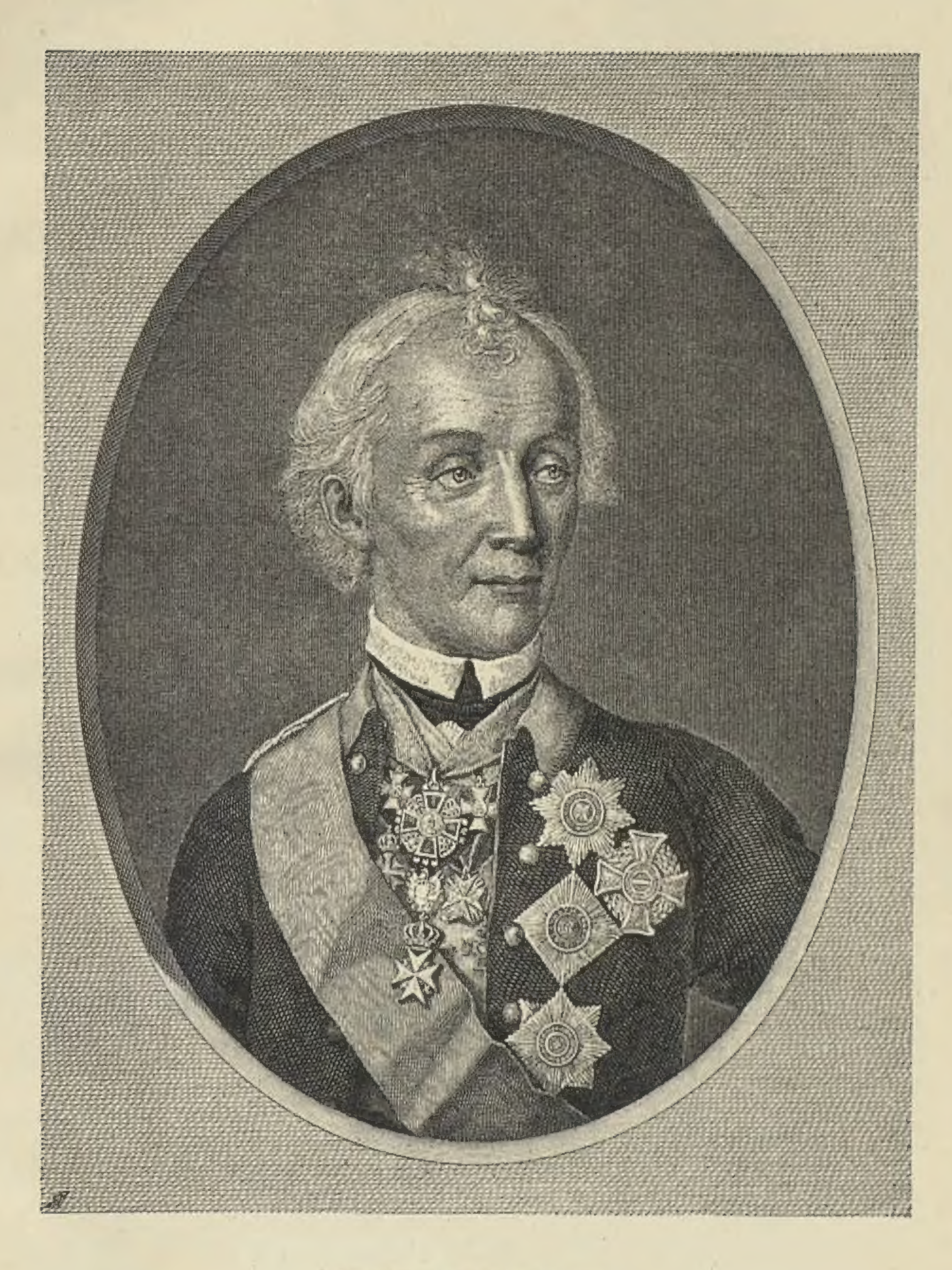
Сообщеніе экстраординарнаго профессора военнаго искусства
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ПОЛКОВНИКА
Н. А. Орлова.

Читанное въ Штабѣ войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ш аба войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.
1894.

СУВОРОВЪ.

Гравировалъ Н. Уткинъ, съ портрета, писаннаго Шмитомъ, живописцемъ Курфиста Саксонскаго.

Штурмъ Праги Суворовымъ.

24-го Октября 1794 г.

ГЛАВА I.

Политическая обстановка передъ возстаніемъ въ Краковѣ.

Второй раздѣлъ Польши въ 1793 г. Черты государственнаго устройства Польши. Пропаганда заговора въ Польшѣ и Литвѣ. Біографія Косцюшки Сиверсъ и Игельстромъ. Дѣйствія Мадалинскаго. Возстаніе въ Краковѣ 13-го Марта 1794 г. Бой подъ Рацлавицами 24-го Марта. Отношеніе къ возстанію европейскихъ державъ.

Сто лѣтъ назадъ, 6-го (17-го) Апрѣля 1794 г., въ великій четвергъ на страстной недѣлѣ, въ Варшавѣ произошла безпощадная рѣзня русскихъ поляками.

Событіе это подготовлялось давно. Въ 1793 г. произошелъ второй раздѣлъ Польши между Россіей и Пруссіей по рѣшенію, принятому знаменитымъ Гродненскимъ сеймомъ. Пруссія получила Великопольскія воеводства (Познань, Гнѣзно, Калишъ, Сѣраздь, Ленчицу, Ченстоховъ) съ городами Торунь и Гданьскъ; всего пространство въ 1016 кв. миль съ народонаселеніемъ около 1.500.000 душъ [1]. Ударъ этотъ для Польши былъ чувствителенъ не только потому, что она теряла значительную часть территоріи, но государство отрѣзывалось

[1]) *С. Соловьевъ* «Исторія паденія Польши». Москва, 1863 г., стр. 300 *Н. И. Костомаровъ* «Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой», второе изданіе, С.-Петербургъ, 1870 г., стр. 679. «Отечественныя Записки» 1863 г., Сентябрь, стр. 256.

Пруссiей отъ моря, ибо вмѣстѣ съ Гданьскомъ теряло выходъ изъ устьевъ Вислы. Между Польшей и Россiею былъ заключенъ союзный договоръ, по которому обѣ державы взаимно ручались за неприкосновенность своихъ владѣнiй, обязывались подавать одна другой помощь въ случаѣ нападенiя на одну изъ нихъ, причемъ главное начальство надъ войсками принадлежало той державѣ, которая выставитъ большее число войска (слѣдовательно, всегда бы оставалось за Россiей); Россiя могла во всѣхъ нужныхъ случаяхъ вводить свои войска въ Польшу; безъ вѣдома Россiи Польша не могла заключать союза ни съ какою другою державою; безъ согласiя Императрицы Екатерины II Польша не могла ничего измѣнить въ своемъ внутреннемъ устройствѣ; число Польскаго войска не должно превышать 15 т. и не должно быть менѣе 12 т. Россiя прiобрѣтала Волынь, Подолiю и Минскую область, всего около 4.000 кв. миль съ 3.000.000 жителей; пограничная черта была проведена отъ восточной границы Курляндiи мимо Пинска, Луцка къ границамъ австрiйской Галицiи [1]). Замышляя второй раздѣлъ Польши, Екатерина выразила свою основную мысль въ рескриптѣ россiйскому послу, акредитованному при этомъ государствѣ, Сиверсу отъ 22-го Декабря 1792 г., гдѣ между прочимъ сказано: „.... многiя уваженiя рѣшили насъ на дѣло, которому началомъ и концомъ предполагаемъ избавить земли и грады, нѣкогда Россiи принадлежавшiе, единоплеменниками ея населенные и созданные и единую вѣру съ нами исповѣдующiе отъ соблазна и угнетенiя имъ угрожающихъ [2])“. Императрицѣ было тяжело, что не всѣ русскiя области войдутъ въ составъ Всероссiйской Имперiи, останутся за чужими стольные города древнихъ русскихъ князей, но прозорливымъ своимъ окомъ Великая Монархиня про-

---

[1]) Соловьевъ, стр. 300. Костомаровъ, стр. 683. «Отечественныя Записки» 1863 г. Сентябрь, стр. 256.

[2]) Соловьевъ, стр. 304.

никала въ будущее и, по словамъ Храповицкаго, выражалась такъ: „Владиміръ на Волыни мы теперь не взяли по причинѣ. Но со временемъ надобно вымѣнять у императора Галицію, она ему некстати, а нужна прибавка къ Венгріи изъ владѣнія турецкаго“ [1]).

Второй раздѣлъ нанесъ тяжкій ударъ самолюбію поляковъ[2]), особенно же приверженцамъ конституціи 3 Мая 1791 г. Главнѣйшіе изъ нихъ (Малаховскій, Игнатій Потоцкій, Гугонъ Коллонтай, Нѣмцевичъ, Вейсенгофъ, Забѣлло) заблаговременно бѣжали въ Лейпцигъ и оттуда рѣшили мутить Польшу, составлять заговоры, довести дѣло до возстанія и мечтали возвратить жизнь и прежнія владѣнія своему гибнувшему отечеству съ его страннымъ государственнымъ устройствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ королевствѣ король Станиславъ - Августъ Понятовскій обладалъ лишь призракомъ власти и былъ игрушкой лицъ и событій; въ этой республикѣ (Ржечь посполитая) права народа были совершенно попраны шляхтою, которая называла его не иначе, какъ „быдло“ (скотъ); шляхта шумѣла на сеймикахъ, лизоблюдничала у богатыхъ и знатныхъ вельможъ, которые держали шляхту въ полной своей власти, но не имѣли силы провести на сеймѣ какой либо законъ, вслѣдствіе обычной славянамъ розни и соперничества (извѣстно: „гдѣ два славянина, тамъ три мнѣнія“). Пагубное право liberum veto позволяло каждому члену сейма крикнуть въ рѣшительную минуту „не позволямъ“ и „сорвать“ сеймъ; въ продолженіи 30 послѣднихъ лѣтъ самостоятельнаго существованія Польши всѣ сеймы были сорваны[3]). Польское государство съ неудержимою силою катилась по наклонной плоскости къ своей окончательной гибели, а „лейпцигскіе патріоты“

---

[1]) Записки Храповицкаго, стр. 286.

[2]) По словамъ гр. Сегюра («Tableau de l'Europe» 11, 34), ни одинъ полякъ не могъ слышать имени русскаго, не покраснѣвъ отъ гнѣва и не поблѣднѣвъ отъ бѣшенства.

[3]) Соловьевъ, стр. 11. Все это подтверждаютъ сами поляки. Напр. извѣстный польскій историкъ Іоахимъ Лелевель говоритъ: «Никакой власти въ государствѣ не су-

въ увлеченіи несбыточной мечтой ускоряли теченіе событій и быстро привели къ агоніи дряхлый государственный организмъ. Польша и Литва пришли въ броженіе, когда въ разныхъ концахъ появились агенты заправилъ революціи съ письмами Чарторыскаго, Огинскаго, Сапѣги и др., побуждавшими присоединиться къ заговору. Ловкіе агенты не стѣснялись никакими средствами для достиженія своей цѣли: краснорѣчіе, лесть, запугиваніе, вино, вліяніе на красивыхъ женщинъ, а черезъ нихъ на остальное общество и т. д. Такъ, въ Овручскомъ повѣтѣ дѣятельнымъ орудіемъ пропаганды явилась красивая пани Прушинская, молодая жена очень стараго мужа; агентъ одновременно и ухаживалъ за нею и бралъ у нея деньги въ видѣ пожертвованія на общую пользу, и заставлялъ вліять на другихъ. Маіора Гонсяновскаго, для удобства возмутительной дѣятельности, посвятили въ ксендзы, и онъ нѣсколько времени пробылъ въ ксендзовскомъ званіи и одѣяніи, а когда это оказалось болѣе не нужнымъ, снова надѣлъ армейскій мундиръ.

Наиболѣе вліятельными возмутителями въ Варшавѣ были: генералъ Дзялынскій и ратманы магистрата банкиръ Копостасъ и богатый башмачникъ Янъ Килинскій [1]).

Главою возстанія былъ намѣченъ пламенный патріотъ, даровитый генералъ Тадеушъ Косцюшко. Онъ былъ сынъ дворянина и родился въ 1758 г., слѣдовательно, ко времени возстанія ему шелъ 42-й годъ,—возрастъ, въ которомъ человѣкъ достигаетъ полнаго развитія своихъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается достаточно уравновѣшеннымъ, чтобы избѣжать увлеченія крайностями. 12-ти лѣтъ Кос-

---

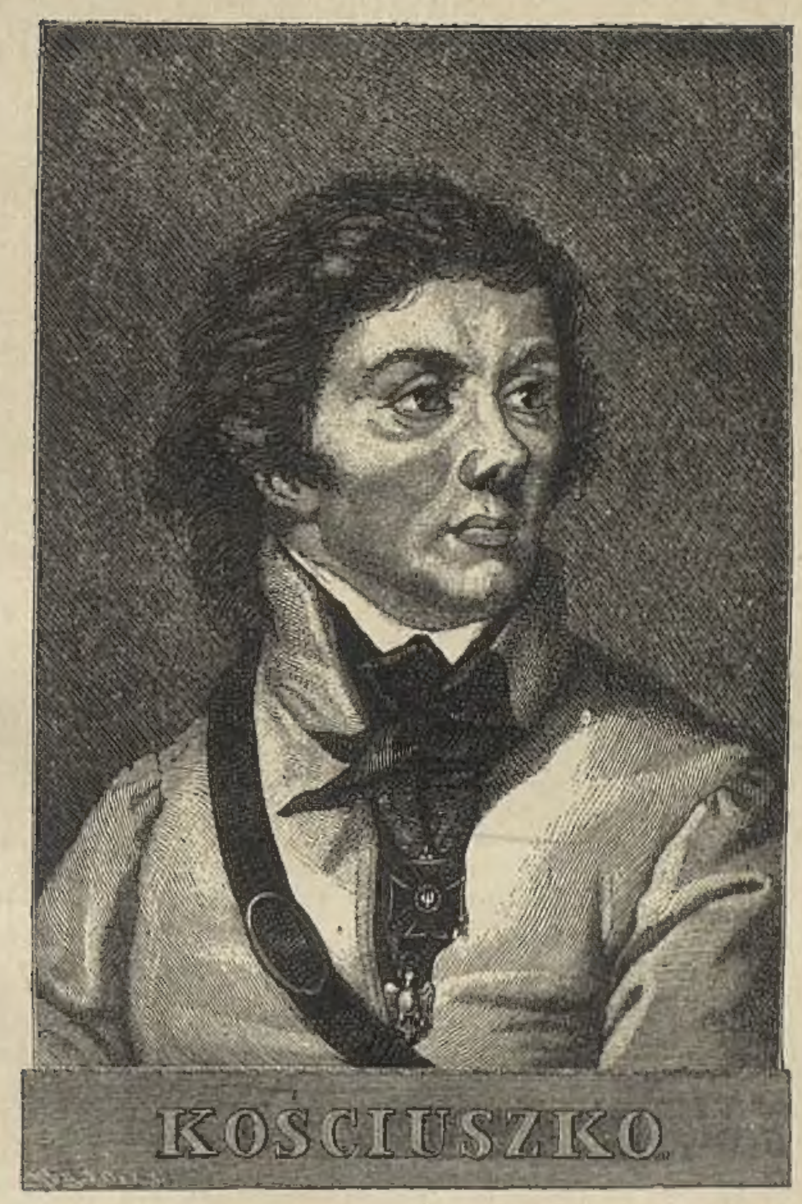
ществовало». А бывшій король польскій Станиславъ Лещинскій выразился: «Польша единственная страна, гдѣ народная масса лишена всякихъ человѣческихъ правъ. Дворянинъ судитъ своихъ подданныхъ безъ всякаго на то законнаго права и основанія, безъ судопроизводства, внѣ всякихъ формъ. На крестьянъ смотрятъ какъ на существа другаго рода, отказывая имъ въ воздухѣ, которымъ они дышатъ. Между ними и рабочимъ скотомъ едва существуетъ разница.—Въ «Neue Militärische Blätter», Mai 1892, статья Nazmer «Der polnische Feldzug im Iahre 1794».

[1]) Костомаровъ, стр. 694—697.

цюшко поступилъ въ кадетскій корпусъ, директоромъ котораго состоялъ князь Адамъ Чарторыскій. Здѣсь хорошо преподавались точныя науки и новые языки (всякій кадетъ свободно владѣлъ французскимъ и нѣмецкимъ), обращалось вниманіе на выработку въ юношествѣ патріотическихъ чувствъ и честныхъ побужденій. Воспитанникамъ толковали, что ихъ отечество лишено самостоятельности, подпало подъ чужое ярмо, что долгъ молодаго поколѣнія побѣдить и изгнать завоевателей: но имъ мало объясняли ту горькую истину, что ихъ отечество отъ вѣковой гнили сдѣлалось неспособнымъ къ самостоятельной государственной жизни и нуждается въ нравственномъ пересозданіи. Косцюшко сдѣлался однимъ изъ прилежныхъ учениковъ. Разсказываютъ, что вставалъ онъ утромъ въ 3 часа, а чтобы не проспать, онъ привязывалъ къ себѣ шнурокъ и проводилъ его къ сторожу, который и долженъ былъ дергать въ назначенный часъ. Иногда примѣрный ученикъ не спалъ по нѣскольку ночей и, чтобы поддержать умственную дѣятельность, обливался холодною водою. Вѣроятно юноша впиталъ въ себя ложныя идеи аристократическаго патріотизма учебнаго заведенія Чарторыскаго и остался бы съ ними навсегда, если бы не обстоятельства, поколебавшія его міровоззрѣніе. Отецъ Косцюшки былъ жестокъ съ крестьянами. Когда начались волненія на Украинѣ, крестьяне убили отца Косцюшки, который затѣмъ видѣлъ ужасную казнь хлоповъ, расплатившихся за смерть своего владѣльца. Даровитый молодой человѣкъ постигъ тогда, что упадокъ силъ Польши зависѣлъ преимущественно отъ того, что громада народа не имѣла ни гражданскихъ, ни даже человѣческихъ правъ; и прежде чѣмъ народу не будутъ отданы эти права, напрасными окажутся всякія усилія къ возрожденію націи.

По окончаніи курса Косцюшко отправился на казенный счетъ во Францію для окончанія образованія. Здѣсь онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, изучилъ инженерное искусство, а вмѣстѣ съ тѣмъ познакомился съ иде-

ями о правахъ человѣка, равенствѣ и пр., которыя были въ ходу во Франціи въ годы, предшествовавшіе великой революціи. Вернувшись въ Польшу, Косцюшко, по обычаю всѣхъ небогатыхъ дворянъ, поселился у одного вельможи, пана Сосновскаго, литовскаго польнаго писаря. Сосновскій поручилъ Косцюшкѣ обученіе своихъ дочерей. Молодой учитель влюбился въ одну изъ своихъ ученицъ, Людвику, которая взаимно полюбила учителя. Богатый знатный отецъ отказалъ въ рукѣ дочери какому то шляхтичу. Косцюшко увидѣлъ, какая пропасть раздѣляетъ въ Польшѣ различные классы общества и какой ядъ разъѣдаетъ государственный организмъ. Онъ понялъ, что при такихъ условіяхъ ему нечего дѣлать въ отечествѣ и уѣхалъ въ Америку, не разсчитывая возвратиться назадъ. Прибывъ въ Филадельфію, Косцюшко отправился прямо къ Франклину, который сначала принялъ его сухо, но, проэкзаменовавъ, нашелъ въ немъ основательныя знанія, прямоту и откровенность, а потому рекомендовалъ конгрессу, и Косцюшко вступилъ въ американскую службу прямо съ чиномъ полковника. Въ борьбѣ съ Англіею, вслѣдствіе которой Сѣверо-Американскіе Штаты отдѣлились отъ свой метрополіи, Косцюшко отличился особено въ сраженіи подъ Саратогою въ 1778 г.; сформировавъ нѣсколько конныхъ полковъ, на подобіе польскихъ уланъ, онъ всегда былъ съ ними впереди; въ 1783 г. получилъ орденъ Цинцината. Надежда на возрожденіе Польши побудила Косцюшку возвратиться въ Европу. Война 1792 г., за которой послѣдовалъ 2-й раздѣлъ Польши, доставила ему случай выказать свои способности, и дѣйствительно, онъ былъ единственный даровитый военачальникъ; скоро онъ былъ произведенъ въ генералы и пріобрѣлъ широкую популярность. Когда самъ король приступилъ къ дѣйствіямъ за одно съ русскими (къ тарговицкой конфедераціи), Косцюшко оставилъ службу и сначала жилъ въ Варшавѣ, а потомъ поѣхалъ во Львовъ, гдѣ, какъ всѣ говорили, пани Коссаковская подарила ему имѣніе

I. U. NIEMCEWICZOWI POŚWIĘCA ZIOMEK A. O.

КОСЦЮШКО.

Съ гравированнаго портрета Олещинскаго.

съ 20 т. флориновъ дохода, но онъ отказался отъ подарка, хотя былъ бѣденъ: при выходѣ въ отставку у него было только 1.000 червонныхъ, да потомъ двѣ дамы дали ему еще такую же сумму. Публика тогда, въ своихъ сплетняхъ, женила Косцюшку разомъ на пяти женщинахъ, но онъ вовсе не женился. На возвратномъ пути изъ Львова Косцюшко встрѣтилъ въ Замостьѣ австрійскаго офицера, который передалъ ему приказаніе своего правительства—оставить австрійскія владѣнія: въ тоже время получается анонимное письмо изъ Варшавы съ предостереженіемъ, чтобы не возвращался въ Польшу, гдѣ русскія войска имѣютъ въ виду схватить его. Косцюшко уѣхалъ въ Лейпцигъ, гнѣздо польскихъ эмигрантовъ, и тамъ страстно предался революціонной дѣятельности. Надобно сказать, что Косцюшко по своимъ воззрѣніямъ стоялъ совершенно отдѣльно отъ всѣхъ остальныхъ поляковъ. Постоянно онъ говорилъ: „вся надежда на народъ“, но эти слова были китайской грамотой для всей Польши. Вельможи и шляхта ни какъ не могли усвоить себѣ понятія о правоспособности народа хотя они постоянно твердили о свободѣ, но признавали ее только для себя и притомъ въ правѣ издавать законы, безнаказанно ихъ нарушать и не платить опредѣленныхъ закономъ налоговъ,—платить должны мѣщане и хлопы. Народъ (большею частью православный, русскій), если и понималъ возстаніе, то не иначе, какъ противъ своихъ владѣльцевъ,—ближайшихъ и злѣйшихъ враговъ. Такимъ образомъ, никто не могъ сойтись въ мысляхъ съ Косцюшкой, его мечты объ оздоровленіи корней въ Польшѣ оказывались химерой. Онъ принялся за дѣло безъ большой надежды на успѣхъ и каждую минуты ожидалъ, что все рухнетъ. Однако это чувство, по самому складу предводителя, спокойному и серьезному, съ замѣчательной силой воли, не имѣло никакого вліянія на его дѣятельность [1]).

---

[1]) Костомаровъ, стр. 691—694. Соловьевъ, стр. 318—320. «Отечественныя Записки», 1863 г., Декабрь, стр. 458. «Военный Сборникъ» 1861 г., Декабрь, стр.

Во время войны 1794 г. Косцюшко велъ операціи съ большимъ пониманіемъ обстановки и, несмотря на братаніе съ народомъ, держалъ себя съ достоинствомъ; весьма часто ѣздилъ одинъ, безъ всякаго конвоя; въ Варшавѣ бывалъ рѣдко и преимущественно инкогнито; мыслей своихъ никому не открывалъ, но авторитетъ его признавался настолько, что всѣ слѣпо слѣдовали его приказаніямъ [1]).

Волненія въ Польшѣ достигли своего крайняго напряженія; образовалось болѣе 700 кружковъ съ 20.000 членовъ, готовыхъ возстать по первому знаку; горячія головы хотѣли начать немедленно; Косцюшко сдерживалъ порывы и требовалъ раньше достаточной подготовки средствъ и организаціи возстанія. Случай произвелъ взрывъ раньше, нежели онъ того желалъ.

Въ обезпеченіе постановленій Гродненскаго сейма главнѣйшіе пункты Польши и Литвы занимали русскія войска, подъ общимъ начальствомъ генералъ-аншефа барона Игельстрома. Онъ же съ званіемъ полномочнаго министра замѣнилъ нашего посла Сиверса [2]), который такъ много вліялъ на ходъ событій при второмъ раздѣлѣ Польши и, въ сущности, былъ въ ней фактическимъ распорядителемъ.

Если Сиверсъ былъ человѣкъ какъ будто созданный для управленія поляками, то Игельстромъ составлялъ съ нимъ разительную противоположность. Сиверсъ, любезный въ обращеніи, строгій и рѣшительный въ дѣлѣ, заставлялъ ихъ и бояться себя, и уважать, и даже любить. Когда его отозвали, то многіе поляки приходили къ нему прощаться съ истиннымъ чувствомъ. Сиверсъ гнулъ ихъ, давилъ, но чрезвычайно любезно. Игельстромъ,

---

327, статья «Военное дѣло въ Литвѣ». См. также нашу статью въ «Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ», 1889 г. т. IV, стр. 379.

[1]) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 196, связка 8, показаніе Ивана Гузы и показаніе мѣщанина Кукссвича. Также «Описаніе дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернаторства» Андрея Энгеля, стр. 161.

[2]) Костомаровъ, стр. 690.

храбрый воинъ, но мало образованный и мало проницательный администраторъ, отличался грубостью и не щадилъ щекотливаго самолюбія поляковъ; съ министрами и съ самимъ королемъ обращался свысока, приказывалъ и предписывалъ тамъ, гдѣ выгоднѣе было вѣжливо просить; и вмѣстѣ съ тѣмъ выдержки, энергіи, осторожности и настойчивости у него не было. Его мало уважали, мало любили и мало боялись. Утопая въ роскошныхъ объятіяхъ графини Залуской, онъ подчинился ея вліянію; а на нее вліяли другіе; вовсе не имѣя въ виду какой либо преступной цѣли, графиня часто подвигала русскаго генерала на мѣры крайне ошибочныя и опасныя, а иногда убѣждала отмѣнять рѣшенія невыгодныя для поляковъ [1]). Такъ Игельстромъ съ поразительной безпечностью смотрѣлъ на явные признаки подготовлявшагося бунта. Возстаніе 1794 г. застигло русскихъ совершенно врасплохъ. Всего въ Польшѣ и Литвѣ русскихъ войскъ было 17—18 т., т. е. вполнѣ достаточно для подавленія мятежа, но при условіи рѣшительныхъ дѣйствій съ самаго начала [2]). Между тѣмъ именно въ началѣ власти не придали значенія бунту и дѣйствовали безъ системы.

По рѣшенію Гродненскаго сейма излишнія противъ опредѣленнаго штата польскія войска (сверхъ 12—15 т.) долженствовали быть распущенными по домамъ (редукція) или поступить на русскую службу къ 15-му Марта 1794 г.; но рѣшеніе это приводилось въ исполненіе съ крайнимъ неудовольствіемъ. Такъ напр., полкъ Дзялын-

---

[1]) Костомаровъ, стр. 701—702.

[2]) Д. О. Масловскій «Записки по Исторіи военнаго искусства въ Россіи», выпускъ II, С.-Петербургъ, 1894 г., стр. 441.—Собственно говоря, по штатамъ и по спискамъ войскъ было гораздо больше, но въ дѣйствительности ихъ было на лицо мало. Такъ въ письмѣ къ Румянцову отъ 17-го Іюля 1794 г. исправлявшій должность президента военной коллегіи генералъ аншефъ графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ прямо пишетъ, что «число войскъ у насъ вездѣ велико на бумагѣ, а въ существѣ едва на половину есть, да и оное требуетъ большаго о немъ попеченія». Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 200 № $\frac{148}{23}$, листъ 102.

скаго въ Варшавѣ отпустилъ только 16 чел, объявивъ Игельстрому, что это и есть весь излишекъ противъ штата [1]). Конная бригада Мадалинскаго (2—3 т.), расквартированная между Бугомъ и Наревомъ, собравши свои эскадроны къ Остроленкѣ, объявила что не хочетъ подчиниться редукціи, о чемъ Мадалинскій и подалъ рапортъ въ военную коммиссію. Игельстромъ двинулъ противъ него часть русскихъ войскъ, подъ начальствомъ ген-маіора Багрѣева. Тогда Мадалинскій рѣшился на отчаянное предпріятіе: вдоль прусскихъ границъ пробраться въ Галицію и тамъ со всею бригадою поступить въ австрійскую службу. Перейдя Наревъ у Остроленки, Мадалинскій перешелъ затѣмъ прусскую границу, захватилъ городъ Солдау, ограбилъ прусскую военную казну, переправился черезъ Вислу у Вышегрода и направился далѣе къ Кракову. Русскіе не могли догнать Мадалинскаго или перерѣзать путь его слѣдованія, а между тѣмъ по дорогѣ черезъ Сандомирское воеводство взбунтовавшаяся бригада возмутила остальныя польскія войска, присоединившіяся къ Мадалинскому. Все это послужило началомъ возстанія [2]).

Узнавъ объ этомъ въ Дрезденѣ, Косцюшко разсердился сначала на подобную поспѣшность, но дѣлать было нечего,—онъ выѣхалъ въ Краковъ, гдѣ стояла польская бригада Мангата и русскій гарнизонъ подполковника Лыкошина изъ 2 баталіоновъ, эскадрона и двухъ сотенъ казаковъ.

Городъ заволновался, услыша, что ѣдетъ Косцюшко. Лыкошинъ съ отрядомъ вышелъ изъ Кракова. По прибытіи сюда Косцюшко былъ провозглашенъ начальникомъ вооруженныхъ силъ народа, отправился съ патріотами въ ближайшій костелъ капуциновъ, и тамъ монахи освящали ихъ сабли. 13-го (24-го) Марта составленъ

[1]) «Отечественныя Записки» 1863 г., Декабрь, стр. 443. Польскихъ войскъ должно было остаться не болѣе 9 т., а литовскихъ 6 т.- Соловьевъ, стр. 324—325.

[2]) Костомаровъ, стр. 703. Соловьевъ, стр. 325 Масловскій, стр. 441.

актъ повстанья. Косцюшко призвалъ народъ къ пожертвованіямъ и подъ знамена, началась организація войска. Капостасъ купилъ на свой счетъ 5 т. косъ для вооруженія крестьянъ.

Станиславъ-Августъ издалъ универсалъ противъ Косцюшки; многимъ казалось, что документъ этотъ составленъ по вынужденію и въ немъ есть нѣкоторое сочувствіе дѣлу революціи,—порицалась какъ бы только несвоевременность начинанія, а не самая суть дѣла. Универсалъ не произвелъ никакого впечатлѣнія [1]).

Между тѣмъ и Мадалинскій приближался къ Кракову. Преслѣдовавшій поляковъ генералъ-маіоръ Денисовъ остановился съ главными силами отряда у Скальбмержа, а небольшой авангардъ генералъ-маіора Тормасова ($2^{1}/_{2}$ баталіона, 6 эскадроновъ и полкъ казаковъ) неосторожно и далеко выдвинулъ впередъ къ д. Рацлавице. Тогда Косцюшко взялъ съ собою бригады Мангата и Валевскаго, народовую конницу Заіончека и 16 пушекъ (кромѣ того отряды шляхты изъ трехъ воеводствъ, до 2 т. мужиковъ, вооруженныхъ пиками и косами), соединился съ Мадалинскимъ и, пользуясь превосходствомъ силъ, разбилъ на голову Тормасова подъ Рацлавицами 24-го Марта (4-го Апрѣля). Денисовъ поспѣшилъ на помощь къ Тормасову, но было уже поздно: Косцюшко благоразумно отошелъ въ укрѣпленный лагерь близъ Кракова.

Битва подъ Рацлавицами имѣла огромное нравственное значеніе: первые успѣхи вообще всегда очень важны, а въ особенности при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находился Косцюшко. Онъ чрезвычайно радовался, что рѣшительный ударъ въ бою нанесли русскимъ хлопы; двухъ изъ нихъ за храбрость онъ произвелъ въ офицеры. Желая пріобрѣсти сочувствіе народа и привлечь его на сторону возстанія, главнокомандующій самъ надѣлъ сермягу косиньера [2]).

[1]) Костомаровъ, стр. 702—708. Соловьевъ, стр. 325—326.

[2]) Костомаровъ, стр. 708—710. «Отеч. Записки» 1863 г., Декабрь, стр. 448.

Возстаніе въ Польшѣ обратило на себя вниманіе европейскихъ дворовъ; всѣ увидѣли ясно, что дѣло кончится третьимъ (вѣроятно, окончательнымъ) ея раздѣломъ. Пруссія и Австрія тотчасъ захотѣли принять участіе въ дѣлежѣ; съ одной стороны по договорамъ они обязаны были выставить войска для совмѣстнаго дѣйствія съ Россіей и обезпечивать существовавшій въ Польшѣ порядокъ; но съ другой стороны они были озабочены борьбой съ революціонной Франціей, гдѣ тоже замѣшались интересы существенной важности.

Франція, увлеченная революціоннымъ потокомъ, сочуствовала польскому возстанію и по существу дѣла, и потому, что получала естественнымъ путемъ союзника, отвлекавшаго силы и вниманіе ея противниковъ. Однако, занятая сложной борьбой внутри государства и внѣ его, противъ коалиціи европейскихъ державъ, она не могла оказать Польшѣ никакой помощи. Сначала была обѣщана денежная поддержка, но потомъ и это не состоялось.

Англія уже боролась противъ Франціи, но такъ какъ великая морская держава всегда имѣетъ выгоду плодить замѣшательства на европейскомъ континентѣ, то она не желала ни подавлять возстанія въ Польшѣ, ни протягивать ему руку помощи.

Турція недавно закончила съ значительными потерями свою неудачную войну противъ Россіи (вторая турецкая война при Екатеринѣ II отъ 1787 до 1791 г.); казалось бы, турки должны были воспользоваться затрудненіями Россіи вслѣдствіе польскаго возстанія. Дѣйствительно, подъ вліяніемъ французскихъ дипломатовъ Оттоманская Порта дѣлала угрожающія приготовленія къ войнѣ, но недостатокъ средствъ не позволилъ довести дѣло до разрыва.

Дѣла Россіи со Швеціей въ это время были улажены. Въ концѣ концовъ Поляки остались одни.

ГЛАВА II.

Рѣзня въ Варшавѣ 6-го апрѣля 1794 г. и возстаніе въ Литвѣ.

Положеніе Игельстрома въ Варшавѣ. Рѣзня 6-го апрѣля Отступленіе Игельстрома изъ Варшавы 8-го апрѣля. Возстаніе въ Вильнѣ и Гроднѣ. Силы противниковъ. Военныя дѣйствія въ Литвѣ. Вооруженія поляковъ. Военныя дѣйствія въ Польшѣ. Работа польскихъ партизановъ. Бой подъ Щекоцинами 26 мая. Пораженіе Заіончека близъ Холма 28 мая. Сдача Кракова 3 іюня. Укрѣпленіе Варшавы. Положеніе короля Станислава-Августа. Осада Варшавы. Предположеніе Репнина о занятіи зимнихъ квартиръ.

Извѣстіе о побѣдѣ Косцюшки произвело сильное впечатлѣніе на варшавянъ, тѣмъ болѣе, что Игельстромъ употребилъ полицейскія мѣры, чтобы до населенія не доходили слухи о пораженіи русскихъ: слухи все таки проникли, только приняли баснословные, преувеличенные размѣры.

Въ виду явнаго мятежнаго настроенія обывателей и польскихъ войскъ въ Варшавѣ генералъ-квартирмейстеръ Писторъ предложилъ Игельстрому захватить арсеналъ, гдѣ, какъ было извѣстно, поляки усиленно заготовляютъ боевые припасы, окружить ночью и обезоружить полкъ Дзялынскаго и артиллерійскій баталіонъ, отличавшіеся революціоннымъ духомъ. Игельстромъ возражалъ: „Какъ можно! А союзный трактатъ съ Польшею! возстаніе начинаетъ не республика, а только нѣкоторыя лица; правительство республики высказалось противъ Косцюшки въ своемъ манифестѣ; взять арсеналъ—значитъ начать непріятельскія дѣйствія противъ республики; шагъ этотъ будетъ сигналомъ къ возстанію цѣлаго города“. Игельстромъ вполнѣ полагался на великаго гетмана коронпаго Ожаровскаго, который головою ручался за вѣрность гарнизона; Ожаровскій смотрѣлъ на все

глазами Варшавскаго коменданта Циховскаго, а Циховскій принадлежалъ къ заговорщикамъ [1]).

Однако Игельстромъ стянулъ русскія войска въ городъ изъ окрестностей (всего было до 8 т. чел.: 2 баталіона, 1 эскадронъ и 2—3 орудія въ самомъ городѣ и 7 баталіоновъ, 5 эскадроновъ и нѣсколько орудій въ предмѣстьяхъ); но расквартированы части войскъ были раздробленно и въ критическую минуту не могли подать помощи одна другой. Въ м. Карчевъ, вверхъ по Вислѣ, былъ устроенъ вагенбургъ и магазинъ на случай выступленія войскъ изъ Варшавы [2]).

Встревоженные нападеніемъ Мадалинскаго пруссаки послали къ Варшавѣ небольшой отрядъ подъ начальствомъ генерала Вольки. Тогда Варшавскій магистратъ просилъ Игельстрома не позволять пруссакамъ размѣщаться по квартирамъ въ городѣ. Русскій главнокомандующій обѣщалъ исполнить эту просьбу, если варшавяне будутъ вести себя спокойно; магистратъ далъ торжественное обѣщаніе.

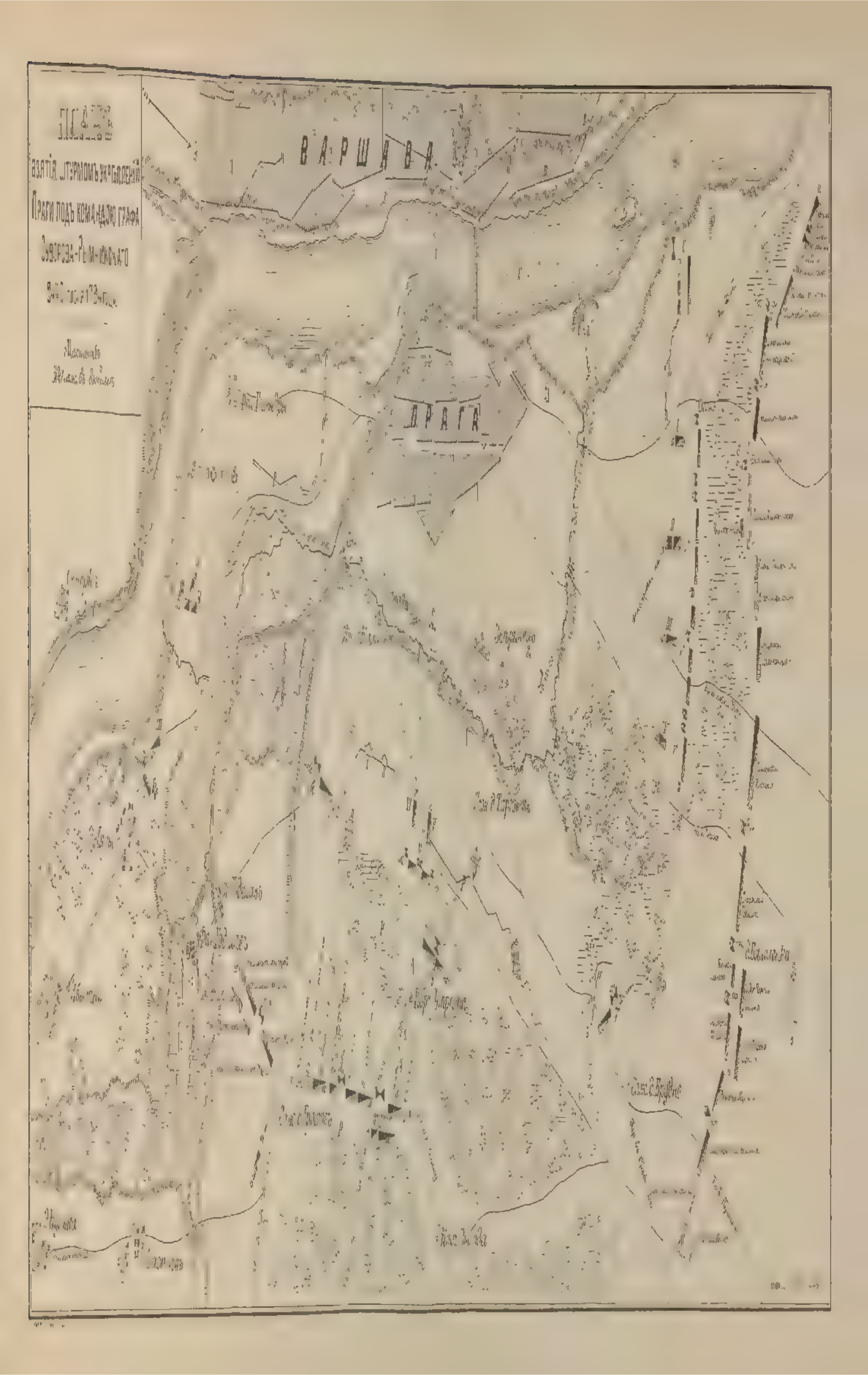
А между тѣмъ въ 4 ч. утра 6-го (17-го) апрѣля въ Варшавѣ начался бунтъ. Мѣщане, заранѣе вооруженные и руководимые Килинскимъ, вмѣстѣ съ польскими войсками бросились на русскихъ. Хотя русскія войска и успѣли взяться за оружіе, но разъединенныя, лишенныя общаго руководства и подавленныя численнымъ превосходствомъ враговъ (ихъ было болѣе 20 т.) они погибали въ узкихъ улицахъ, поражаемыя изъ домовъ и не имѣя возможности по мѣстнымъ условіямъ воспользоваться превосходствомъ своимъ въ военномъ дѣлѣ. Ужасный шумъ распространился по городу: набатный звонъ гудѣлъ во всѣхъ костелахъ, выстрѣлы, свистъ пуль, неистовый

---

[1]) Соловьевъ, стр. 326—327.

[2]) Костомаровъ (стр. 711) считаетъ по польскимъ извѣстіямъ 7948 чел.; Масловскій (стр. 442) считаетъ до 5.000 чел. См. также «Описаніе дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернаторства». Сост. Андрей Энгель. Вильно. 1869 и 1870 г. стр. 668. Подробное извлеченіе изъ этихъ документовъ есть у Масловскаго на стр. 84—96 примѣчаній ко 2-му выпуску «Записокъ».

СХЕМА
ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ
1794 ГОДА.
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
РИЖСКІЙ ЗАЛИВЪ
РИГА
МИТАВА
ДИНАБУРГЪ
КОВНА
ВИЛЬНА
ВИТЕБСКЪ
ГРОДНА
МИНСКЪ
БѢЛОСТОКЪ
ВАРШАВА
КАЛИШЪ
СЕРАДЗЬ
ВОЕВОДСТВО
БРЕСТЪ-ЛИТОВСКЪ
ЛЮБЛИНЪ
ЛЬВОВЪ
КРАКОВЪ
БРАЦЛАВЪ
Данцигъ
Торнъ
Полоцкъ
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ·

ПРАГИ ПОДЪ КОМАНДОЮ ГРАФА
ВАРШАВА
ПРАГА

крикъ убивающихъ: „до брони! бей москаля! кто въ Бога вѣруетъ, бей москаля! "вопли умиравшихъ, лай и вой собакъ. Убивали не однихъ русскихъ. Довольно было указать въ толпѣ на кого угодно и закричать, что онъ московскаго духа,—толпа расправлялась съ нимъ, какъ и съ русскимъ. Опьяненный кровью полякъ не зналъ теперь предѣловъ своему неистовству; довольно будетъ сказать, что 3-й баталіонъ Кіевскаго полка (человѣкъ 500) находился въ это время въ церкви для пріобщенія св. Таинъ и, конечно, былъ безоруженъ. Повстанцы ворвались въ храмъ и перерѣзали большую часть говѣвшихъ [1]).

Продержавшись 2 дня русскіе пробились изъ Варшавы: одинъ отрядъ подъ начальствомъ ген.-маіора Новицкаго къ югу, къ Карчеву, а Игельстромъ къ д. Бабинцамъ, гдѣ соединился съ пруссаками и отошелъ 9-го апрѣля къ Закрочиму. Узнавъ, что Новицкій отошелъ уже къ Рычиволу на Вислѣ, Игельстромъ приказалъ ему идти на Ловичъ, гдѣ и собралъ свой отрядъ, до 7 т. чел. Всего русскіе потеряли около 4 т. чел., изъ нихъ 1.764 чел. плѣнными [2]).

Вслѣдъ за Польшею поднялась Литва. Въ Вильнѣ командовалъ войсками генералъ-маіоръ Арсеньевъ, человѣкъ малодушный и къ тому подпавшій подъ вліяніе пани Володкевичъ. Важнѣйшіе пункты въ городѣ, замокъ, арсеналъ, коммисаріатъ занимались польскими войсками, какъ союзными, что, конечно, облегчало дѣйствія мятежниковъ. Руководителемъ заговора явился инженерный полковникъ Ясинскій, отважный фанатикъ, готовый на самыя крайнія мѣры, поклонникъ французскаго террора [1]).

12-го (24-го) апрѣля въ половинѣ перваго ночи, раздался пушечный выстрѣлъ, ударили въ набатъ, забили

---

[1]) Соловьевъ, стр. 330—336. Костомаровъ, стр. 715—743. «Отечественныя Записки» 1863 г., Декабрь, стр. 450—453.

[2]) Костомаровъ, стр. 741 и 742. Соловьевъ, стр. 342.

[1]) Костомаровъ, стр. 744. Въ статьѣ «Три раздѣла Польши» (Отечественныя Записки, 1863 г., Декабрь, стр. 453) указывается, что Арсеньевъ былъ предупрежденъ

въ барабаны; городъ огласился криками: „до брони! до брони!“ Заговорщики, соединившись съ толпами жителей, бросились на спящихъ русскихъ солдатъ и частью перебили ихъ, а частью (до 1.000 чел.) съ ихъ генераломъ [1]) и офицерами захвачены въ плѣнъ. Только артиллерійскому маіору Тучкову удалось на окраинѣ города, на Погулянкѣ, сосредоточить при своемъ артиллерійскомъ паркѣ нѣсколько пѣхотныхъ ротъ и команду казаковъ (а считая деньщиковъ и разнаго званія русскихъ людей—до 2.200 чел.). Тучковъ бомбардировкой зажегъ городъ. Поляки пытались атаковать русскій отрядъ, но безуспѣшно.

Тогда они вынудили Арсеньева написать Тучкову записку слѣдующаго содержанія: „Я арестованъ. Жизнь моя въ опасности; не затѣвайте съ поляками никакого дѣла“. Храбрый маіоръ отвѣчалъ: „Я не дамъ себя арестовать полякамъ. Честь и жизнь мою буду защищать до послѣдней капли крови. Но я одинъ, а всѣ штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины, которыми я имѣю честь начальствовать, одного со мною мнѣнія“. Записку подписали Тучковъ, всѣ офицеры, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и трое грамотныхъ рядовыхъ.

Однако положеніе Тучкова было трудное, онъ началъ приготовляться къ отступленію. За недостаткомъ хомутовъ для запряжки артиллерійскихъ лошадей примѣнили свернутые и связанные въ видѣ клещей солдатскіе плащи. Ночью, запаливъ на мѣстѣ располо-

о заговорѣ и объ участіи Ясинскаго. Арсеньевъ «самъ, наконецъ, сказалъ ему на одномъ балу: «ну, возможно ли, чтобы вы участвовали въ заговорѣ?» Ясинскій съ непоколебимою веселостью отвѣчалъ ему, что на свѣтѣ все возможно, и когда генералъ, поддаваясь на шутку, сталъ потомъ спрашивать, какъ же бы онъ справился съ нимъ и съ его 2 т. солдатъ, Ясинскій съ изумительнымъ хладнокровіемъ отвѣтилъ ему, между тѣмъ какъ его сообщники не смѣли дохнуть отъ ужаса: «А вотъ какъ: поздно вечеромъ: заберусь къ вамъ на квартиру, заберу васъ, а потомъ не трудно будетъ сладить и съ солдатами, лишенными начальника и разсѣянными по городу». Генералъ засмѣялся и остался твердо увѣренъ въ невинности Ясинскаго.

[1]) По нѣкоторымъ извѣстіямъ Арсеньевъ захваченъ на Антоколѣ, въ домѣ госпожи, съ которою любезничалъ.

женія своихъ войскъ побольше костровъ, чтобы обмануть непріятеля, Тучковъ двинулся по направленію на Гродну. На утро поляки начали преслѣдованіе подъ командой полковника Гедройца, но Тучковъ отбился и благополучно прибылъ въ Гродну на соединеніе съ отрядомъ генералъ-маіора князя Циціанова.

Въ Гроднѣ поляки тоже намѣревались произвести рѣзню; но командовавшій тамъ войсками генералъ-маіоръ князь Циціановъ, своевременно узнавъ о грозившей опасности, вывелъ войска за городъ и объявилъ, что если жители не успокоятся, то онъ откроетъ артиллерійскій огонь и разрушитъ дома Жители успокоились. Однако вслѣдствіе потери нами Вильны и вслѣдствіе приказанія старшихъ начальниковъ Циціанову пришлось оставить (25 Апрѣля) Гродну и отойти къ русской границѣ.

Передъ оставленіемъ Гродны Циціановъ успѣлъ взять съ этого города контрибуцію въ 101.552 руб., нѣкоторое количество сукна и до 500 штукъ разнаго оружія [1]).

Подробныя извѣстія о рѣзнѣ въ Варшавѣ привезъ въ Петербургъ 20-го Апрѣля графъ Николай Зубовъ распространившій своими преувеличенными разсказами порядочную панику въ правительственныхъ сферахъ [2]). Собравшійся государственный совѣтъ рѣшилъ: поставить главною цѣлью военныхъ дѣйствій обезпеченіе нашей западной границы, а для того и стараться вблизи нея сосредоточить уцѣлѣвшія войска. Главнокомандующимъ всѣми войсками въ Польшѣ и Литвѣ назначенъ (еще 20 Апрѣля) генералъ-аншефъ князь Репнинъ [3]), которому однако указано мѣстопребываніе въ Ригѣ, дабы оттуда онъ лучше могъ удержать Курляндію отъ воз-

[1]) Костомаровъ. стр. 744—749. Энгель, стр. 889 -892, въ изложеніи Масловскаго.

[2]) Московскій Архивъ Гл. Штаба; опись 200 № $\frac{148}{23}$, Секр. журналъ Салтыкова, листъ 57. Письмо Н. И. Салтыкова отъ 21 Апр.: „Сію ночь пріѣхалъ сюда гр. Николай Александровичъ Зубовъ отъ Игельстрома“....

[3]) Секрет. журналъ Салтыкова, листъ 53, письмо Репнину отъ 20-го Апрѣля 1794 г.

станія, и только 28-го Іюня разрѣшили переѣхать, на театръ войны, да и то только въ Несвижъ; [1]) распоряженіе странное, ибо конечно главнокомандующій долженъ находиться на самомъ театрѣ войны, а не управлять ею издалека. Игельстромъ отзывался отъ своего поста, а начальство надъ его отрядомъ долженъ былъ принять генералъ-поручикъ баронъ Ферзенъ съ подчиненіемъ Репнину [2]). На Волыни, въ Подоліи и вообще на югѣ главное начальство возложено на фельдмаршала гр. Румянцова-Задунайскаго. Онъ долженъ быть обезпочивать ввѣренное ему пространство отъ нападеній поляковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть готовымъ на случай войны съ Турціей.

Вмѣсто того, чтобы предоставить главнокомандующимъ полную свободу дѣйствій сообразно съ обстановкой, гр. Н. И. Салтыковъ, исполнявшій должность президента военной коллегіи, принялъ на себя общее руководство операціями на театрѣ войны .... изъ Петербурга!

Силы сторонъ представлялись въ слѣдующемъ числѣ

У Русскихъ: [3]) 1) подъ личнымъ начальствомъ кн. Репнина 23—25 т. и 56 орудій полевой артиллеріи сосредоточивались въ Литвѣ [4]) на границѣ отъ Риги на Дриссу до Пинска. 2) Корпусъ Дерфельдена 19 т. и 30 ор. приказано было выдѣлить въ распоряженіе Репнина изъ войскъ, находившихся на югѣ; [5]) Дерфель-

[1]) Тоже, листъ 70: 9-го Мая подтверждено оставаться въ Ригѣ. См. еще листъ 95.

[2]) Тоже, листъ 58: „Государыня назначаетъ Ферзена, чтобы онъ какъ можно скорѣе черезъ Пруссію къ тѣмъ войскамъ ѣхалъ и взявъ команду зависѣлъ отъ вашего распоряженія“.—Относительно Игельстрома надобно замѣтить, что Н. И. Салтыковъ къ нему благоволилъ и старался выгородить въ дѣлѣ о Варшавской рѣзнѣ, вину же всю взвалилъ на генералъ-маіора Апраксина, который былъ въ Варшавѣ старшимъ послѣ Игельстрома; послѣднему же, по мнѣнію Салтыкова, было некогда. См. Секр журналъ, листъ 104 и 60.

[3]) Масловскій, стр. 446.

[4]) Секрет. Журн. Салтыкова, листъ 55, письмо отъ 20 Апр.: ... „стараясь соединить всѣ малые отряды вмѣстѣ и дѣйствовать противъ мятежниковъ большимъ и надежнымъ числомъ, имѣя первымъ предметомъ прикрытіе нашихъ границъ и отдаленіе отъ оныхъ скопище тѣхъ мятежниковъ„ ...; листъ 64, письмо отъ 25 Апрѣля: „ ... Ничего такъ теперь не желаю, какъ узнать, что вы всѣ разсѣянныя части войскъ нашихъ уже собрали, тогда щитаю быть спокойну и надежну“.

[5]) Тоже, листъ 61.

денъ уже слѣдовалъ къ Владиміру Волынскому. 3) Корпусъ Ферзена 12—13 т. въ Краковскомъ и Сандомирскомъ воеводствахъ дѣйствовалъ, въ сущности, независимо отъ Репнина [1]). 4) Прусскій корпусъ подъ начальствомъ сначала генералъ-лейтенанта Фаврата (Favrat), а потомъ подъ личнымъ предводительствомъ короля Фридриха-Вильгельма II; по условію пруссаки должны были выставить 40 т., а на самомъ дѣлѣ едвали ихъ вступило 10 т. [2]) Всего выходитъ 64—67 т. Надо имѣть въ виду еще войска (50 т.) генералъ-аншефа гр. Суворова-Рымникскаго, бывшія въ подчиненіи у Румянцова и расположенныя по р. Южный Бугъ, по берегу Чернаго моря и въ Крыму; изъ нихъ часть тоже могла быть двинута для борьбы съ поляками [3]).

Силы поляковъ трудно поддаются учету, ибо во время возстанія не могло быть и рѣчи о правильной организаціи отрядовъ; въ зависимости отъ числа вооруженныхъ жителей, ополченія, цифры сильно колеблятся. Весьма часто общая численность доходила до 70 т. и даже болѣе. Корп. Косцюшки можно положить въ 20—25 т.; ген. Зіончека тоже около 20 т. въ Люблинскомъ воеводствѣ; Ясинскаго 6 т. близъ Гродны, Грабовскаго 12 т. близъ Вильны; остальные въ разныхъ частяхъ Польши. Такимъ образомъ, собственно въ Литвѣ было около 18 т. поляковъ противъ 23—25 т. русскихъ регулярныхъ войскъ кн. Репнина [4]).

Операціи въ Литвѣ до начала Сентября отличаются безсвязною борьбою съ сильными партіями польскихъ партизановъ. Частные успѣхи русскихъ войскъ, вслѣд-

---

[1]) Тоже, листъ 91. Письмо Салтыкова къ Румянцову-Задунайскому отъ 18-го Іюня: „Ферзенъ вышелъ изъ управленія Репнина самъ собою“ . . .

[2]) Тамъ же: „. . . король Прусскій наши войска не скоро отпуститъ. У короля вмѣсто обѣщанныхъ 40 т., всего 12 баталіоновъ“. Также см. Neue Militärische Blätter. Mai, 1892.

[3]) Московскій Арх. Гл. Штаба, опись 200, связка 52, № 17 (краснымъ), рапортъ Суворова изъ Очакова отъ 11 Мая.

[4]) „Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“, С.-Петербургъ, 1892 г., т. VI, стр. 99.

ствіе несообразности общаго плана, вели только къ утомленію людей и не имѣли вліянія на исходъ кампаніи. Какъ выразился гр. Н. И. Салтыковъ въ письмѣ къ Румянцову отъ 17-го Авг.: „Повсюду мы бьемъ и гоняемъ, а изъ того ничего не выходитъ; какъ то уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ случилось, что по разбитіи называемыхъ скопищъ вмѣсто чтобъ таковыя произшествія насъ подвигали впередъ, мы должны назадъ оборачиваться къ защитѣ собственно себя ....“ [1]) Слѣдовало бы, занявъ край войсками и воспрепятствовавъ такимъ образомъ распространенію возстанія и дѣйствіямъ польскихъ партизановъ, устремиться съ сильнымъ сосредоточеннымъ отрядомъ на главные опорные пункты поляковъ и наступленіемъ рѣшить войну.

Между тѣмъ Репнинъ раздроблялъ свои силы и дѣйствовалъ безъ системы. Поляки же хорошо усвоили себѣ пріемы партизанской войны.

Шляхетскія партіи съ толпами насильно привлеченныхъ къ возстанію жителей устремились на русскую границу. При наступленіи на нихъ горсти регулярныхъ войскъ, онѣ быстро отступали, скрываясь въ лѣсахъ, а затѣмъ, по миновaніи непосредственной опасности, снова появлялись. Коронныя польскія войска поддерживали партизановъ [2]).

Имѣя въ виду третій раздѣлъ Польши, Репнину приказано было двинуться впередъ и занять намѣченную новую границу по Нѣману и Зап Бугу [3]). Но какъ

---

[1]) Секретный жур. Салтыкова, листъ 118.

[2]) Масловскій, стр. 447—456.

[3]) Секретный журналъ П. И. Салтыкова, листъ 97, письмо къ Репнину отъ 30-го Іюня: „Австрійскія войска вошли подъ командой генерала Гарнонкура въ Польшу и занимаютъ Краковское, Сендомирское, Люблинское и Хельмское воеводства, а посему и велѣно фельдмаршалу (т. е. Румянцову) войсками его начальства занять остатокъ Волыни и часть Хельмскаго Воеводства лежащую по сей сторонѣ Буга, простираясь внизъ по сей рѣкѣ до Бреста Литовскаго, здѣлавъ оттуда связь съ войсками вашего начальства, а вамъ чтобъ отъ Бреста до Гродни и отъ Гродни по рѣкѣ Нѣману чрезъ Самогитію и до Полангена. Изъ сего вы разсудите къ чему идетъ, и сими днями считаю начнутся о семъ и негоціаціи; а потому и нужно чтобъ сказанныя мѣста къ занятію нашими войсками скорѣе въ рукахъ нашихъ были“.

только Репнинъ въ началѣ августа очистилъ границу и пошелъ впередъ, польскіе партизаны, не встрѣчая болѣе препятствій, съ налета захватили въ тылу Репнина Полангенъ, Либаву, Динабургъ и угрожали Полоцку [1]). Война, по выраженію Н. И. Салтыкова, сначала ничего не значущая, теперь становилась „прехитрою и прелерзкою“ [2]). Только послѣ назначенія спеціальныхъ отрядовъ для занятія края [3]) и послѣ захвата Вильны [4]) 1-го августа дѣйствія въ Литвѣ нѣсколько наладились.

Послѣ боя подъ Рацлавицами *дѣла въ Польшѣ* шли слѣдующимъ образомъ. Косцюшко продолжалъ формировать у Кракова армію Объявленъ былъ рекрутскій наборъ по одному рекруту съ 5 домовъ. Конный рекрутъ долженъ былъ имѣть у себя куртку и шаровары синяго сукна, карабинъ, палашъ, суму, плащъ, черную шапку съ красной опушкой, 2 полотняныхъ чакчиръ, 2 рубахи, желѣзныя шпоры, копи въ 20 червонцевъ, сѣдло, синій чепракъ; пѣшій рекрутъ—сермягу, сапоги, новую шапку, пику или косу; на каждаго рекрута общество должно

[1]) Тоже, листъ 110, письмо Репнину отъ 8-го Августа 1794 г.

[2]) Тоже, листъ 120.

[3]) Тоже, листы 88, 89, письмо Репнину отъ 12-го Іюня: „Конечно весьма полезнѣе, такъ какъ вы и назначивали, здѣлать посты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ числѣ такомъ, чтобъ оное въ почтеніи быть могло, гораздо удобнѣе спокойствіе внутри земли сохранено быть можетъ, чѣмъ вящше, когда вездѣ наши внѣ границъ нашихъ дѣйствія съ успѣхомъ производимы будутъ: и для того думаю я весьма для васъ самихъ покойнѣе будетъ учредить съ генераломъ Тутолминымъ (генералъ-поручикъ правившій должность Минскаго генералъ-губернатора), ему дать часть войскъ, какую вы положите достаточною къ удержанію внутренняго спокойствія, безъ немѣшательства наступательныхъ дѣйствій, въ его точное уже распоряженіе, отдѣливъ оную совсѣмъ отъ дѣйствующихъ за Границею войскъ, и чтобъ уже онъ до другихъ войскъ не касался, и съ тѣми Генералами ему не будетъ дѣла, а инако вѣчно они будутъ въ спорахъ и жалобахъ другъ на друга, а между тѣмъ вездѣ самое дѣло отъ того потерпитъ“. Такимъ образомъ, устанавливалось единство командованія, котораго до того времени не было, и упорядочивались военныя дѣйствія.

[4]) Моск Архивъ Гл. Штаба, опись 196, связка 4, № 216, копія письма генералъ-маіора Кноринга къ Тутолмину, что Вильна сдалась 1-го Августа послѣ упорнаго боя, бывшаго 31-го Іюля; уронъ поляковъ 5 т. и нѣсколько тысячъ разбѣжавшихся; поляковъ считали до 30 т. подъ начальствомъ Хлевинскаго, Грабовскаго, Корсака и Майена; взято 9 пушекъ большаго калибра.

было давать еще деньгами по 15 злотыхъ [1]). Однако народъ не отзывался на призывъ вождя и уклонялся отъ возстанія, рекрутчины и налоговъ [2]).

Впослѣдствіе, въ одномъ изъ своихъ универсаловъ, Косцюшко жалуется на равнодушіе къ возстанію: „Сообыватели! всякъ, кто только носитъ имя поляка, употребляетъ всѣ средства къ низверженію поноснаго ига; вы, волыняне, доселѣ остаетесь въ гнусной спокойности. Что же бы то было?... Можетъ ли это быть, чтобы воеводство такъ обширное, такъ многолюдное, такъ достаточное, отказало отчизнѣ въ тѣхъ средствахъ.... Обывателей не удержала отъ помянутаго дѣла (т. е. отъ заговора), разность вѣры и исповѣданія. Сіи обѣ не препятствуютъ любить отечество и вольность. Пускай каждый почитаетъ Бога по своей вѣрѣ..., оставьте въ покоѣ людей, имѣющихъ съ вами не одинаковое исповѣданіе, соединитесь съ ними любовью къ отечеству и къ вольности народной..., сдѣлайте народное возстаніе... которое никто не можетъ испровергнуть...“ [3])

Очевидно, что Косцюшко не въ состояніи былъ возбудить народную войну. Бо́льшую поддержку онъ получилъ съ другой стороны. Первый его успѣхъ соблазнительно подѣйствовалъ на все польское войско, какъ находившееся въ Польшѣ, такъ и въ новопріобрѣтенныхъ Россіею областяхъ, гдѣ еще не успѣли его распустить. Въ Люблинскомъ воеводствѣ до 15 т. присоединились къ повстанью, признали Косцюшку главнымъ начальникомъ, а для непосредственнаго командованія выбрали полковника Гроховскаго [4]). Изъ южной Россіи польскія

---

[1]) Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, „Повеленіе старосту Ковельскому отъ полковника Игната Васютинскаго“.

[2]) Костомаровъ, стр. 756—764. Соловьевъ, стр. 343. „Отечественныя Записки“, 1863 г., Декабрь, стр. 459.

[3]) Московск. арх. Гл. Штаба опись 195, св. 8, документъ (подлинникъ и переводъ) лежитъ вслѣдъ за крупчицкой реляціей и озаглавленъ: «Тадеушъ Костюшко верховный начальникъ народной военной силы. Къ обывателямъ волынскаго воеводства и къ другимъ народамъ въ послѣдній разъ насильно отобраннымъ отъ Рѣчи Посполитой».

[4]) «Отечественныя записки», 1863 г., Декабрь, стр. 454. Костомаровъ, стр. 753.

войска уходили цѣлыми эскадронами, полками и даже бригадами, съ полнымъ вооруженіемъ и снаряженіемъ. На пути они опрокидывали заступавшіе имъ дорогу небольшіе русскіе отряды и пробирались къ Косцюшкѣ черезъ Австрію или Молдавію. Распредѣленные уже по русскимъ полкамъ поляки убѣгали, не смотря на грозившія имъ жестокія (колесованіе) наказанія[1]).

Достаточно усилившись, Косцюшко направилъ отрядъ подъ начальствомъ ген. Заіончека въ Холмское воеводство, какъ бы заслономъ противъ русскаго отряда ген.-поручика Дерфельдена, шедшаго съ Волыни на поддержку русскихъ войскъ въ Польшѣ; самъ же съ 16 т. регулярныхъ и 10 т. вооруженныхъ мужиковъ (косиньеры) двинулся противъ отряда ген.-маіора Денисова, высланнаго впередъ въ Сандомирское воеводство отъ войскъ

[1]) Костомаровъ, стр. 751, 812, 813. А. Петрушевскій «Генералиссимусъ князь Суворовъ», С.-Петербургъ, 1884 г. т. II, стр. 36—37. Сначала послѣ втораго раздѣла оставили польскія войска въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ въ неопредѣленномъ положеніи; такъ въ одномъ документѣ «Изъясненіе о присоединенныхъ отъ республики польской войскахъ» (Московск. Ар. Гл. Штаба опись 200, связка 52, № 5) говорится: «По манифесту въ 1793 г. марта 27 съ присоединеніемъ отъ республики польской земель присоединены и находившіяся тамъ войска. По именному Ея И. В. указу маія 6 дня 1793 г. повелѣно: доколѣ не послѣдуетъ надлежащаго для войскъ положенія оставить ихъ во всемъ на прежнемъ основаніи». Революція 1794 г. немедленно отозвалась въ польскихъ войскахъ. Командовавшій войсками въ новоприсоединенныхъ областяхъ ген.-аншефъ гр. И. П. Салтыковъ уже 21 апрѣля (Московск. Арх. Гл. Штаба опись 196, связка 2, № 507) проситъ Суворова прислать изъ его команды хотя 2 казачьихъ полка для недопущенія возмущенія польскихъ войскъ и говоритъ: «Всеобщее возмущеніе въ Польшѣ и въ Литвѣ до того усилилось, что деташементы разсѣянныхъ тамо войскъ нашихъ всѣ мятежниками разрѣзаны и никакого не имѣютъ между собою сообщенія. Зло сіе простерлось и въ присоединенныя области. Кромѣ тѣхъ бывшихъ польскихъ войскъ, о которыхъ увѣдомилъ я ваше Сіятельство отъ 13-го сего мѣсяца, взбунтовались еще бригады Волынская и Брацлавская. Первая ушла за Днѣстръ въ Молдавію, переправившись въ Цыкиновкѣ и Ямполѣ, другая отъ Погребища пошла черезъ Илковъ и Хмѣльникъ къ границѣ Польской. Вчерашняго дня бывши встрѣчена баталіономъ Екатеринославскаго Гренадерскаго полку, съ отчаянностію сражалась, и хотя съ урономъ, но раздѣлившись на двѣ части пошла далѣе къ границѣ.»

Теперь то схватилась военная коллегія за расформированіе польскихъ войскъ. Гр. Н. И. Салтыковъ пишетъ изъ Петербурга къ гр. И. П. Салтыкову отъ 25 апрѣля (Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 200, св. 52, № 19—краснымъ): «Вслѣдствіе колеблемости новоприсоединенныхъ войскъ..... желающихъ остаться распредѣлить въ полки и команды во внутреннія губерніи: изъ изъяславской (т. е. въ вѣдѣніи И. Сал-

Ферзона еще Игельстромом[1]). Кромѣ того, по всей Польшѣ Костюшко организовалъ партизанскіе отряды. Онъ хорошо понималъ невозможность для поляковъ одолѣть хорошо устроенныя регулярныя войска противника въ открытомъ полѣ, а потому положилъ ихъ никогда не атаковать, принимать бой только оборонительный въ укрѣпленныхъ позиціяхъ, при численномъ превосходствѣ; за то широко развить партизанскія дѣйствія, въ которыхъ поляки были искусны да и знаніе мѣстности должно было дать важное преимущество.

Партизаны дѣйствовали на тылъ Денисова и въ высшей степени затрудняли ему продовольствіе отряда. Вынужденный партизанами Денисовъ отошелъ отъ Поланца (16 Мая) къ м. Щекоцины на соединеніе съ пруссаками, бывшими подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Фаврата [2]). Союзники теперь были на столько сильны, что могли смѣло напасть на Косцюшку, расположившагося въ укрѣпленной позиціи; но ловкій царедворецъ Фавратъ отложилъ атаку до прибытія къ отряду ожидавшагося прусскаго короля Фридриха Вильгельма II, чтобы дать ему случай одержать побѣду [3]). Король прибылъ. 26 Мая союзники атаковали поляковъ и послѣ 6-ти часоваго упорнаго боя одержали побѣду (поляки потеряли двухъ генераловъ, тысячу человѣкъ и

тыкова) въ корпусъ оренбургской, а брацлавской (т. е. находившейся въ вѣдѣніи Суворова)—на Кавказъ, прочихъ распустить по домамъ;" но 2 Мая послѣдовало измѣненіе этого распоряженія—назначать въ Кіевскіе и вообще Малороссійскіе полки, но тѣхъ, которые клонились къ мятежникамъ,—на Кавказъ.

[1]) Костомаровъ, стр. 776

[2]) Этотъ генералъ, вѣроятно, побочный сынъ маршала Саксонскаго, отличался большой физической силой и незначительнымъ военнымъ талантомъ; онъ представлялъ настоящій типъ кондотьери того времени: служилъ въ Испаніи, Италіи, Австріи и два раза поступалъ на службу Пруссіи; пытался служить даже въ Турціи и Египтѣ.—Neue Militärische Blätter, 1892, Mai.

[3]) На предложеніе Денисова совмѣстно атаковать Косцюшку Фавратъ безъ всякаго стѣсненія отвѣчалъ, что „королю, своему повелителю, прибытіе котораго на театръ войны ожидается, онъ несмѣетъ забѣгать впередъ, а напротивъ долженъ предоставить ему честь побѣды“.—Neue Militärische Blätter, 1892, Juni.

8 пушекъ), но далеко не полную, ибо Косцюшкѣ удалось отступить и даже совершить весьма смѣлый фланговый маршъ черезъ Кѣльцы и Радомъ, переправиться черезъ Пилицу у Варки и прибыть къ Варшавѣ, имѣвъ только ничтожный арьергардный бой на р. Пилицѣ съ Денисовымъ Движеніе Косцюшки было тѣмъ болѣе опасно, что Дерфельденъ 28 Мая нанесъ рѣшительное пораженіе Заіончеку, не доходя Холма, и могъ ударить Косцюшкѣ въ тылъ. Пруссаки однако не преслѣдовали Косцюшку, а имѣя въ виду цѣли политическія, шли медленно по его слѣдамъ, пославъ небольшой отрядъ генерала Эльснера къ Кракову, который и сдался ему 3 іюня самымъ позорнымъ образомъ. Дерфельденъ 4 іюня прошелъ Люблинъ и находился уже недалеко отъ Вислы [1]).

Вслѣдствіе ряда неудачъ Косцюшки и Заіончека въ Варшавѣ произошло возмущеніе черни.

При такихъ условіяхъ рѣшительное движеніе къ Варшавѣ и смѣлый штурмъ могли бы закончить войну. Но Дерфельденъ получилъ настойчивыя приказанія отъ Репнина и Н. И. Салтыкова, очевидно не знавшихъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ, отойти къ русской границѣ (на Брестъ и Слонимъ) во исполненіе общаго плана. Осторожный генералъ не взялъ на себя отвѣтственности за нарушеніе приказанія свыше и, прекративъ движеніе на Варшаву, пошелъ на Слонимъ [2])

Пользуясь этимъ, Косцюшко подошелъ къ Варшавѣ, возстановилъ тамъ порядокъ (онъ былъ провозглашенъ генералисимусомъ), принялъ мѣры къ укрѣпленію столицы, поручилъ оборону укрѣпленій особому гарнизону ген. Заіончека и вооруженнымъ жителямъ, [3]) а самъ

[1]) Neue Militärische Blätter, 892, Juni. „Отечественныя записки“, 1868 г., Декабрь, стр. 467. Костомаровъ, стр 777—781.

[2]) Секретный журналъ Салтыкова, листъ 93. Масловскій, стр 457—458 и стр. 91 примѣчаній. Энтель, стр. 290, 299.

[3]) Статья Натцмера въ Neue Militärische Blätter, 1892, Juni, показываетъ всего польскихъ войскъ въ Варшавѣ и около нея 50 т., изъ нихъ 18 т. крестьянъ и 15 т. горожанъ; пушекъ 415. Цифры эти весьма гадательны.

раздѣлилъ свои силы (22 т., изъ нихъ обученныхъ не болѣе 9 т., остальные новобранцы; конницы въ отрядѣ было 5 т.) на два отряда для активной обороны подступовъ къ Варшавѣ на лѣвомъ берегу Вислы: одинъ, подъ личнымъ его начальствомъ, сталъ у Вилланова, а другой, ген. Макрановскаго, у Блоне [1]).

Варшаву давно уже начали укрѣплять. Главнымъ образомъ работали русскіе плѣнные, которыхъ заставляли копать „съ 6 ч. утра до зари вечерней„ [2]), но и всѣхъ обывателей также посылали на работы, [3]) и кто уклонялся отъ работы, на того налагали пеню. Даже знатные дамы и дѣвицы выѣзжали въ каретахъ, чтобы собственноручно бросить нѣсколько лопатъ земли. Современникъ Янъ Дуклапъ Охоцкій разсказываетъ такъ: „Прекрасныя ручки, которыхъ пальчики, убранные дорогими камнями, дотрогивались только до опахала изъ слоновой кости или до флакончика съ духами, теперь взяли заступъ и бѣжали весело на работу“. Одѣвались дамы въ сѣрыя полотняныя юбки съ чернымъ шерстянымъ передникомъ и въ кафтанчики; не дозволялось носить ни шолка, ни золота; каждая несла съ собой холщевой мѣшокъ съ провизіей [4]). Во время работы гремѣла музыка, пили вино, пѣли хоромъ патріотическія пѣсни. Какъ рельефно сказался тутъ характеръ поляка! Камергеръ Прилуцкій далъ такое показаніе: „Его польское Величество подаетъ собственный примѣръ трудовъ, упражняясь въ дѣланіи рва; при семъ случаѣ нѣкоторая женщина убѣдительно его просила оставить таковое изнурительное предпріятіе въ твердомъ увѣреніи, что ни одно его начинаніе не было увѣнчано благополучнымъ успѣхомъ“ [5]). Вообще королю жилось не сладко—онъ скорѣе походилъ на плѣнника, за кото-

[1]) Костомаровъ, стр. 791. Масловскій, стр. 458.
[2]) Московскій Архивъ Гл. Штаба, опись 196, связка 8, показаніе Ивана Гузы.
[3]) Тоже, связка, 4, № 112, свѣдѣнія камергера Прилуцкаго.
[4]) „Записки Яна Дуклана Охоцкаго“, С.-Петербургъ, 1873 г.
[5]) Московскій архивъ Гл. Штаба, опись 196, связка 4, № 112.

рымъ неотступно наблюдали. Можно удивляться терпѣнію Станислава Августа, которому приходилось почти постоянно переносить возмутительныя дерзости. Одинъ проповѣдникъ съ каѳедры, во время обѣдни, произноситъ похвальное слово Робеспьеру [1]), другой прямо обращается къ нему съ наглыми наставленіями [2]). Въ письмѣ отъ 1 Іюля къ Косцюшкѣ король пишетъ: „Открыто на рынкѣ и въ питейныхъ домахъ поютъ пѣсню, въ концѣ которой говорится: Мы краковяки, носимъ на поясѣ шарикъ: мы на немъ повѣсимъ короля и примаса . . . Въ цѣлой Варшавѣ теперь нѣтъ ни одного человѣка, которому было бы поручено и который былъ бы въ состояніи охранить меня“ [3]).

Послѣ отступленія Дерфельдена король прусскій и Ферзенъ продолжали движеніе къ Варшавѣ, но крайне вяло. Сначала Ферзенъ былъ весьма преданъ королю и готовъ былъ соглашаться со всѣми его распоряженіями, но когда увидѣлъ въ дѣйствіяхъ пруссаковъ только своекорыстный разсчетъ, то совершенно потерялъ къ нимъ довѣріе [4]). 13 Іюля союзники обложили Варшаву съ лѣваго берега Вислы, но пруссаки вели осаду только формально и старались подставить подъ огонь однихъ русскихъ [5]). Всего осаждавшихъ крѣпость было: 35 т. пруссаковъ и 12 т. русскихъ [6]). Фридрихъ Виль-

[1]) Соловьевъ, стр. 344.

[2]) Тоже, стр. 337.

[3]) Тоже, стр. 315—346

[4]) „Отечественныя записки“, 1863 г., Декабрь, стр. 474. Ферзенъ, по выраженію короля, съ каждымъ днемъ devenait moins traitable.

[5]) При прусскомъ дворѣ было двѣ партіи—маркиза Люкезини и Бишофсвердера. Люкезини совѣтовалъ дѣйствовать энергически, взять Варшаву, перейти Вислу, вступить въ Литву, чтобы послѣ, при раздѣлѣ, можно было хвалиться умѣренностью, ограничившись линіею Вислы съ Варшавою, Сандомиромъ и Краковомъ. Бишофсвердеръ говорилъ, что не слѣдуетъ тратить прусскихъ солдатъ въ кровопролитномъ дѣлѣ взятія Варшавы, которая должна сдаться сама, когда жители увидятъ серьезныя приготовленія къ осадѣ; штурмовать Варшаву—значитъ разрушать городъ, который впослѣдствіе будетъ принадлежать Пруссіи. Король склонялся то на сторону одного, то на сторону другого, смотря съ кѣмъ послѣднимъ поговоритъ. „Отечественныя записки“ 1863 г., Декабрь, стр. 474—475. Соловьевъ, стр. 346.

[6]) Петрушевскій, т. II, стр. 76.

гельмъ пытался взять Варшаву угрозами и для того послалъ 2-го Августа Станиславу Августу предложеніе сдать городъ. Польскій король отвѣчалъ вѣжливо, но въ отказѣ своемъ между прочимъ написалъ: „Польское войско, находясь подъ начальствомъ генералисимуса Косцюшки, отдѣляетъ Варшаву отъ стана Вашего Величества [1]".

Ферзенъ ясно видѣлъ желаніе пруссаковъ всю тяжесть предстоящаго штурма свалить на однихъ русскихъ и далъ понять, что онъ не можетъ на это согласиться, т. е. по выраженію Суворова не желаетъ быть „каштаннымъ котомъ". Когда король приглашалъ Ферзена къ отдѣльному нападенію, то онъ отвѣчалъ, что слишкомъ слабъ,чтобы дѣйствовать порознь. а вмѣстѣ съ Пруссаками готовъ. Время проходило въ пустячныхъ стычкахъ съ поляками при отраженіи ихъ вылазокъ или при нападеніи на отдѣльные передовые пункты. Король при этомъ за каждое вздорное столкновеніе награждалъ свои войска; такъ 15-го Августа пожаловалъ полку ф. Гольведе гренадерскій бой, а за каждую взятую у непріятеля пушку давалъ по 300 талеровъ [2]) Между тѣмъ произошло возстаніе въ Великой Польшѣ, въ прусскихъ владѣніяхъ; польскіе партизаны начали дѣйствовать на тылъ короля и затруднили подвозъ всего необходимаго. Уже 11 го Августа во Влоцлавскѣ па Вислѣ полякамъ удалось захватить Прусскій транспортъ съ боевыми припасами, шедшій изъ Грауденца вверхъ по рѣкѣ для удовлетворенія потребностей осады. 26-го Августа пруссаки сняли осаду; начали отступленіе къ своимъ границамъ, прося однако Ферзена не уходить, чтобы прикрыть ихъ отступленіе. Ферзенъ обѣщалъ подождать до 30-го Августа, хотя, конечно, съ уходомъ пруссаковъ и его положеніе становилось болѣе труднымъ [3]).

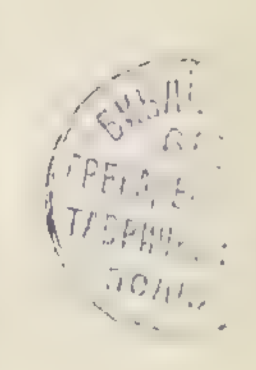
---

[1]) Костомаровъ, стр. 793.

[2]) Neue Militärische Blätter, 1892, Juni. Соловьевъ, стр. 347. Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, «извѣстія изъ Варшавы».

[3]) Сами нѣмцы говорятъ, что они „отступали, къ удивленію Европы, съ поспѣшностью, похожею на бѣгство". Такъ какъ Косцюшко для распространенія возстанія

Слѣдуетъ замѣтить, что австрійцы, томимые „страшной тоской по вознагражденіямъ“ [1]) еще со времени втораго раздѣла, давно уже почувствовали, что въ воздухѣ пахнетъ третьимъ раздѣломъ, а потому рѣшили своевременно обезпечить себѣ долю въ будущемъ. Для этого 30-го Іюня они двинули свои войска, подъ начальствомъ ген.-лейт. Гарнонкура, въ сосѣдніе съ Галиціей воеводства Холмское, Люблинское, Краковское и Сандомирское, а 9-го Іюля заняли Люблинъ. Австрійцы держали себя очень хитро: они не обнаруживали враждебности относительно поляковъ, такъ что послѣдніе полагали даже, что войска вошли для защиты Польши отъ москалей; имѣя въ виду предоставить русскимъ и пруссакамъ усмиреніе возстанія оружіемъ, а самимъ только воспользоваться результатами чужихъ успѣховъ, они ограничивались затрудненіемъ (но не совершеннымъ пресѣченіемъ) подвоза полякамъ продовольствія и прибытія укомплектованій [2]); при случаѣ они недавали собирать провіантъ и русскимъ [3]). Во всякомъ случаѣ Ферзенъ считалъ ихъ союзниками и для марша изъ подъ Варшавы въ Литву, на соединеніе съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ кн. Репнинымъ, выбралъ путь вверхъ по лѣвому берегу Вислы, чтобы переправиться въ верхнемъ

направилъ внизъ по Вислѣ отряды искусныхъ, а еще болѣе энергичныхъ, генераловъ Домбровскаго и Мадалинскаго, то Король, уѣзжая въ Берлинъ, передалъ команду надъ войсками генералу графу Шверину съ приказаніемъ: 1) наблюдать за Варшавой, 2) удерживать Сандомиръ и Краковъ, 3) уничтожить корпусъ Домбровскаго и 4) потушить возстаніе въ южной Пруссіи. Задачи многочисленныя и нелегкія. Шверинъ растянулся кордономъ вдоль прусскихъ границъ съ Польшею и ничего серьезнаго не предпринималъ;—пруссаки какъ бы перестали дѣйствовать на театрѣ войны. Neue Militarische Blätter, 1892, Juni. „Отечественныя Записки“, 1863 г., Декабрь, стр. 477. Соловьевъ, стр. 317—318. Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 58, письмо Репнина Суворову и № 85, рапортъ Ферзена отъ 19-го Августа за № 134.

[1]) Соловьевъ, стр. 314.

[2]) Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 200, № $\frac{148}{23}$, секретный журналъ Салтыкова, листъ 97, письмо Репнину. Костомаровъ, стр. 788.

[3]) Ферзенъ доносилъ отъ 8 октября о таковомъ дѣйствіи австрійскаго отряда графа Орелле. Московскій Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 13.

теченіи, занятомъ австрійцами; конечно, этотъ путь былъ наиболѣе безопаснымъ.

По существу дѣла Ферзенъ считалъ кампанію на этотъ годъ поконченной. Репнинъ, притянувъ къ себѣ отрядъ Дерфельдена, наносилъ полякамъ въ Литвѣ послѣдніе удары съ цѣлью обезпечить себѣ спокойное пребываніе на зимнихъ квартирахъ, къ которымъ уже началъ подготовляться [1]). Въ это то именно время и появляется на театрѣ войны генералъ-аншефъ гр. Александръ Васильевичъ Суворовъ Рымникскій, который при помощи своей необычайной энергіи даетъ дѣлу совершенно другой оборотъ.

ГЛАВА III.

Походъ Суворова отъ Немирова до Бреста.

Румянцовъ посылаетъ Суворова на театръ войны. Планъ Суворова. Быстрый маршъ отъ Немирова до Ковеля. Побѣды при Дивинѣ 3-го Сентября, при Кобринѣ 4-го Сентября, при Крупчицахъ 6-го Сентября и подъ Брестомъ 8-го Сентября. Впечатлѣніе, произведенное этими побѣдами на поляковъ; приказъ Косцюшки. Заключеніе о походѣ къ Бресту.

Казалось бы знаменитаго Суворова, отлично извѣстнаго Екатеринѣ, давно слѣдовало послать для усмиренія Польши; но его не посылали подъ многими предлогами. Онъ командовалъ войсками во вновь присоединенныхъ отъ Турціи областяхъ (штабъ въ Херсонѣ, а потомъ въ Немировѣ) и долженъ былъ тамъ оставаться на готовѣ, на случай объявленія войны Турціей; вмѣстѣ съ тѣмъ на него была возложена постройка новыхъ крѣпостей, а затѣмъ обезоруженіе польскихъ войскъ, находившихся въ подчиненныхъ ему областяхъ, что и было Суворовымъ исполнено весьма покойно и успѣшно на пространствѣ отъ Кіева до Каменецъ-Подольска [2]). Получая

---

[1]) Секретный журналъ Н. И. Салтыкова, листъ 129.

[2]) Какъ Румянцовъ, такъ и власти въ Петербургѣ были очень довольны дѣйствіями Суворова. Н. И. Салтыковъ, въ письмѣ Румянцову отъ 9-го Іюля (Секрет. журн., листъ 100) прямо пишетъ, что освободясь отъ присоединенныхъ войскъ „избавились болячки“.

извѣстія событіяхъ въ Польшѣ, полководецъ горѣлъ желаніемъ принять участіе въ борьбѣ и негодовалъ на свое положеніе. Вотъ его выраженія, разсѣянныя въ письмахъ разнымъ лицамъ: „я, по дару Измаила, во тмѣ сидящій Тучковъ“ (высшій начальникъ инженерной части въ то время): „я захребетный инженеръ и посему какъ въ горячкѣ“; „Бога ради избавьте меня отъ крѣпостей, лучше бы я грамотѣ не зналъ“; „напомните Турчанинову, я не инженеръ, а полевой солдатъ, не Тучковъ, а знаютъ меня Суворовымъ и зовутъ Рымникскимъ“; „въ непрестанной мечтѣ, паки я не въ Польшѣ; *тамъ бы я въ сорокъ дней кончилъ*“; Румянцову онъ жалуется на „томную праздность“, въ которую невинно погруженъ со времени славнаго штурма Измаила, и проситъ: „изведите меня изъ оной; могъ бы я преспособить окончанію дѣлъ въ Польшѣ и поспѣть къ строенію крѣпостей [1])“.

Наконецъ, 1-го Августа Суворовъ окончилъ обезоруженіе польскихъ войскъ, а 7-го Румянцовъ взялъ на себя починъ въ отправкѣ Суворова на театръ войны и послалъ ему предписаніе, въ которомъ приказывалось: „сдѣлать сильный отворотъ сему дерзкому непріятелю и такъ скоро, какъ возможно, отъ стороны Бреста и Подляскаго и Троцкаго воеводствъ.... Къ сему назначенію суть уже дѣйствительно два корпуса командированы (Буксгевдена и Маркова).... Ваше Сіятельство были всегда ужасомъ поляковъ и турокъ и вы горите всякій разъ равно нетерпѣніемъ и ревностію, гдѣ только о службѣ рѣчь есть; а по моей ревности къ лучшему оной, я долженъ всевѣчно желать, чтобы Ваше Сіятельство предводительство сихъ обоихъ корпусовъ только на сіе время на себя приняли, видя, что Ваше имя одно въ предварительное обвѣщеніе о вашемъ походѣ подѣйствуетъ въ духѣ непріятеля и тамошнихъ обывателей больше, нежели многія тысячи [2])“.

---

[1]) Петрушевскій „Генералиссимусъ князь Суворовъ“, С.-Петербургъ, 1884 г., т. II, стр. 23, 41.

[2]) Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 81.

Несмотря на то, что Суворову давалось порученіе второстепенное, а число войскъ небольшое (да и то съ оговорками, „только на сіе время"), онъ схватился за этотъ случай какъ за якорь спасенія, конечно, надѣясь придать своимъ операціямъ другой размѣръ.

Замѣчательно, что распоряженіе Румянцова почти совпало съ таковымъ же изъ Петербурга, ибо того же 7-го Августа Императрица подписала на его имя рескриптъ, въ которомъ приказывалось занять Брестъ, а далѣе, между прочимъ, говорилось: „утвердясь въ Брестѣ Литовскомъ и укрѣпясь наинадежнѣйшимъ образомъ, надлежитъ обратить все стараніе къ составленію тутъ запасовъ провіанта"... для корпусовъ Дерфельдена и Ферзена [1]). Румянцовъ переслалъ этотъ рескриптъ Суворову для исполненія, но „скоропостижнаго" полководца уже не было въ Немировѣ и рескриптъ догналъ его на походѣ. Обозначеніе предѣла его наступленія (Брестъ), выраженное въ рескриптѣ, подѣйствовало на Суворова весьма неблагопріятно Вѣроятно, во время пребыванія въ м. Варковичи онъ написалъ слѣдующее: „Невѣжды петербургскіе не могутъ дать правилъ россійскому Нестору [2]), одни его повелѣнія для меня святы... Мнѣ погодить о себѣ публиковать, чтобъ оставалось въ запасѣ нѣчто нечаянности до перваго побіенія, коли и благословитъ Богъ. Время драгоцѣннѣе всего. Юлій Цезарь побѣждалъ поспѣшностью. Я терплю до двухъ сутокъ для провіанта, запасаясь имъ знатно на всякій случай. Поспѣшать мнѣ надлежитъ къ сторонѣ Бреста, ежели между тѣмъ мятежники не разбиты, но не для магазейнъ-вахтерства (какъ прежде кондукторства); есть младшіе,.... или оставить все [3]). Тамъ мнѣ

[1]) Тоже № 80.

[2]) т. е. Румянцову.

[3]) Намекъ на его дѣятельность по постройкѣ крѣпостей (инженерные кондукторы — чертежники) и на то, что онъ не желаетъ ограничиться только устройствомъ продовольственныхъ магазиновъ.

прибавить войска, идти къ Прагѣ [1]), гдѣ отрѣзать субсистенцію изъ Литвы въ Варшаву" [2]).

Эта записка представляетъ документъ въ высшей степени замѣчательный. Въ ней ясно намѣченъ весь планъ предстоящей войны: предметомъ дѣйствій сразу ставится Варшава, гнѣздо революціи, и прежде всего намѣчается движеніе къ Прагѣ, чтобы отрѣзать Варшаву отъ Литвы и воспрепятствовать подвозу оттуда средствъ и прибытію подкрѣпленій. Изъ той же записки видно, какое значеніе придавалъ Суворовъ внезапности появленія (нечаянности), и дѣйствительно, — она есть лучшій способъ подготовки успѣха. По этому поводу Суворовъ въ своемъ катехизисѣ („Наука побѣждать") выражается такъ: „Непріятель не ждетъ; поетъ и веселится; а ты изъ за горъ высокихъ, изъ за лѣсовъ дремучихъ, черезъ топи и болота, пади на него, какъ снѣгъ на голову. Ура! бей! коли! руби! непріятель въ половину побѣжденъ, не давай ему опомниться. Гони, доканчивай! побѣда наша! у страха глаза велики" [3]).

Маршъ Суворова былъ быстръ. Изъ Немирова онъ выступилъ 14-го Августа [4]) съ 4500 чел. и 10 орудіями; на пути присоединились отряды Буксгевдена и

---

[1]) Предмѣстье Варшавы на правомъ берегу Вислы.

[2]) Петрушевскій, т. II, стр. 51.

[3]) „Разсказы стараго воина о Суворовѣ", Москва, 1847 г., стр. 9—10.

[4]) Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, послѣ документа за № 30 лежать бумаги, озаглавленныя „Крупчицкая реляція"; она начинается такъ; „Ея Императорскаго Величества часть войскъ выступила изъ Немирова 14 числа августа къ Варковичамъ"... Тоже самое число показано во всѣхъ печатныхъ источникахъ, напр. Петрушевскій, т. II, стр 47; „Отечественныя записки", 1863 г., Декабрь, стр. 479; Е. Фуксъ „Исторія генералиссимуса, князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго", Москва, 1811 г., ч. I стр. 105; Friedrich Anthing „Versuch einer Kriegs Geschichte des Grafen Alexander Suworow Rymnikski", Gotha, 1795—99, III Theil. 15. Только одинъ Д. Ө. Масловскій въ примѣчаніи 51-мъ, на стр. 100 говоритъ: „По указанію г. Петрушевскаго, выступилъ 14 Августа; но изъ предписанія Дунина видно, что онъ выступилъ 11-го Августа"; соотвѣтствующей цитаты изъ предписанія не приведено. Мы предпочли придерживаться тексту реляціи, упомянутой выше.

Маркова [1]), такъ что составилось около 11 тыс. съ 16 орудіями. Для обезпеченія тыла въ Немировѣ оставили генерала Дунина съ 8 баталіонами и 2 карабинерными полками [2]). 22-го Августа Суворовъ прибылъ въ м. Вар-

---

[1]) Выше (стр. 22) было уже упомянуто о повелѣніи фельдмаршалу Румянцову занять его войсками линію р. Зап. Буга внизъ до Бреста, откуда далѣе внизъ по теченію должны были располагаться войска Репнина. Во исполненіе этого повелѣнія, дабы не только остатокъ Волыни, но и „воеводство Бржеское въ уздѣ держать", Румянцовъ назначилъ два летучихъ корпуса (Буксгевдена и Маркова) къ Бресту-Литовскому и Владиміру-Волынскому (повелѣнія Румянцова отъ 25-го іюня, 11 и 25 Іюля въ Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 63), которые должны были „дѣйствовать общественно съ бригадиромъ Дивовымъ", находившимся въ Пинскѣ и подчиненнымъ Репнину. Резервомъ этимъ двумъ летучимъ корпусамъ служилъ 3-й корпусъ генералъ-маіора графа Разумовскаго у Острога (повелѣніе Румянцова отъ 11 Августа, тамъ же); кромѣ того фельдмаршалъ приказалъ еще 21 Іюля (документъ тамъ же) Суворову отправить къ Полонному два донскихъ казачьихъ полка при походномъ атаманѣ подполковникѣ Ребриковѣ. Однако корпуса Буксгевдена и Маркова не расположились такъ, какъ указывалъ имъ Румянцовъ, ибо въ повелѣніи Буксгевдену отъ 4 Августа изъ Слонима (Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 4, бумага безъ номера, но лежитъ послѣ № 279) Репнинъ увѣдомлялъ, что польскій генералъ Сѣраковскій съ 20 т. и 38 ор., послѣ столкновеній съ Дерфельденомъ у Слонима, отступилъ и „расположился между дд. Селца, Шерешова, Береза и Двядина корчма и показываетъ виды напасть къ Пинску"; вслѣдствіе этого Репнинъ не совѣтовалъ идти къ Бресту, какъ было назначено Буксгевдену, а лучше двинуться прежде къ Пинску, соединиться съ Дивовымъ и совокупно дѣйствовать противъ непріятеля, отрѣзая отъ границы (и здѣсь видно стремленіе Репнина къ пассивной оборонѣ границъ); Дерфельденъ же въ это время будетъ дѣйствовать отъ Слонима въ „спину" Сѣраковскому. Результатомъ внушеній Репнина явилось то, что даже 13 Августа Буксгевденъ находился только въ Ковелѣ, а Марковъ въ Чарторійскѣ (Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 4, № 266), къ большому неудовольствію Румянцова (Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 82, письмо Румянцова отъ 20 Августа). Буксгевденъ присоединился къ Суворову въ Ковелѣ 28 Августа, а корпусъ Маркова (безъ своего начальника, который заболѣлъ) спустя нѣсколько дней въ Бужвѣ (Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, „Крупчицкая реляція"—безъ номера, лежитъ послѣ № 30).

[2]) У Дунина остались въ Немировѣ пѣхотные полки: *Староингерманландскій Полоцкій* и *Алексопольскій* — 6 баталіоновъ, 2 баталіона *Бѣлорусскаго* егерскаго корпуса и карабинерные полки: *Стародубовскій* и *Острожскій*. Суворовъ взялъ съ собой: *Херсонскій* гренадерскій полкъ (4 баталіона), 2 баталіона *Бѣлорусскаго* егерскаго корпуса, *Переяславскій* конно-егерскій (10 эскадроновъ), *Черниговскій* карабинерный (5 эскадроновъ), *Маріупольскій* легко-конный (5 эскадроновъ); итого 6 баталіоновъ, 20 эскадроновъ, 10 орудій и 1 сотня казаковъ. На пути присоединились: *Ряжскій*, *Азовскій* пѣхотные полки и 1 баталіонъ *Смоленскаго* мушкетерскаго, *Кинбурнскій* драгунскій (10 эскадроновъ), *Глуховскій* карабинерный (5 эскадроновъ), *Ольвіопольскій* гусарскій (3 эскадрона), *Александрійскій* легко-конный (5 эскадроновъ); итого 5 баталіоновъ, 23 эскадрона, 6 орудій и казаки. Всего: 11 баталіоновъ, 43 эскадрона, 16 орудій и 5 казачьихъ полковъ бригадира Исаева. Всѣ эти войска составили дивизію подъ начальствомъ генералъ-поручика Павла Сергѣевича

ковичи, т. е. въ 9 переходовъ [1]) прошелъ 270 вер. [2]) или по 30 верстъ въ сутки. Для оцѣнки быстроты марша слѣдуетъ имѣть въ виду, что войска обыкновенно при походныхъ движеніяхъ въ теченіе недѣли употребляютъ 5 дней на походъ, а 2 дня на отдыхъ (дневки); за норму считается 100 верстъ въ недѣлю, т. е. на прохожденіе 270 верстъ потребовалось бы 18—19 дней, вдвое болѣе нежели у Суворова.

Употребивъ 23 августа на починку обоза и печеніе хлѣба, онъ выступилъ 24-го изъ Варковичъ, сдѣлалъ по весьма дурнымъ дорогамъ въ 5-ть переходовъ не меньше 125 верстъ [3]) и достигъ Ковеля 28-го Августа. Опять простоявъ 2 дня для исправленія обоза и заготовки продовольствія, русскіе тронулись въ путь 31-го Августа, предшествуемые авангардомъ бригадира Исаева въ 800 коней.

Люди были одѣты въ кителяхъ, имѣли съ собой плащи, но теплой одежды брать было не приказано, — ее подвезли впослѣдствіе, только 15-го Октября. Въ снаряженіе солдатъ входила запасная обувь, все необходимое для содержанія себя въ опрятности и на 8 дней сухарей; такимъ образомъ, имѣя въ виду дѣйствовать на театрѣ войны болотистомъ и лѣсистомъ, съ дурными дорогами, Суворовъ постарался менѣе зависѣть отъ обозовъ. При полкахъ имѣлись сухарныя фуры съ 8-ми-дневнымъ провіантомъ, по двѣ лазаретныхъ кареты, патронные и палаточные ящики и, сверхъ того, на каждую роту и эскадронъ по одной офицерской повоз-

---

Потемкина, который былъ такимъ образомъ подручникомъ Суворова и освобождалъ послѣдняго отъ массы второстепенныхъ распоряженій по войскамъ. Масловскій, стр. 461—462.

[1]) Масловскій (стр. 462) считаетъ 10 переходовъ; но если принять его дату выступленія изъ Немирова, т. е. 11 Августа, то до 22 Августа выходитъ 12 переходовъ. Мы придерживаемся реляціи.

[2]) Въ реляціи сказано до 300 верстъ, а передъ тѣмъ зачеркнутая цифра 284. Мы получили цифру 270 верстъ измѣреніемъ по картѣ въ масштабѣ 10 верстъ въ 1 дюймѣ.

[3]) Въ реляціи показано 146 вер.

кѣ и по одной артельной для котловъ, крупъ и соли. Поставщики евреи поставляли по дорогѣ все необходимое.

Такъ какъ приходилось командовать сборнымъ отрядомъ, нѣкоторыя части войскъ еще не бывали подъ командой Суворова, то онъ съ воспитательными цѣлями счелъ нужнымъ разослать свой военный катехизисъ, который офицеры и унтеръ-офицеры обязаны были знать наизусть, а рядовымъ приказано читать его ежедневно.

Духъ войскъ дѣйствительно былъ превосходный. Напр., помѣщики имѣній, лежавшихъ на пути, просили солдатъ въ „залоги" для обезпеченія себя отъ мародеровъ или излишнихъ поборовъ. Ежедневно приходилось оставлять „залоговъ" отъ полка человѣкъ по восьми. Понятно, что этимъ людямъ предстояло безпечальное житье, обставленное даже роскошью; но солдаты съ горькою досадою разставались съ полками, негодуя, что имъ не придется принять участія въ предстоявшихъ побѣдахъ подъ начальствомъ непобѣдимаго Суворова, который уже въ то время дѣлался легендарнымъ народнымъ героемъ [1]). О прочной связи солдатъ того времени со своими полками свидѣтельствуетъ, напр., тотъ фактъ, что люди, захваченные поляками въ Варшавѣ 6-го и 7-го Апрѣля и ушедшіе изъ плѣна, являлись къ начальству и хотѣли снова служить только въ своихъ полкахъ; если ихъ назначали въ другіе, то они бѣгали [2]).

Походное движеніе обыкновенно совершалось такимъ порядкомъ: впереди, верстахъ въ 15-ти, шла конница съ артиллеріей; подъ прикрытіемъ этого коннаго отряда двигались артельныя повозки съ котлами для каши, дабы успѣть приготовить пищу для отряда на привалѣ; пѣхота шла сзади; при ней обыкновенно ѣхалъ и самъ главнокомандующій. Подъѣзжая то къ одному полку, то

—

[1]) «Разсказы стараго воина», стр. 12, 21, 22.
[2]) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 196, связка 5, № 80.

къ другому, онъ разговаривалъ съ людьми, узнавалъ старыхъ солдатъ, бывавшихъ съ нимъ прежде въ походахъ и сраженіяхъ, называлъ знакомцевъ по именамъ, вспоминалъ различные эпизоды боевой жизни, шутилъ. Все это производило сильное впечатлѣніе на войска, устанавливало прочную связь ихъ съ полководцемъ, котораго они боготворили. Суворовъ имѣлъ магическое вліяніе на солдатъ. Понятно, насколько велико было огорченіе того полка, мимо котораго „отецъ Александръ Васильевичъ“ проѣзжалъ не останавливаясь и неразговаривая,—значитъ онъ былъ за что нибудь на полкъ недоволенъ. Если Суворовъ усматривалъ безпорядокъ на походѣ, то проѣзжалъ, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ, что будто бы дремлетъ; но послѣ призывалъ къ себѣ полковника и премьеръ-маіора и давалъ имъ хорошій нагоняй.

При дальнѣйшемъ движеніи отъ Ковеля вѣроятность встрѣчи съ противникомъ была весьма велика, а потому шли въ тишинѣ, безъ пѣсенъ, музыки, даже безъ сигналовъ. При остановкѣ на ночлегъ, или вообще на отдыхъ, отдавалось приказаніе: „выступать, какъ пѣтухъ запоетъ“. Когда приходило время выступленія, то Суворовъ, хлопнувъ нѣсколько разъ въ ладоши, пѣлъ пѣтухомъ, и отрядъ, которому на изготовленіе полагалось всего 15-ть минутъ, выступалъ и продолжалъ маршъ. Такая странность полководца объяснялась желаніемъ скрыть часъ выступленія отъ поляковъ (солдатъ и офицеровъ), бывшихъ въ русскихъ полкахъ и вообще избѣжать возможности передачи свѣдѣній противнику, который въ томъ краѣ имѣлъ много сочувствовавшихъ дѣлу возстанія [1]).

Небольшой польскій отрядъ (150—200 чел.) занималъ м. Дивинъ, въ 92 вер. отъ Ковеля, на пути русскихъ. 3-го Сентября казаки внезапно атаковали поляковъ, изъ которыхъ спаслись весьма немногіе. Плѣнные и жители

---

[1]) „Разсказы стараго воина“ стр. 17—18.

показали, что верстахъ въ 35-ти отъ Дивина, въ Кобринѣ, стоитъ передовой отрядъ (человѣкъ 400) польскаго корпуса Сѣраковскаго. Генералы совѣтовали Суворову произвести предварительно развѣдку, но хорошо знавшій своего противника главнокомандующій не хотѣлъ терять времени, рѣшилъ постоянно пользоваться неожиданностью, а потому приказалъ лишь выкормить лошадей и ночью же продолжать маршъ въ Кобрину. Казаки въ 4 часа утра 4 Сентября застали поляковъ врасплохъ и однимъ ударомъ порѣшили дѣло: люди съ просонья засуетились, неуспѣвали отвязывать лошадей отъ коловязей, но обрубали поводья или убѣгали пѣшіе, такъ что казакамъ досталось до 300 лошадей [1]. Еслибы Суворовъ пришелъ часа на два позже, то онъ не засталъ бы уже противника въ Кабринѣ, такъ какъ Сѣроковскій предполагалъ притянуть авангардъ къ главнымъ силамъ и даже отдалъ о томъ приказаніе.

Въ Кобринѣ русскіе захватили польскій провіантскій магазинъ, съ порядочнымъ запасомъ хлѣба и овса, что было весьма на руку, ибо обозы еле тащились на изнуренныхъ отъ бездорожья лошадяхъ [2].

Подвигаясь впередъ, Суворовъ 6-го Сентября разбилъ часть силъ (вѣроятно авангардъ) корпуса Сѣраковскаго при монастырѣ Крупчицы, въ 15 вер. отъ Кобрина, причемъ поляки потеряли до 3 т. чел.; уронъ русскихъ показывается различно, отъ 300 до 700 че-

---

[1]) Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, „Крупчицкая реляція". Опись 193, связка 130, № 6, 8, Отношеніе Суворова къ Тутолмину отъ 10-го Сентября. Опись 196, связка 8, послѣ „Крупчицкой реляціи" лежитъ рапортъ бригадира Исаева отъ 4-го Сентября, гдѣ говорится, что спаслось поляковъ не болѣе 50 чел.; командовавшій ими ген. Рущицъ ушелъ за 1½ часа до боя въ Брестъ, а полковникъ Рущицъ тоже ушелъ, но раненый пикою; у насъ легко ранено 2 казака, полк. Борисъ Грековъ, да убитъ одинъ пятидесятникъ. У непріятеля убито 8 оф. и болѣе 200 нижн. чиновъ; въ плѣнъ взято: полк. Верещака, 3 оф., намѣстниковъ и товарищей 20, рядовыхъ 63. Въ томъ же Архивѣ, опись 196, связка 4, № 333—336 заключаютъ донесенія полковъ о потеряхъ въ людяхъ, лошадяхъ и имуществѣ, а также о количествѣ выпущенныхъ патроновъ и зарядовъ.

[2]) Friedrich Anthing, III Theil, 20.

ловѣкъ [1]). Бой окончился въ шестомъ часу по полудни [2]), но еще раньше Суворовъ послалъ къ Кобрину приказаніе—обязамъ съ ихъ прикрытіемъ двинуться впередъ, а ротнымъ повозкамъ ѣхать какъ можно скорѣе. Благодаря распоряженію стараго опытнаго полководца, уже черезъ часъ по окончаніи боя артельныя повозки прибыли, и тотчасъ начали готовить пищу усталымъ солдатамъ, сдѣлавшимъ замѣчательный форсированный, суворовскій маршъ на огромномъ разстояніи и успѣшно покончившимъ упорный бой.

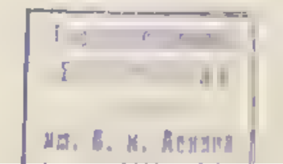
Это была первая серьезная встрѣча съ поляками.

Суворовъ лично руководилъ боемъ. Быстро разъѣзжая на казачьей лошади, онъ былъ вездѣ, воодушевлялъ всѣхъ. Опытнымъ своимъ окомъ онъ немедленно „замѣчалъ малѣйшій застой нашихъ противъ силы непріятельской; мгновенно являлся тутъ; нѣсколько его словъ:—впередъ! коли! руби! бей! не давай опомниться!—вливали въ воиновъ новую силу, удесятеряли храбрость, и непріятель грудами падалъ на мѣстѣ". Послѣ боя подъ Крупчицами полководецъ въ первый разъ за время похода перемѣнилъ на себѣ бѣлье. Объѣзжая войска, онъ благодарилъ за одержанную побѣду, въ каждомъ полку говорилъ рѣчь, „краткую, огненную, которая проницала всю душу воина. Офицеры и солдаты, столпившись, окружали его такъ тѣсно, что лошадь его не могла повернуться. Это онъ очень любилъ; этого даже требовалъ. Вечеромъ онъ еще разъ объѣхалъ выстроенный къ зарѣ отрядъ, слѣзъ съ лошади, и громко скомандовалъ: „къ зарѣ!" По пробитіи на молитву, онъ снялъ каску и, вытянувшись, громко и внятно прочелъ, вмѣсто „Отче

---

[1]) Въ этомъ общемъ очеркѣ мы не описываемъ боевъ въ подробности, однако позволимъ себѣ привести здѣсь слѣдующую частность: „Кинбурнскій драгунскій полкъ подъ командою секундъ-маіора Кишдякова, спѣшивается, солдаты переходятъ въ бродъ, рубятъ хворостъ, бросаютъ на протоки, дѣлаютъ гать, переводятъ по ней лошадей: за ними по этой гати переходитъ украинскій легко-конный полкъ подъ командою подполковника князя Одоевскаго". Костомаровъ, стр. 815.

[2]) Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, „Крупчицкая реляція".

нашъ", молитву: „Всемогущій Боже! Сподобившися святымъ Твоимъ промысломъ достигнуть сего часа"....

Онъ побывалъ и на перевязочномъ пунктѣ, велѣлъ собрать жителей для погребенія труповъ, собрать непріятельское оружіе и немедленно переломать у ружей приклады, а у сабель эфесы [1]).

Не долго отдыхали побѣдители, всего 8 часовъ, ибо уже въ 2 часа по полуночи 7-го Сентября они двигались къ д. Булькову, до которой было 21 верста; здѣсь отдыхали 4 часа, а въ пятомъ часу по полудни прибыли къ д. Трищинъ, гдѣ и расположились скрытно всего въ 5 вер. отъ Бреста, занятаго поляками, безпечность которыхъ была настолько велика, что они обнаружили изъ всего отряда лишь партію казаковъ [2]). На завтра предстоялъ бой съ главными силами непріятеля. Въ это время на подкрѣпленіе къ Сѣраковскому подошелъ изъ Литвы отрядъ Макрановскаго; всего собралось 6 тыс. регулярныхъ и 10 тыс. косиньеровъ. Русскихъ было не болѣе 9 тыс. Поляки заняли крѣпкую позицію за болотами около Бреста. 8-го Сентября въ 2 часа по полуночи Суворовъ двинулся къ Бресту, а на разсвѣтѣ атаковалъ поляковъ. Дѣло было кровавое; другъ другу пощады не давали; бились 6 часовъ и преимущественно холоднымъ оружіемъ. Наконецъ, русскіе одержали полную побѣду, — поляки были разбиты на голову. Изъ всего корпуса Сѣраковскаго осталось не болѣе 1000 человѣкъ; плѣнныхъ взято около 500 чел. На огромное разстояніе кругомъ Бреста поле было покрыто трупами. Поляки потеряли всю артиллерію (28 орудій) и 2 знамени. Самъ Сѣраковскій съ нѣкоторой частью пѣшей и конной гвардіи убѣжалъ въ Сѣдльце. Потери русскихъ показаны въ реляціи 95 чел. убитыми и 228 ранеными, въ томъ числѣ бригадиръ Поливановъ; но кажется въ

[1]) Разсказы стараго воина, стр. 29—33.

[2]) Крупчицкая реляція.—Говорятъ, что Сѣраковскій провелъ эту ночь въ игрѣ и пьянствѣ. „Отечественныя записки", 1863 г., Декабрь, стр. 480.

дѣйствительности потери были больше, опредѣляютъ даже до 1000 чел. [1]).

Побѣда подъ Брестомъ произвела сильное впечатлѣніе на поляковъ. Самъ Косцюшко первое время былъ въ угнетенномъ состояніи духа. Еще недавно, въ Августѣ онъ въ народномъ собраніи ободрялъ народъ рѣчью, что въ Сентябрѣ турки объявятъ войну Россіи и „Суворовъ занятъ симъ и въ Польшѣ быть не можетъ“ [2]). Затѣмъ, распустили слухъ, что идетъ не знаменитый Суворовъ, а его однофамилецъ, простой казачій генералъ. Послѣ Бреста для всѣхъ стало ясно, какой именно Суворовъ идетъ на Польшу. Овладѣвъ собою, Косцюшко поспѣшилъ въ Сѣдльце, чтобы ободрить войска, недать распространиться паникѣ. Распросивъ о причинахъ пораженія, онъ нашелъ, что никто не виноватъ всѣ сражались прекрасно, а несчастіе произошло отъ перевѣса противника въ числѣ. Для ободренія начальниковъ Косцюшко наградилъ многихъ знаками отличія, придуманными имъ самимъ; знаки состояли изъ золотаго кольца съ надписью „Отчизна своему защитнику“. Не смотря на всѣ мѣры Косцюшки, духъ сильно упалъ въ польскихъ войскахъ. Это видно изъ приказа Косцюшки въ Гродно по Литовской арміи, которую онъ теперь отдалъ подъ начальство Макрановскаго и раздѣлилъ на 2 дивизіи: одна — Ясинскаго, а другая Вавржецкаго вмѣстѣ съ Гедройцемъ.

Вотъ приказъ Косцюшки, написанный вскорѣ послѣ пораженія подъ Брестомъ: „Предостерегаю все войско; если кто будетъ его тревожить разговорами о томъ, будто противъ москалей нельзя удержаться, или во время битвы станетъ кричать, что москали у насъ въ тылу, москали насъ отрѣзываютъ, и тому подобное, тотъ по донесенію команды будетъ тотчасъ заключенъ въ оковы, отданъ

[1]) Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 4, № 349. Разсказы стараго воина, стр. 35—40. „Отечественныя Записки“, 1863 г., Декабрь, стр. 480. Костомаровъ, стр. 816—817. Петрушевскій, т. II, стр. 60—70.

[2]) Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, показаніе шляхтича Дашкевича.

суду и, по доказательствѣ виновности, разстрѣлянъ. Приказываю генералу Макрановскому, чтобы во время битвы часть пѣхоты съ артиллеріею всегда стояла позади линіи съ пушками, заряженными картечью, изъ которыхъ будутъ стрѣлять въ бѣгущихъ [1]). Всякій пусть знаетъ, что идя впередъ, получаетъ побѣду и славу, а подавая тылъ, встрѣчаетъ срамъ и неминуемую смерть. Если между служащими въ войскѣ есть такіе, которые убѣждены, что москалей нельзя побить, люди, равнодушные къ отечеству, свободѣ и славѣ, тѣ пусть за ранѣе объявятъ объ увольненіи своемъ изъ службы. Мнѣ больно, что я принужденъ устанавливать такія строгія правила". Косцюшко нашелъ нужнымъ припомнить сотоварищамъ и благословенную въ ихъ памяти эпоху польскаго раззоренія. „Какіе нибудь десятки вашихъ предковъ могли завоевать цѣлое государство Московское, привести въ оковахъ царей его, назначать москалямъ владыкъ,—а вы, потомки тѣхъ же самыхъ поляковъ, можете сомнѣваться въ успѣхѣ борьбы за отечество, свободу и домы ваши, за кровныхъ и друзей, и считаете непобѣдимыми эти хищныя шайки, которыя берутъ надъ вами верхъ только при вашей трусости„ [2]).

Въ Петербургѣ побѣды Суворова вызвали самую живую радость. Екатерина пожаловала побѣдителю дорогой алмазный бантъ къ шляпѣ и три пушки изъ числа отбитыхъ у непріятеля [3]); Румянцовъ благодарилъ Суворова и дѣлалъ самую лестную оцѣнку его подвиговъ. Недоброжелатели должны были признать его успѣхъ [4]).

Побѣдоносное движеніе Суворова къ Бресту имѣло весьма большое стратегическое значеніе. Прежде всего, теперь русскіе занимали линію р. Буга, какъ это было повелѣно

---

[1]) Какъ низко должны были упасть нравственныя силы арміи, если пришлось прибѣгнуть къ такимъ позорнымъ мѣрамъ.

[2]) Костомаровъ, стр. 817—819.

[3]) Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 116.

[4]) Гр. Н. И. Салтыковъ пишетъ Рѣпнину: «весьма гремитъ оный». Секретный журналъ Салтыкова, листъ 135. Петрушевскій, стр. 71—72.

Императрицей въ обезпеченіе пріобрѣтеній по назрѣвавшему третьему раздѣлу. Захвативъ Брестъ, Суворовъ становился на флангѣ польскихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ Литвѣ противъ Рѣпнина, и угрожалъ имъ возможностью отрѣзать связь съ Польшей; облегчалъ Ферзену отступленіе изъ Польши въ Литву по болѣе короткому пути и въ будущемъ естественнымъ образомъ возстановлялъ связь Ферзена съ Репнинымъ; наконецъ, подготовлялъ операцію къ Варшавѣ, долженствовавшую рѣшить войну. По словамъ графа Безбородко, побѣда Суворова при Брестѣ сдѣлала въ Польской войнѣ переворотъ [1].

Особенно замѣчателенъ выборъ направленія для марша отъ Ковеля или лучше сказать отъ Выжвы. Отсюда Суворовъ могъ бы двинуться къ Бресту болѣе прямымъ путемъ, но тогда онъ подвергалъ бы опасности свой тылъ, свои сообщенія, со стороны отрядовъ Сѣраковскаго и Макрановскаго, которые послѣ неудачъ подъ Слонимомъ, собирались въ пространствѣ между Дивинымъ и Пружанами на операціонномъ направленіи Брестъ-Пинскъ, для нападенія на сей послѣдній, что было хорошо извѣстно какъ Рѣпнину, такъ и Суворову. Правда, онъ просилъ Рѣпнина послать подчиненные ему отряды изъ Пинска и другихъ пунктовъ къ Бресту себѣ на подкрѣпленіе и для совмѣстнаго очищенія края отъ непріятельскихъ партій, даже писалъ въ этомъ смыслѣ непосредственно къ начальникамъ этихъ частей войскъ, но, не разсчитывая на содѣйствіе Рѣпнина, не выжидая движенія впередъ указанныхъ отрядовъ, Суворовъ самъ выбираетъ нѣсколько болѣе кружное направленіе на Дивинъ и Кобринъ съ цѣлью нанести здѣсь удары непріятельскимъ партіямъ (о нихъ онъ имѣлъ свѣдѣнія отъ шпіоновъ) и обезпечить такимъ образомъ свой тылъ. Если бы со стороны Рѣпнина послѣдовало распоряже-

---

[1]) Петрушевскій, стр. 82.

ніе, согласное съ просьбой Суворова, то движеніемъ на Дивинъ и Кобринъ онъ выходилъ къ нимъ на соединеніе. Словомъ, выборъ направленія сдѣланъ полководцемъ на основаніи глубокаго разсчета и отлично соображенъ съ обстановкой.

Что касается тактической стороны дѣйствій за время похода къ Бресту, то онѣ запечатлѣны энергіею, отвагой, приноровлены къ свойствамъ впечатлительнаго и полурегулярнаго врага, отличаются необычайной быстротой, широкимъ примѣненіемъ внезапности. Быстрота маршей уже была выяснена раньше, и она являлась совершенно необходимой:—противникъ, хотя и зналъ о движеніи Суворова, но не ожидалъ его столь быстраго прибытія, считалъ, что онъ находится еще далеко, а потому и былъ застигнутъ врасплохъ въ нѣсколькихъ бояхъ; нападенія Суворова были такъ быстры, что для достиженія внезапности онъ даже жертвовалъ сосредоточеніемъ своихъ силъ и атаковалъ „съ чѣмъ Богъ послалъ“. Такъ какъ приходилось атаковать преимущественно въ лѣсныхъ и болотныхъ дефиле, лобовая атака которыхъ рѣдко сопровождается успѣхомъ и всегда сопряжена съ значительными потерями, то Суворовъ главный ударъ возлагаетъ на обходныя колонны, соединяя съ фронтальнымъ нападеніемъ. Топи и болота, якобы непроходимыя мало смущаютъ полководца, отлично знающаго театръ войны и свойства мѣстности еще по предъидущимъ своимъ походамъ во время войны съ поляками въ 1768—72 г. Зная вмѣстѣ съ тѣмъ, что именно можно потребовать отъ его закаленныхъ войскъ, онъ напрягаетъ всѣ усилія для выполненія обхода, дѣйствующаго ошеломляющимъ образомъ на хорошо извѣстнаго ему впечатлительнаго противника.

Изъ всѣхъ родовъ оружія Суворовъ извлекаетъ то, что они могутъ дать, особенно искусно примѣняетъ онъ конницу, которая дѣйствуетъ и на конѣ, и пѣшкомъ, и на всякой мѣстности, нанося врагу тяжкіе удары.

ГЛАВА IV.

Стоянка у Бреста и походъ къ Прагѣ.

Причины остановки Суворова подъ Брестомъ. Отношенія Суворова и Репнина. Устройство тыла. Подготовка войскъ. Битва при Мацеіовицахъ 28 сентября и плѣнъ Косцюшки. Приказанія Суворова Дерфельдену и Ферзену о движеніи къ Прагѣ. Военный совѣтъ 6 октября. Походъ Дерфельдена, Суворова и Ферзена. Дѣло при д. Кобылкѣ 15 октября.

Послѣ столь быстрыхъ и рѣшительныхъ успѣховъ Суворовъ оставался цѣлый мѣсяцъ въ Брестѣ и устраивалъ продовольственные магазины, собиралъ запасы провіанта. Что же это значитъ? Почилъ ли онъ на пожатыхъ лаврахъ? Или онъ дѣйствительно возымѣлъ пристрастіе къ „магазейнъ-вахтерству"? Наконецъ, что же сдѣлалось съ его планомъ устремиться на Прагу? Можетъ быть для этого онъ имѣлъ недостаточно войскъ? Дѣйствительно, нѣкоторая убыль въ бояхъ, откомандированіе партій для препровожденія плѣнныхъ и пр. сильно уменьшили составъ его отряда [1]). А главное—при движеніи впередъ опасался бы за свой тылъ и фланги. Дѣйствія Суворова всегда были смѣлы и рѣшительны, но въ тоже время всегда обдуманы, соображены съ обстановкой, представляли образецъ стратегическаго искусства. Напрасно думаютъ, что Суворовъ, „руководимый однимъ инстинктомъ войны", шелъ напроломъ, дѣйствовалъ на авось, очертя голову. Нѣтъ, его дѣйствія отмѣчены печатью истиннаго генія. Въ настоящемъ случаѣ, если бы онъ двинулся впередъ, не принявъ мѣръ для обезпеченія тыла и фланговъ, то польскіе партизаны разрушили бы всѣ его предположенія и заставили бы повернуть назадъ, какъ то было мѣсяцемъ—двумя раньше съ Рѣпнинымъ.

---

[1]) Петрушевскій, т. II, стр. 60.—Суворовъ прямо пишетъ Румянцеву (Костомаровъ, стр. 832): «Небудучи въ довольныхъ силахъ, не могу я съ своимъ войскомъ отважиться на очищеніе праваго берега Вислы. „Сынъ Отечества" 1831 г., стр. 55.

Операціонной линіи отъ Бреста къ Варшавѣ (Прагѣ) могли угрожать: справа отряды Вавржецкаго и Гедройца, блуждавшіе въ Литвѣ, слѣва—самъ Косцюшко съ отрядами Понинскаго, Гроховскаго, а также вновь усилившагося Сѣраковскаго. Поэтому Суворовъ даетъ предписаніе Дерфельдену (подчиненному Рѣпнину, —недоброжелателю Суворова) обезпечить его правый флангъ движеніемъ впередъ на Бѣлостокъ, проситъ Рѣпнина выдѣлить часть войскъ для обезпеченія его тыла, на этапные пункты его линіи сообщеній съ Волынью и Подоліей, и старается войти въ связь съ Ферзеномъ для выясненія обстановки на лѣвомъ флангѣ[1]). Все это было бы весьма просто и легко выполнить, если бы на театрѣ войны было единовластіе, напр. если бы ходомъ дѣлъ управлялъ одинъ Румянцовъ; но тутъ былъ еще и Рѣпнинъ, да изъ Петербурга вліялъ Н. И. Салтыковъ. Суворовъ никакъ не могъ разсчитывать, чтобы ревнивый Рѣпнинъ ему содѣйствовалъ. Салтыковъ прямо пишетъ Рѣпнину отъ 21-го Сентября: „Сообщество ваше съ Суворовымъ я весьма понимаю, сколько непріятно для васъ быть можетъ, и особливо по весьма авантажному объ немъ заключенію. Предписаніе его Дерфельдену доказываетъ, что онъ ни чемъ общему порядку не слѣдуетъ, и онъ пріучилъ всѣхъ о себѣ такъ думать, ему то и терпятъ“ [2]). Вотъ при какихъ обстоятельствахъ приходилось Суворову воевать!

Ошибочно было бы думать, что какъ теперь, такъ и послѣ, дѣйствія Суворова и его требованія, обращенныя къ Репнину, Дерфельдену, Ферзену и др., основывались только на его произволѣ. Уже 15-го Августа Н. И. Салтыковъ извѣщалъ Репнина, что Румянцовъ послалъ сильный отрядъ *къ Люблину и далѣе* [3]). Слѣдовательно,

---

[1]) Сообщенія съ Ферзеномъ были прерваны, ибо австрійцы очистили Люблинъ и отошли назадъ. Въ Московск. Арх. Гл. Штаба, въ описи 190, связкѣ 8, № 97 есть письмо Румянцова, въ которомъ говорится, что австрійцы не въ пору оставили Люблинъ и тѣмъ пресѣкли сообщенія Суворова съ Ферзеномъ.

[2]) Секретный жур. Салтыкова, листъ 132.

[3]) Тоже, листъ 113.

о таковомъ движеніи было извѣстно и Репнину, и въ Петербургѣ, гдѣ оно очевидно одобрялось, а потому Репнинъ обязанъ былъ ему содѣйствовать.

Недостатокъ объединенія власти на театрѣ войны сознавали въ Петербургѣ, что видно изъ письма Салтыкова отъ 22-го Августа къ Румянцову: „.......и ваше намѣреніе хотя бъ самимъ ѣхать подъ варшаву и я щитаю что нужно бъ тамъ такой человѣкъ, который бы съ большимъ вѣсомъ всіо привелъ въ дѣйство" [1]). Но Румянцовъ былъ уже очень старъ (около 70 лѣтъ), чтобы ѣхать на театръ войны, а Суворовъ, разумѣется, отлично могъ выполнить роль, „такого человѣка съ большимъ вѣсомъ". Поэтому Румянцовъ разсчитываетъ на полное содѣйствіе войскъ Репнина Суворову [2]) и надежду свою основываетъ на Высочайшемъ одобреніи самой Императрицы относительно назначенія Суворова. Такъ въ рескриптѣ Румянцову отъ 1-го Сентября Императрица извѣщаетъ, что, пославъ Суворова Румянцовъ упредилъ ея желаніе, что она довольна такимъ назначеніемъ, которое „удостовѣряетъ НАСЪ въ успѣхахъ и скорыхъ и несумнительныхъ" [3]). Въ другомъ рескриптѣ, вѣроятно въ началѣ Сентября [4]), на имя Румянцова, она выражается о роли Суворова уже совсѣмъ опредѣленно: „Неожидаемое извѣстіе, что Прусскій король вознамѣрился снять осаду варшавы.... побудило НАСЪ....

[1]) Тоже, листъ 123.

[2]) Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 85, письмо Румянцова Суворову отъ 7-го Сентября: „Я не несу ни малѣйшево сомнѣния, что такъ Господинъ Генералъ-Порутчикъ Ферзенъ, какъ самъ Господинъ-Генералъ-Аншефъ и кавалеръ князь Репнинъ въ томъ васъ изъ всѣхъ силъ подкрѣплять, и что наѣвселучшое согласіе во всемъ тамъ всякой разъ господствовать будетъ".

Тамъ же, № 86, въ письмѣ Суворову отъ 15-го Сентября Румянцовъ не сомнѣвается, что Репнинъ удовлетворитъ относительно содѣйствія корпусами Дивона, Дерфельдена и Ферзена

[3]) Тамъ же, № 89.

[4]) Тамъ же. На копіи не выставлено числа, но изъ содержанія можно догадаться, что рескриптъ написанъ послѣ полученія извѣстія о намѣреніи прусскаго короля снять осаду Варшавы (снята 26 Авг.), значитъ рескриптъ написанъ до полученія извѣстія о дѣйствительномъ отступленіи пруссаковъ, которое могло быть получено, примѣрно, черезъ недѣлю послѣ 26-го Августа.

усиля его (т. е. Репнина) еще двумя пѣхотными полками изъ Ревеля слѣдующими въ Ригу и возложивъ на него скорѣйшее обнятіе Литвы и за оставленіемъ тутъ нужныхъ постовъ для соблюденія въ спокойствіи и въ повиновеніи земли сей, обратить къ Бугу возможное число силъ.

Отъ васъ зависѣть будетъ присоединить къ онымъ и войска отряженныя отъ васъ подъ начальствомъ Генерала Графа Суворова-Рымникскаго, надъ коими принявъ команду и обезпечивъ увѣренность въ спокойствіи предѣловъ НАШИХЪ, *обратить его наступательно до береговъ вислы*, изгоняя мятежниковъ за сію рѣку, дабы по крайней мѣрѣ очищеніемъ праваго берега оной обезопасить себя отъ набѣговъ сихъ мятежниковъ и доставить войскамъ НАШИМЪ увѣренныя и спокойныя зимовыя квартиры, предоставляя вамъ такъ ево наставить, чтобы онъ въ случаѣ могущихъ встѣтиться благопріятныхъ обстоятельствъ и возможностей въ вѣроятномъ успѣхѣ, не упустилъ пользоваться неожидаемымъ поляками *нападеніемъ его на самый городъ варшаву*. Важнѣйшую бы вы оказали заслугу отечеству, есть ли бы изобрѣли средство и доставили возможность поразить и разорить сіе гнѣздо мятежниковъ“.

Ясно, что на присоединеніе войскъ Репнина, вторженіе въ Польшу, наступленіе къ Прагѣ и самый штурмъ Варшавы разрѣшеніе шло свыше. Обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Репнину было дано знать, и поэтому то Румянцовъ писалъ ему: „уповаю ваше Сіятельство тотчасъ усмотрите необходимость, чтобы корпусы сего генерала (т. е. Дерфельдена) и Генералъ-Поручика Ферзена всѣ предпріятія Господина Генералъ Аншефа и Кавалера графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго подкрѣпляли и ему всевещно содѣйствовали“ [1]).

Однако положеніе Суворова, его отношенія къ со-

---

[1]) Тамъ же, письма отъ 17-го и 25-го Сентября.

сѣднимъ войскамъ и къ Репнину оставались неопредѣленными, потому что не послѣдовало никакого категорическаго приказанія, которое оформило бы волю Императрицы, выраженную въ приведенномъ выше рескриптѣ; не было точно сказано, кто и сколько именно долженъ дать Суворову войскъ, какими способами ему содѣйствовать. Можетъ быть тутъ сказалось вліяніе Н. И. Салтыкова, который далеко не былъ расположенъ къ Суворову.

Вслѣдствіе этого Репнинъ или подъ разными предлогами вовсе отказывалъ Суворову въ содѣйствіи, или исполнялъ его требованія съ задержками и только отчасти, т. е. дѣлалъ, что считалъ удобнымъ и необходимымъ по ходу собственныхъ операцій въ Литвѣ. Такъ въ письмѣ къ Суворову изъ Несвижа отъ 14-го Сентября Репнинъ извѣщаетъ, что приказалъ Дерфельдену наступать къ Гроднѣ противъ Макрановскаго, а бригадиру Дивову съ Сѣвскимъ пѣхотнымъ полкомъ и тремя эскадронами Херсонскаго легко-коннаго полка идти въ Брестъ въ распоряженіе Суворова; но отрядъ Львова изъ Пинска дать не можетъ вслѣдствіе внутренняго мятежа, равно тамъ же оставилъ Глазенапа съ фанагорійскимъ баталіономъ и остальными эскадронами Херсонскаго легко-коннаго полка [1]). Такъ какъ Суворовъ этими распоряженіями неудовлетворился и просилъ 16-го Сентября у Репнина подкрѣпленій, то послѣдній отъ 19-го Сентября отвѣчалъ, что Дерфельдена онъ послалъ не далѣе Гродны, что къ Бресту отъ него отдѣлить ничего нельзя, да и находится Дерфельденъ отсюда далеко, въ 30 миляхъ (200 верстъ); мало того, Репнинъ присовокуплялъ, что если Суворовъ двинется изъ Бреста далѣе, то отпустилъ бы Дивова обратно къ Пинску для охраны границъ, ибо малый отрядъ оставлять въ Брестѣ дѣйствительно опасно [2]). Такое требо-

[1]) Тамъ же, № 61.
[2]) Тамъ же, № 62.

ваніе было уже совершенной нелѣпостью; такъ какъ не могъ же Суворовъ при дальнѣйшемъ наступленіи оголить отъ войскъ г. Брестъ, служившій ему промежуточною базою.

Постепенно всѣ свыкались съ мыслью о необходимости признать полномочія Суворова, сообразовать свои дѣйствія съ тѣмъ, что онъ предприметъ, удовлетворять до нѣкоторой степени его требованія [1]), но все таки треніе далеко не было уничтожено [2]).

23-го Сентября Репнинъ извѣщаетъ Суворова, что Ферзену приказано „соединиться съ нимъ и быть въ его повелѣніяхъ [3]); 28-го Сентября — что направилъ Дерфельдена за Гродну для разбитія Вавржецкаго и др. у Бѣлостока [4]); наконецъ, 7-го Октября даетъ предписаніе Дерфельдену: „...состоите ваше превосходительство на настоящее время по военнымъ дѣйствіямъ въ точныхъ повелѣніяхъ Его Сіятельства графа Алек-

---

[1]) Тамъ Салтыковъ пишетъ Репнину отъ 12-го Сентября (Секретный журналъ, листъ 129): „О зимовыхъ квартирахъ, какъ и снабженіи войскъ всѣмъ нужнымъ, какъ и о укомплектованіи оныхъ, конечно помышлять время уже наступаетъ, но теперь докамѣстъ вамъ прійдетъ Ферзенъ и всю войдетъ въ свое точное положеніе, нельзя никакого еще положенія здѣлать. Надобно видѣть какой оборотъ теперь дѣла польскіе возмутъ, какъ и особливо что Костюшка предпріиметъ?„—Въ письмѣ отъ 21-го Сентября (тамъ же, листъ 132) говорится: „.... ожиданіе здѣсь отъ Суворова большихъ успѣховъ.... О снабженіи вашихъ войскъ и о покойныхъ квартирахъ, конечно уже время наступаетъ помышлять, но какъ выше я говорилъ, не видавъ что предпріиметъ Костюшко, и чемъ предпріятія Суворова кончатся, и до выходу къ вамъ Ферзена, я щитаю ни вамъ, ни здѣсь никакого предположенія съ точностью здѣлать нельзя; и хотя къ сохраненію Арміи нужно доставить спокойные полкамъ квартиры, послѣ столь трудной кампаніи, но не ожидаю я чтобъ то быть могло".

[2]) Вотъ характерный отрывокъ изъ письма Румянцова къ Суворову отъ 4-го Октября (Москов. Арх. Глав. Штаба, опись 196, связка 8, № 93): „я слышу, и я почти не хочу вѣрить, что Господинъ Ферзенъ по однимъ извѣстіямъ минуетъ васъ и идетъ прямо къ Брянску, а по другимъ и увѣрительно много лучшимъ, что онъ имѣетъ повелѣніе остаться за Вислой, какъ и то, что многія знатныя дамы и даже сестра Костюшки, Главы возмущенія находятся въ вашихъ околичностяхъ. въ первомъ случаѣ я уповаю, что вы имѣете вѣрнѣйшія извѣстія отъ Господина Ферзена, и что вы съ нимъ всю распоряжаете сходственно съ моими мыслями, что я вамъ сообщилъ отъ 25-го мѣсяца прошедшево (см. выше примѣчаніе на стр. 50) подъ № 100 и что вы воспользуетесь вторымъ и заберете сихъ дамъ въ замѣну нашихъ, кои тамъ въ плѣну терпятъ и тѣмъ болѣе, что въ семъ нѣкоторой родъ вамъ....".

[3]) Тамъ же, № 65.

[4]) Тамъ же, № 68.

сандра Васильевича не выходя притомъ изъ подъ моего начальства, то по внутренности корпуса вашего по прежнему ко мнѣ относится изволите и меня всегда рапортовать [1]". Такимъ образомъ, наконецъ, командныя отношенія Суворова къ сосѣднимъ генераламъ нѣсколько установились, но только „нѣсколько", они все еще не были подчинены ему совсѣмъ; да и послѣднее предписаніе, 7-го Октября, Дерфельденъ получилъ, когда событія уже давно пошли полнымъ ходомъ и нельзя было рѣшать дѣла бумажнымъ порядкомъ.

Много ушло у Суворова времени на борьбу съ интригами [2]).

Конечно, время продолжительной стоянки въ Брестѣ не пропало для Суворова даромъ. Онъ собралъ значительное количество запасовъ, мѣшковъ и подводъ; комендантомъ назначенъ Полковникъ Өедоръ Марковъ, а потомъ оставленъ отрядъ войскъ подъ начальствомъ бригадира Дивова; здѣсь у Суворова была заготовлена промежуточная база для дальнѣйшаго наступленія [3]). Для связи съ остальнымъ базисомъ въ Подоліи была весьма основательно устроена линія сообщеній съ этапами, на которыхъ тоже собраны запасы и расположены посты изъ войскъ. Въ Луцкѣ, напр., постъ состоялъ подъ начальствомъ премьеръ-маіора Черныша; въ его обязанность входило дѣлать частые разъѣзды кругомъ Луцка на тридцать верстъ и далѣе; для этого служила часть Александрійскаго легко-коннаго полка. На начальника поста возлагались и распоряженія административнаго характера, напр. сборъ податей въ томъ размѣрѣ, какъ это было до вступленія русскихъ, напр. десятый грошъ, подымовое и королев-

---

[1]) Тамъ же, № 70.

[2]) Суворовъ писалъ Румянцеву: „Тако, сіятельнѣйшій графъ, близъ трехъ недѣль я недвижимъ, и можно здѣсь сказать, что Магербалъ (сказалъ) Аннибалу *ты умѣешь побѣждать, но не пользоваться побѣдою*. Канна и Брестъ подобіе имѣютъ, время упущено, приближаются винтеръ-квартиры." Петрушевскій, т. II, стр. 62.

[3]) Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 4, № 369.

скіе доходы [1]). Въ Деражнѣ находилась оберъ-штеръкригсъ-коммисарская коммисія [2]). У Острога стоялъ „корпусъ“ генералъ-маіора графа Разумовскаго [3]). У Немирова — отрядъ Дунина. Словомъ, Суворовъ имѣлъ совершено благоустроенный тылъ. Положимъ, это сдѣлано было не имъ однимъ,—распоряженія румянцовскаго управленія тоже играли тутъ роль; но всетаки это намъ показываетъ, что походы Суворова нельзя уподобить дѣйствіямъ какого то наѣздника, какъ это стремятся сдѣлать нѣкоторыя историки.

На ряду съ устройствомъ промежуточной базы и тыла шелъ сборъ свѣдѣній о противникѣ и укрѣпленіяхъ Праги и Варшавы [4]). Войскамъ производились ученья по полкамъ по два раза въ день; а разъ въ нѣсколько дней дѣлалось общее ученье всему отряду; ученья продолжались не болѣе 1½ часа, но велись весьма живо. Суворовъ самъ командовалъ и училъ, но никогда не сердился. Пѣхота обучалась драться противъ конницы, ходить въ штыки и дѣйствовать ими; конница училась рубкѣ. Насыпались правильныя земляныя укрѣпленія, вооружались пушками и получали по нѣскольку ротъ въ гарнизонъ; укрѣпленія эти ночью штурмовались [5]) Такъ полководецъ готовилъ свои войска для предстоящихъ подвиговъ.

---

[1]) Тоже, № 436 и связка 5, № 59.

[2]) Тоже, связка 5, № 58.

[3]) Тоже, связка 4, № 457.

[4]) Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 196. св. 8 „Извѣстія изъ Варшавы“, „Показанія Иваницкаго, Ивана Гузы, корнета Говорковскаго, мѣщанина Куксевича, шляхтича Дашкевича, и пр.“. Между прочимъ выяснилось что въ Варшавѣ провіанта и фуража имѣется не болѣе какъ на 2—3 мѣсяца и ежели Прага, черезъ которую доставляются запасы изъ Литвы будетъ взята и тѣмъ пресѣчется коммуникація, тогда Варшава, навѣрное, должна сдаться. Граждане, вооруженныхъ пиками, Варшава, при нуждѣ, можетъ выставить до 30 т. Пушекъ льютъ по 6-ти въ мѣсяцъ, пороху много, ядеръ мало, такъ что даже по уходѣ пруссаковъ собирали на поляхъ; свинцу мало, а потому отобрали у жителей оловянную посуду и мѣшали со свинцомъ. Для изготовленія денегъ отобрали у жителей всю мѣдь, а изъ церквей сосуды, ризы и пр. Воловъ на солонину пригоняютъ изъ Галиціи черезъ расположеніе австрійскихъ войскъ. Селитру также получали изъ Галиціи и окрестностей Люблина за большія деньги.

[5]) Петрушевскій, т. II, стр. 73.

А событія шли своимъ чередомъ. Косцюшко, видя, что Ферзенъ, послѣ переправы черезъ Вислу, можетъ соединиться съ Суворовымъ, рѣшился помѣшать этому соединенію и пошолъ вверхъ по правому берегу Вислы въ то время, какъ Ферзенъ шелъ по лѣвому. Однако послѣднему при помощи весьма искусныхъ маневровъ удалось переправиться черезъ Вислу [1]) и на голову разбить Косцюшку при замкѣ Мацѣіовицы 29-го Сентября. Самъ польскій генералиссимусъ былъ настигнутъ въ лѣсу Харьковскаго легко-коннаго полка корнетомъ Лысенко, который раза два полоснулъ его саблей, а казакъ ударилъ въ спину пикой [2]). Тяжело раненый Косцюшко попался въ плѣнъ [3]). Событіе огромной важности [4]). Говорятъ, что

---

[1]) Весьма странно, что Костомаровъ (стр. 819) глумится надъ очень удачно исполненной Ферзеномъ наступательной переправой черезъ широкую рѣку, Вислу. Дѣйствія Ферзена весьма замѣчательны. Не даромъ самъ Суворовъ выражался объ этомъ такъ: „Переходъ вашъ чрезъ Вислу полонъ искусства". (Военный журналъ, 1811 г., ч. IV, кн. XIII, стр. 59. Письмо помѣчено въ печати 2-го Сентября; это невѣрно, ибо служитъ отвѣтомъ на письмо Ферзена отъ 25-го Сентября). Императрица Екатерина II наградила Ферзена за переправу шпагой съ алмазами, а за баталію при Мацѣіовицахъ орденомъ Св. Георгія 2 класса и отдала „въ вѣчное и потомственное владѣніе состоящія за нимъ въ арендѣ Гаки въ Лифляндіи". Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 120.

[2]) Захватили Косцюшку корнеты: Харьковскаго легко-коннаго полка Өедоръ Лысенко (офицеръ этотъ выслужился изъ солдатъ), Елисаветградскаго конно-егерскаго Владиміръ Смородскій, Ахтырскаго полка Павелъ Пономаревъ и казаки Өедоръ Топилинъ и Николай Лосевъ. Московскій Арх. Гл. Штаба, опись 200, связка 52, № 13.

[3]) Плѣнный Косцюшко былъ отвезенъ въ Петербургъ и содержался въ Петропавловской крѣпости до 1796 г. Императоръ Павелъ, по вступленіи на престолъ, не только возвратилъ ему свободу, но и осыпалъ его разными милостями. Косцюшко обѣщался не дѣйствовать противъ Россіи. Въ 1798 г. онъ переселился во Францію, купилъ помѣстье около Фонтенбло и жилъ тамъ покойно до 1806 г. Наполеонъ, замысливъ войну съ Россіей, хотѣлъ воспользоваться именемъ Косцюшки, чтобы подѣйствовать на умы поляковъ, и приглашалъ его на службу; но, вѣрный данному обѣщанію, Косцюшко рѣшительно отказался отъ этого и впослѣдствіе протестовалъ противъ изданнаго подъ его именемъ ложнаго манифеста къ полякамъ. Съ 1816 г. онъ поселился въ Швейцаріи, въ Золотурнѣ, гдѣ и умеръ, вслѣдствіе паденія съ лошади. Окрестное швейцарское населеніе глубоко уважало старика Косцюшко.

[4]) 4 (15) октября послано было изъ Варшавы отъ высочайшаго совѣта письмо къ Косцюшкѣ: „Высочайшій совѣтъ готовъ уволить за тебя всѣхъ непріятельскихъ плѣнниковъ; каждый изъ насъ готовъ пожертвовать собственною свободою за твою. Это голосъ цѣлаго народа. Если россійское правительство не согласится на это, то оно покажетъ, какъ дорожитъ твоею особою и какъ мало даетъ цѣны собственнымъ подданымъ . . . . . Высочайшій совѣтъ установилъ навсегда имѣть твой портретъ на томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ отправляться его засѣданія".

будто Косцюшко, падая съ лошади, сказалъ: „Finis Poloniae [1])“.

Теперь лѣвый флангъ Суворова былъ превосходно обезпеченъ разгромомъ поляковъ подъ Мацеіовицами. Что касается праваго, то Репнинъ, не столько желая удовлетворить требованіе Суворова, а въ силу необходимости исполнить Высочайшее повелѣніе о наступленіи до намѣченной новой границы, приказалъ Дерфельдену наступать по направленію на Бѣлостокъ, который и былъ занятъ.

Узнавъ 4-го Октября о побѣдѣ Ферзена [2]), Суворовъ немедленно задумалъ исполнить свой планъ движенія на Прагу и приказалъ, именемъ Императрицы [3]), идти для соединенія съ нимъ какъ Дерфельдену, такъ и Ферзену. Послѣдній тотчасъ подчинился этому требованію, такъ какъ до него уже дошло отъ Репнина предписаніе о подчиненіи Суворову; Дерфельденъ же передъ тѣмъ получилъ приказаніе Репнина—расположиться на зимнія квартиры, а предписанія отъ 7-го Октября о подчиненіи Суворову еще не получалъ [4]). Явились два

---

[1]) Самъ Косцюшко впослѣдствіе отрицалъ это. Весьма часто молва приписываетъ историческимъ лицамъ красивыя фразы, которыхъ они никогда не произносили. Извѣстно выраженіе ген. Камброна въ битвѣ при Ватерлоо: „гвардія умираетъ, но не сдается“. Добропорядочный Камбронъ всегда отрицалъ, что фраза эта была имъ сказана, и прибавлялъ, что тогда было не до краснорѣчивыхъ фразъ.

[2]) Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 193, связка 130, № 8, отношеніе Суворова къ Тугolминy отъ [illegible]-го Октября, изъ котораго видно, что донесеніе о битвѣ при Мацеіовицахъ Суворовъ получилъ 4-го Октября черезъ капитана польской службы Дубовицкаго, котораго Денисовъ (одинъ изъ подчиненныхъ Ферзену генераловъ) посланъ на удачу, чтобы онъ пробрался по странѣ, бывшей въ рукахъ мятежниковъ. Въ награду этому капитану Суворовъ проситъ дать мѣсто на службѣ въ Минской губ., гдѣ живутъ его родственники.

[3]) Такъ значится у Масловскаго, стр 475, причемъ онъ опирается на „Записки Энгельгардта“; у Петрушевскаго же (т. II, стр. 83) сказано „именемъ Румянцова“ причемъ онъ ссылается на архивные документы *и также* на „Записки Энгельгардта“.

[4]) Распоряженіе Репнина о квартирахъ, вѣроятно, основывалось на слѣдующемъ письмѣ Салтыкова отъ 24-го Сентября (секретн. журналъ: листъ 135): „Третьяго дни мы здѣсь получили о суворовской побѣдѣ отъ него съ присланнымъ полковникомъ княземъ Горчаковымъ. Весьма гремитъ оной, но его донесеніе по его обыкновенному штилю весьма коротко, а больше знаемъ по словамъ князя Горчакова въ чемъ та

приказанія, взаимно противоположныя: одно исходило отъ прямого начальника (Репнина), а другое—отъ ближайшаго на театрѣ войны старшаго генерала дано именемъ Императрицы, да и вполнѣ согласовалось съ обстановкой.

Несомнѣнно, что осторожный Дерфельденъ исполнилъ бы приказаніе Репнина, но у него былъ пылкій начальникъ авангарда, молодой генералъ-маіоръ гр. Валеріанъ Зубовъ, который совѣтовалъ идти на зовъ Суворова и обѣщалъ, въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній, обѣлить Дерфельдена въ Петербургѣ. Совѣтъ брата извѣстнаго Платона Зубова подѣйствовалъ,—Дерфельденъ пошелъ на соединеніе съ Суворовымъ [1]).

Суворовъ уже рѣшилъ все относительно движенія въ Прагѣ, большинство распоряженій было сдѣлано [2]), и всетаки 6 Октября наканунѣ выступленія, онъ собираетъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовали не только генералы, но также полковые и баталіонные командиры, въ числѣ 21 чел. Что же, Суворовъ нуждался въ совѣтѣ своихъ подчиненныхъ? Конечно, нѣтъ, ибо онъ могъ всегда самъ дать имъ таковой. Желалъ ли онъ прикрыться постановленіемъ военнаго совѣта, чтобы снять съ себя отвѣтственность въ случаѣ неудачи? Это было бы не согласно съ характеромъ полководца, отличавшагося всегда скорѣе избыткомъ гражданскаго мужества, чѣмъ его недостаткомъ. Нѣтъ, онъ хотѣлъ передѣлить принятое имъ самимъ рѣшеніе въ своихъ помощниковъ, опытныхъ и энергичныхъ, но недостаточно еще проникнутыхъ мыслью о необходимости наступленія къ

побѣда состоитъ: и какъ кажется что Суворовъ далѣе не пойдетъ то узнавъ теперь что Костюшко предприйметъ вслѣдствіе того непремѣнно нужно назначить квартиры и зделавъ предположеніе какимъ образомъ себя держать въ зиму" .... Можетъ быть Репнинъ и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ, что Суворовъ дальше не пойдетъ.

[1]) Петрушевскій, т. II, стр. 83, Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 44, рапортъ Дерфельдена изъ Бѣльска отъ 10-го октября, гдѣ говорится, что онъ повелѣнія Суворова отъ 6, 7 и 9 октября получилъ и выступилъ по назначенію.

[2]) Петрушевскій, т. II, стр. 85.

Варшавѣ; кромѣ того, употребляя всѣ средства, чтобы притянуть сосѣднія войска къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, Суворовъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ повліять на нихъ и рѣшеніемъ военнаго совѣта; наконецъ, въ силу воинскаго устава онъ обязанъ былъ собрать военный совѣтъ [1].

Послѣ самыхъ короткихъ совѣщаній испытанные въ бояхъ сподвижники Суворова постановили слѣдующее опредѣленіе: „На основаніи воинскаго устава, главы 10-й, въ собраніи генералитета, полковыхъ и баталіонныхъ начальниковъ положено: пользуясь побѣдою при замкѣ Мушковскомъ (Маціовицы) выступить корпусу для покушенія на Варшаву. Оставить для закрытія Бржесца какъ при немъ вагенбурга и провіантскихъ магазиновъ при бригадирѣ Дивовѣ Сѣвскій пѣхотный полкъ, три эскадрона Херсонскаго легкоконнаго полку и 250 казаковъ. Очистить отъ непріятеля край къ сторонѣ Бѣльска.—Взять съ собою провіанта по 1-ое Ноября; поставить коммисію въ Бржесцѣ для доставленія онаго впредь къ войскамъ изъ собираемаго съ земли. Ежели непріятель, обрѣтающейся въ околичностяхъ Бѣльска, между тѣмъ, отъ генералъ-поручика Дерфельдена разбитъ будетъ и уйдетъ къ Варшавѣ, или безъ сего то учинитъ, идти корпусу прямо на Яновъ, Венгровъ, Станиславовъ.—Потомъ соединиться съ корпусомъ генералъ-поручика барона Ферзена въ Минскѣ [2]), которому туда прибыть велѣно; также тамъ-же съ корпусомъ генералъ-поручика Дерфельдена. Просить австрійскаго генерала Гарнанкурта, чтобы онъ протянулъ цѣпь до Лукова для соединенія отсюда съ нашею а оттуда до

---

[1]) Если Румянцовъ и выражалъ Суворову свое желаніе,—„безъ всякаго содѣйствія союзниковъ, одними собственными силами одолѣть непріятеля, и не по держанному военному совѣту и не по нуждѣ, но по побѣдѣ въ квартиры возвратиться" (Петрушевскій, стр. 85), то вѣдь этимъ воспрещалось собирать совѣтъ для рѣшенія вопроса о расположеніи на квартирахъ, т. е. объ окончаніи военныхъ дѣйствій, а не о наступленіи. Наконецъ, это предписаніе Румянцова Суворовъ получилъ, когда уже всѣмъ распорядился, а военный совѣтъ постановилъ свое опредѣленіе.

[2]) Городъ не губернскій, а на пути къ Варшавѣ.

Вислы, противъ рѣки Пилица къ прусскому тамъ за Вислою кордону.—Тожъ писать къ прусскому генералу Латорфу, находящемуся въ Опатовѣ, о содѣйствіи вообще прусскихъ войскъ въ покушеніи на Варшаву. Первое стремленіе наше должно быть на Прагу, и по осиленіи онаго мѣста, стараться сжечь мостъ черезъ Вислу. Потомъ перейти противъ Вильянова или инаго мѣста за Вислу, оставя при Прагѣ генералъ-поручика Дерфельдена съ отрядомъ до 6.000, или по обстоятельствамъ для дальнихъ покушеніевъ на Варшаву. Но ежели генералъ-поручикъ Дерфельденъ съ его корпусомъ для какихъ-либо причинъ не прибудетъ, или паче прусскія войска въ довольномъ количествѣ содѣйствовать не будутъ, то расположиться войскамъ по правому берегу Вислы. А когда позади расположенія весь провіантъ и фуражъ выбранъ будетъ, то для лучшаго спокойствія войскъ, сблизиться для винтеръ-квартиръ пока къ Брежесцю, Радзину и оконечностяхъ [1])“.

Въ этомъ опредѣленіи развитъ весь планъ предстоявшей операціи. Сначала поставлена цѣль—покушеніе на Варшаву, предметъ дѣйствій, имѣвшій въ то время рѣшающее значеніе. Затѣмъ слѣдуютъ заботы объ обезпеченіи Бреста, который долженъ служить базою не только теперь во время наступленія, но и потомъ, когда Варшава еще не будетъ взята, а мѣстныя средства истощатся. Мѣры для обезпеченія операціонной линіи (собственно съ праваго фланга, такъ какъ съ лѣваго она была обезпечена побѣдою Ферзена и движеніемъ его отряда, въ чемъ Суворовъ не сомнѣвался) выражаются въ стремленіи очистить отъ непріятеля мѣстность между Брестомъ и Бѣльскомъ. Наступленіемъ Дерфельдена отъ Бѣлостока цѣль эта достигалась естественнымъ образомъ, но Суворовъ не былъ вполнѣ убѣжденъ,—захочетъ ли Дерфельденъ исполнить его приказъ,

———

[1]) Военно-ученый архивъ въ Петербургѣ, дѣло № 1220, подлинное постановленіе совѣта.

не удержитъ ли его Репнинъ, а потому и рѣшается самъ выполнить эту задачу, причемъ жертвуетъ даже выигрышемъ времени при движеніи прямой дорогой къ Варшавѣ на Венгровъ и выбираетъ кружную на Бѣльскъ. 5-го Октября онъ прямо пишетъ Румянцову: „къ сожалѣнію, вмѣсто прямой дороги на Венгровъ, я долженъ взять кружный маршъ на Бѣльскъ, для боя съ Макрановскимъ, чтобы не дать ему моего крыла, обезпечить Брестъ и очистить Литву [1])". Въ такомъ уклоненіи отъ прямого направленія мы видимъ повтореніе того же маневра и съ той же цѣлью, который былъ совершенъ Суворовымъ при движеніи отъ Выжвы не прямо на Брестъ, а кружнымъ путемъ черезъ Кобринъ.

Далѣе, мы видимъ заботы о сосредоточеніи возможно большихъ силъ къ рѣшительному пункту въ рѣшительную минуту: не только имѣется въ виду присоединить корпусы Ферзена и Дерфельдена, но даже воспользоваться союзниками—австрійцы прикроютъ лѣвый флангъ, а отъ пруссаковъ просится прямое содѣйствіе. Врядъ ли Суворовъ разсчитывалъ на это содѣйствіе; справедливо писалъ Салтыковъ Репнину отъ 24-го Сентября: „союзники наши какъ козьи рога въ мѣхъ не лѣзутъ [2])"; ну, а попытку получить помощь отъ пруссаковъ отчего же было и не сдѣлать.

На основаніи распоряженій Суворова три корпуса (Дерфельдена, Суворова и Ферзена) концентрически двинулись теперь къ Варшавѣ.

Противъ *Дерфельдена* дѣйствовала литовская армія (11—15 т.) Макрановскаго [3]). Самъ онъ съ большею половиною войскъ стоялъ у Бѣльска, а Варжецкій, тоже почти съ половиною, занималъ впереди, какъ бы въ видѣ авангарда правый берегъ Нарева. Потѣсненный Дер-

---

[1]) Петрушевскій, II, стр. 86.

[2]) Секретный журналъ Салтыкова, листъ 135.

[3]) Московскій Арх. Гл. Штаба. опись 196, связка 8, № 45, показаніе дезертира Романовскаго: пѣхоты 13 т., конницы 2280 и 40 пушекъ.

фельденомъ отъ Бѣлостока главнокомандующій литовской арміей недоумѣвалъ, что ему слѣдовало предпринять дальше, ибо по предположенію онъ долженъ былъ совмѣстно съ Косцюшкой атаковать Суворова въ Брестѣ съ двухъ сторонъ, а приказаній и даже никакихъ сообщеній отъ Косцюшки не было [1]).

Скоро для него все разъяснилось: онъ узналъ о битвѣ при Мацеіовицахъ и ея результатахъ, литовской арміи приказано отступить къ Варшавѣ для защиты столицы. Изъ Бѣльска Макрановскому ближайшій путь былъ на Граню, Соколовъ, Венгровъ и Станиславовъ; но тутъ пришлось бы совершать фланговый маршъ въ сравнительно близкомъ разстояніи отъ Суворова; а потому Ма-

[1]) Въ перехваченномъ русскими письмѣ къ Косцюшкѣ отъ 1-го Октября (Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, св. 8) Макрановскій пишетъ: „Стою въ опасности, но могу ничего начать, не снесясь съ Вами. Трехъ курьеровъ послалъ,—ни одинъ не вернулся. Ваврженкій стоитъ у праваго берега Нарвы и имѣетъ противъ себя корпусъ за Заблудовымъ". Къ письму приложена слѣдующая вѣдомость войскамъ;

Въ корпусѣ Ясинскаго.

Гвардія литовская пѣшая.	1200
Полкъ 5-й—2 баталіона	1000
Егарей Бяловѣскихъ съ штуцерами.	300
Пикинеровъ и косинеровъ.	2000
	4500 пѣхоты

Кавалеріи.

Гвардія конная литовская	400
Полкъ Азулевича	200
Половина полку Ахматовича. . . . . ; .	300
Полкъ Качановскаго	300
	1200 кавалеріи

Пушекъ отъ 6-ти до 3 фунтоваго калибра 23.

У Ваврженцкаго.

Ковенской кавалеріи	500
Бригада Ваврженцкаго 16 эскадроновъ	1600
5-й полкъ Лишевскаго.	600
	2700

Пѣхота.

Полковника Рымпскаго гренадерскихъ изъ 3-хъ баталіоновъ.	1500
2-й полкъ Пенжельскаго.	1000
	2500
Пушекъ малаго калиберу	10

крановскій пошелъ на Брянскъ, Андріевъ (9-го Октября) къ Вышкову (12-го Октбря), прикрываясь отъ опаснаго врага на большей части пути рѣкой Зап. Бугъ [1]).

Для преслѣдованія поляковъ Дерфельденъ выступилъ изъ Заблудова 8-го Октября [2]), переправился черезъ Наревъ у д. Плески [3]) и пошелъ за непріятелемъ на Бѣльскъ, Брянскъ, къ Броку на Бугѣ, а приспѣвшій Апшеронскій полкъ направилъ по кратчайшему пути отъ Бѣлостока на Гранно, Соколовъ къ Венгрову, чѣмъ можетъ быть хотѣлъ достигнуть связи съ Суворовымъ [4]). Догнать Макрановскаго Дерфельдену не удалось; онъ имѣлъ только нѣсколько стычекъ съ его арьергардомъ, изъ которыхъ одна, у Попкова на Бугѣ 15-го Октября, была особенно упорна; здѣсь ядромъ оторвало ногу начальнику авангарда графу Валеріану Зубову [5]). 18-го Октября Дерфельденъ достигъ д. Непорента и готовился присоединиться къ Суворову [6]).

Суворовъ отъ Бреста не пошелъ на Бѣльскъ, какъ задумывалъ раньше. Въ самомъ дѣлѣ прямая дорога на Бѣльскъ при операціи противъ Макрановскаго не вела къ рѣшительному результату, ибо польскій генералъ легко могъ отступить и избѣгнуть удара.

Оставивъ въ Брестѣ небольшой отрядъ бригадира Дивова, Суворовъ съ 8000 чел. выступилъ 7 Октября на Яновъ вдоль рѣки Зап. Бугъ. Это направленіе угрожало пути отступленія Макрановскаго на Варшаву. Въ Яновѣ Суворовъ узналъ, что Макрановскаго въ Бѣльскѣ

[1]) Московскій Арх. Гл. Шт., опись 196, связка 8, № 48, рапортъ Дерфельдена Суворову, въ которомъ говорится о показаніи плѣнныхъ, что Макрановскій, Ясинскій, Грабовскій и Мейенъ 12-го Октября переправлялись черезъ Бугъ у Вышкова и хотѣли идти черезъ д. Кобылка къ Прагѣ.

[2]) Военно-Ученый Архивъ въ Петербургѣ дѣло № 1220, рапортъ № 463.

[3]) Таже переправа, что и у д. Войшки, на пути изъ Заблудова въ Бѣльскъ. Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 41, рапортъ Дерфельдена Суворову, отъ 10 Октября изъ Бѣльска

[4]) Тоже, № 45.

[5]) Тоже, № 50.

[6]) Тоже, № 53.

уже нѣтъ. Тогда русскій отрядъ быстро продвинулся еще 20 верстъ впередъ, но получилъ извѣстіе, что Макрановскій уже проскользнулъ по направленію къ Варшавѣ, и что одна изъ его колоннъ направилась къ Станиславову. Суворовъ послалъ Ферзену приказаніе, когда дойдетъ согласно съ прежнимъ распоряженіемъ до Минска, то, не останавливаясь, двигаться на Станиславовъ, прибыть туда къ 13 Октября и тамъ дожидаться. Ферзенъ не могъ прибыть къ назначенному сроку и донесъ, что на сутки вынужденъ запоздать. Дерфельденъ тоже былъ еще далеко. Поэтому Суворовъ замедлилъ нѣсколько свое движеніе, давая имъ время сблизиться съ нимъ, и черезъ Соколовъ пришелъ къ Венгрову. Здѣсь захваченные казаками плѣнные показали, что Макрановскій еще не дошелъ до Варшавы и долженъ быть недалеко.

По весьма худой песчаной дорогѣ Суворовъ прибылъ въ Станиславовъ 14 октября утромъ, а передъ тѣмъ только что пришелъ туда и *Ферзенъ* съ 11 т. человѣкъ[1]).

Въ Станиславовѣ получены свѣдѣнія, что сильный отрядъ поляковъ стоитъ въ Окуневѣ, а другой такой же въ д. Кобылкѣ. Суворовъ усилилъ свой корпусъ (т. е. дивизію П. Потемкина) частью кавалеріи Ферзена и съ приближеніемъ ночи выступилъ къ Кобылкѣ, а Ферзену приказалъ въ то же время идти на Окуневъ. Послѣдній лежалъ на прямой дорогѣ съ востока изъ Станиславова къ Варшавѣ, а черезъ Кобылку вели къ Варшавѣ дороги съ сѣверо-востока, откуда долженъ былъ прибыть Дерфельденъ.

14 октября русскіе находились въ двухъ группахъ (Ферзенъ и Суворовъ въ Станиславовѣ, а Дерфельденъ

[1]) Петрушевскій, т. II, стр. 86—87. Здѣсь Ферзенъ и еще два генерала подписали предъявленное имъ постановленіе военнаго совѣта 6-го октября, прибавивъ: „съ положеніемъ, учиненнымъ на консиліумѣ его сіятельства, графа Суворова, мы согласны, прибавя къ тому, что за лучшее находимъ приступить къ Прагѣ на разсвѣтѣ, всѣми корпусами единовременно, для лучшей рекогносцировки тѣхъ пунктовъ, которые назначатся колоннамъ для штурмованія и для устрашенія смятенныхъ жителей, чѣмъ заставить можно скорѣе къ помышленію о сдачѣ“.

близъ Вышкова на Бугѣ), удаленныхъ одна отъ другой на 30 верстъ и раздѣленныхъ весьма пересѣченнымъ, закрытымъ, болотисто-лѣсистымъ пространствомъ. Отъ Варшавы эти группы находились всего въ 30—40 верстахъ. 15 октября онп раздѣлились на 3 части: Ферзенъ у Окунева, Суворовъ у Кобылки и Дерфельденъ у Попкова. Ясно, что поляки, дѣйствуя изъ Варшавы, какъ изъ центра, по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ могли разбивать противника по частямъ. Но для этого нужны были другія войска, другіе предводители. Маціовицкій погромъ, плѣнъ обожаемаго Косцюшки, такъ сильно подѣйствовавшіе на упадокъ духа поляковъ, неспособность польской конницы драться въ спѣшенномъ строѣ и недостаточная подготовка польской пѣхоты въ тактическомъ отношеніи, наконецъ, имя Суворова,— все это парализовало возможность активности со стороны его противниковъ. Самое рѣшительное наступленіе, не дающее опомниться впечатлительному врагу, неудержимая внезапная атака, не взирая на число поляковъ,— вотъ былъ наилучшій способъ дѣйствій русскихъ при обстановкѣ того періода кампаніи. Такъ Суворовъ и поступилъ; только съ этой точки зрѣнія и можетъ быть оправданъ его весьма рискованный, при нормальныхъ обстоятельствахъ маршъ къ Прагѣ тремя разрозненными отрядами, безъ связи между собою. Но съ такимъ противникомъ, какъ поляки въ то время, можно было все себѣ позволить.

Ферзенъ никого не нашелъ въ Окуневѣ, а Суворовъ нагналъ при Кобылкѣ одну изъ колоннъ Макрановскаго, бывшую подъ начальствомъ генерала Майена. Майенъ счелъ за лучшее при самомъ началѣ боя покинуть свой отрядъ и уѣхать въ Варшаву; поляки (болѣе 1 т.) остались подъ начальствомъ Вышевскаго, генералъ-адъютанта польскаго короля.

Суворовъ не смотря на болотистую, пересѣченную мѣстность, атаковалъ поляковъ 15-го октября, въ шес-

томъ часу утра одной конницей, дравшейся преимущественно пѣшкомъ; только два баталіона егерей успѣли принять участіе въ концѣ боя. Особенно замѣчателенъ ударъ въ палаши и сабли спѣшенныхъ 4-хъ эскадроновъ Маріупольскаго легко-коннаго полка и 2-хъ эскадроновъ Глуховскихъ карабинеръ. Это было сдѣлано такъ удачно что Суворовъ впослѣдствіи говорилъ одному французскому эмигранту, вступившему въ русскую службу: „Если бы ты былъ при Кобылкѣ, ты бы увидѣлъ то, *чего и я никогда не видалъ*“. Всего въ дѣлѣ приняло участіе до 4-хъ т. суворовскихъ войскъ. Побѣда была полная: почти весь польскій отрядъ былъ уничтоженъ, 1073 чел. взято въ плѣнъ, въ томъ числѣ раненый генералъ Бышевскій, взята вся непріятельская артиллерія (9 пушекъ) и единственное знамя отряда. Потеря русскихъ показана въ 153 чел. убитыхъ и раненыхъ; можетъ быть эта цифра нѣсколько и уменьшена противъ дѣйствительной.

Ферзенъ, не обнаруживъ непріятеля въ Окуневѣ, послалъ еще 14-го октября къ Кобылкѣ на поддержку Суворова три полка (они пришли послѣ боя), а потомъ присоединился и самъ съ остальнымъ отрядомъ. Дерфельденъ переправлялся черезъ Бугъ и былъ не далеко[1]).

И такъ, на основаніи глубокаго пониманія обстановки, при помощи своей ни передъ чѣмъ не останавливающейся энергіи и сочувствія Императрицы и Ру-

---

[1]) Петрушевскій, т. II, стр. 88—92 и 97,—Московск. арх. Гл. Штаба, опись 196 связка 8, №№ 4, 5, 11, 17. См. еще опись 193, связка 130, № 6, 8. Полковникъ Марковъ „Исторія конницы“, часть 4-я Тверь, 1890 г., стр. 224—228. Здѣсь приложенъ и снимокъ съ подлиннаго плана сраженія при Кобылкѣ, хранящагося въ Архивѣ. Кстати здѣсь будетъ сказать по поводу подлинныхъ плановъ. Одинъ ученый пишетъ относительно боевъ при Дивинѣ, Крупчицѣ и у Бреста: „не смотря на всѣ мѣры, мы до сихъ поръ не могли напасть даже на слѣдъ подлинныхъ плановъ этихъ сраженій; а безъ того съ полною увѣренностью возстановить послѣдовательное развитіе этихъ боевъ мы не рѣшаемся“. Не помогутъ ли въ этомъ случаѣ слѣдующія наши указанія. Въ упомянутой нами книгѣ Маркова къ стр. 220 приложенъ снимокъ съ подлиннаго плана сраженія подъ Брестомъ 8 сентября, а въ цитированной уже нами книгѣ Anthing'a, ч. III, имѣются приложенные къ стр. 21, 32, 73, планы боевъ при Крупчицахъ, Брестѣ и Кобылкѣ, видимо тоже снятые съ подлинниковъ, хотя напечатаны и съ названіями на нѣмецкомъ языкѣ. Затѣмъ самые подлинные планы имѣются въ нашемъ Военно-Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба, о чемъ и помѣчено въ печатномъ каталогѣ: Крупчицы за № 1264 (а), Брестъ за № 1265 (а), Кобылка за № 1268 и № 1277.

мянцова, Суворовъ поборолъ интриги и препятствія, самъ образовалъ себѣ армію, съ которой и приступилъ къ исполненію своего плана, 14 октября въ Станиславовѣ соединился съ Ферзеномъ, а 15-го нанесъ жестокое пораженіе подъ Кобылкою въ полупереходѣ отъ Праги отряду генерала Бышевскаго.

Казалось бы, пользуясь впечатлѣніемъ послѣднихъ побѣдъ, отсутствіемъ Косцюшки, упадкомъ духа у поляковъ, слѣдовало немедленно броситься на Прагу и захватить ее штурмомъ, ворвавшись, такъ сказать на плечахъ противника. Между тѣмъ Суворовъ остается въ лагерѣ подъ Кобылкою съ 15-го по 22-е октября. Почему произошла опять задержка? А потому, что старый полководецъ хорошо понималъ невозможность лѣзть съ голыми руками на укрѣпленія, обороняемыя хотя и не лучшими войсками, но защищающими родной очагъ. Надо было дождаться присоединенія Дерфельдена и заняться тщательной подготовкой штурма укрѣпленій, одного изъ труднѣйшихъ военныхъ предпріятій.

ГЛАВА V.

Лагерь при Кобылкѣ и подготовка штурма Праги.

Необходимость штурма Праги. Новый польскій главнокомандующій Томашъ Вавржецкій. Устройство пражскаго „ретраншамента" и его гарнизонъ. Составъ арміи Суворова. Расположеніе ея подъ Прагой 22 октября. Диспозиція къ штурму 24 октября. Военный совѣтъ 18 октября. Приказъ 23 октября. Дополнительная инструкція Ферзену.

Дерфельденъ присоединился 19 Октября. Въ томъ, что дѣло будетъ рѣшено штурмомъ, никто не сомнѣвался, ибо всѣ знали Суворова. И въ самомъ дѣлѣ, это было наиболѣе подходящее рѣшеніе въ данной обстановкѣ: 1) для правильной осады не было осадной артиллеріи, 2) блокада потребовала бы много времени и кампанія могла затянуться до будущаго года; кромѣ того,

не было достаточно силъ, чтобы обложить Варшаву со всѣхъ сторонъ, а при отсутствіи этого условія блокада не имѣетъ смысла; да и въ русскихъ войскахъ продовольствія хватило бы только до 1 Ноября; 3) съ гибелью Праги неизбѣжно соединялась гибель Варшавы — очага и послѣдняго оплота революціи; 4) Суворовъ зналъ угнетенное состояніе духа жителей и жажду ихъ покончить, наконецъ, съ военными тревогами, чтобы предаться мирнымъ занятіямъ; надобно было торопиться воспользоваться благопріятными обстоятельствами — надо скорѣе штурмовать.

3-го Октября преемникомъ Косцюшки поляки избрали генерала Томаша Вавржецкаго. Онъ былъ человѣкъ честный, прямодушный, отличился во время военныхъ дѣйствій въ Литвѣ, но на самомъ дѣлѣ не обладалъ ни способностями, ни опытностью въ военномъ искусствѣ, а главное у него не было всѣми признаннаго авторитета Косцюшки. Прибывъ 12 (23) Октября въ Варшаву, онъ откровенно признался Высочайшему совѣту, управлявшему дѣлами Польши, въ своей неподготовленности и отказывался отъ званія главнокомандующаго; но совѣтъ настоялъ на своемъ рѣшеніи. Заіончекъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ: „Онъ былъ похожъ на жертву, которую тянутъ на закланіе къ алтарю". Ко всему этому надобно прибавить, что Вавржецкій, какъ цѣльный типъ поляка, отличался легкомысліемъ: въ то время, когда Суворовъ уже приближался къ Прагѣ, когда судьба Польши висѣла на волоскѣ, главнокомандующій разъѣзжалъ по Варшавѣ въ королевской каретѣ, давалъ балы и обѣды, 24 музыканта, по дѣдовскому обычаю, играли у него за столомъ [1]).

Въ разныхъ мѣстахъ края поляки имѣли еще до 40 т. организованныхъ войскъ: отряды Макрановскаго и Гедройца оперировали въ Литвѣ противъ русскихъ, Домбровскій, Мадалинскій и Іосифъ Понятовскій (пле-

[1]) Костомаровъ, стр. 827—835.

мянникъ короля)—въ Великой Польшѣ противъ пруссаковъ, Заіончекъ командовалъ войсками въ Варшавѣ, Грабовскій, Попинскій и нѣкоторые мелкіе отряды находились въ различныхъ мѣстахъ Польши къ югу отъ Варшавы [1]). По совѣту Заіончека рѣшено было теперь сосредоточить большую часть войскъ для защиты Варшавы вообще, а главное для обороны укрѣпленій Праги.

Сто лѣтъ назадъ Прага представляла изъ себя, конечно, не то, что теперь; это было мѣсточко на правомъ берегу Вислы съ деревянными домами, большинство которыхъ имѣло видъ лачугъ. Висла въ этомъ мѣстѣ шириною около 200 саж.; Прага соединялась съ Варшавой двумя мостами на судахъ. [2]). Ниже города Варшавы на рѣкѣ былъ островъ, соединенный мостомъ лишь съ лѣвымъ берегомъ Вислы; батарея, поставленная на этомъ островѣ, могла обстрѣливать подступы къ Прагѣ съ сѣвера. Мѣстечко было еще въ прежнія времена окружено валомъ, но не могло вмѣстить большаго числа защитниковъ; поэтому, по проекту Косцюшки,

---

[1]) Тоже, стр. 828. Петрушевскій, т. II, стр. 107.

[2]) Нѣкоторые историки говорятъ объ одномъ мостѣ. На прилагаемомъ планѣ, снятомъ съ подлиннаго, хранящагося за № 1271 (а) въ Военно-Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба въ Петербургѣ, показано два сплошныхъ моста черезъ Вислу. Весьма трудно окончательно рѣшить, существовали ли дѣйствительно оба моста и были ли они исправны, такъ какъ въ имѣющихся у насъ источникахъ говорится объ этомъ разно, но большею частью въ пользу того, что было два моста.

Такъ извѣстный историкъ Фридрихъ Смитъ („Сынъ Отечества—и Сѣверный Архивъ" томъ XVIII, СПБ. 1831 г., стр. 39) говоритъ: „Посредствомъ длиннаго моста сообщалась она (Варшава) съ предмѣстіемъ Прагою. Кромѣ сего моста былъ сдѣланъ еще другой, ниже города, на судахъ противъ казармъ". Далѣе на стр. 44 опять „оба моста". У Костомарова на стр. 843 сказано: «Нельзя предполагать, чтобъ жители Праги оставались въ предмѣстьѣ, когда существовало два моста въ Варшаву„.

У Петрушевскаго (Т. II, стр. 110) говорится одинаково со Смитомъ. У Масловскаго хотя на стр. 482 приведены данныя относительнаго одного моста, но на стр. 486 сказано:" позади валовъ былъ уже свободный проходъ *къ мостамъ* по берегу Вислы;" притомъ слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о неполномъ мостѣ, соединявшемъ только островъ ниже города съ лѣвымъ берегомъ, ибо этотъ послѣдній мостъ не былъ „позади валовъ", а совершенно внѣ пражскихъ укрѣпленій. У того же автора на стр. 488 есть слова: „до главнаго пункта—мостовъ" и на стр. 489—„онъ прибылъ къ мостамъ". Однако нельзя съ полнымъ убѣжденіемъ утверждать, что было именно два моста, ибо на другихъ планахъ Военно-Ученаго архива за № 1270 (а) и 1270 (б) показанъ одинъ только мостъ. Быть можетъ одинъ изъ мостовъ былъ ко времени штурма испорченъ.

впереди прежняго предмостнаго укрѣпленія вновь была возведена обширная непрерывная земляная ограда, въ общемъ, въ формѣ обращеннаго на сѣверо-востокъ исходящаго прямаго угла, стороны котораго упирались: сѣверная (длиною 2 версты) въ Вислу, а восточная (длиною 3 версты) въ болотистый, непроходимый въ бродъ ручей или протокъ Вислы, окружающій Прагу съ южной стороны и текущій отъ Гоцлавекъ. Между старымъ валомъ и новыми укрѣпленіями образовалось широкое поле въ 1/2 версты, а мѣстами до 1 1/2 версты. Непрерывная ограда была устроена изъ 3 линій, которыя пришлось преодолѣвать русскимъ. Первая состояла изъ засѣкъ и волчьихъ ямъ (въ три и болѣе рядовъ), которыхъ однако не было передъ исходящимъ сѣверо-восточнымъ угломъ, отъ д. Торгувекъ до такъ называемой Песочной горы; на этой послѣдней построили нѣсколько отдѣльныхъ батарей; за то въ исходящемъ углѣ, за окопами, находился звѣринецъ съ крѣпкими постройками, приспособленными къ оборонѣ. Вторая линія — сплошной ровъ и земляной валъ, приспособленный для пѣхоты, а отчасти для артиллеріи. Валъ шолъ не по прямой линіи, но имѣлъ много входящихъ и исходящихъ угловъ для обстрѣливанія фланговымъ огнемъ участковъ ограды. Въ сѣверномъ и восточномъ фронтѣ ограды имѣлось нѣсколько обезпеченныхъ выходовъ. Наконецъ, третья линія состояла изъ 43 отдѣльныхъ батарей для стрѣльбы поверхъ вала; въ исходящемъ углѣ было 2 крѣпкихъ кавальера, изъ нихъ одинъ кирпичный. Орудій на вооруженіи 104. Верстахъ въ трехъ къ югу отъ Праги, у Гоцлавека были построены укрѣпленія съ цѣлью замкнуть пространство между вышеупомянутымъ болотистымъ протокомъ Вислы и самою рѣкою. Нѣсколько батарей, построенныхъ на лѣвомъ берегу Вислы, главнымъ образомъ, для обстрѣливанія съ фланга доступовъ къ укрѣпленіямъ были задуманы очень хорошо: батареи у д. Секерки фланкировали укрѣпленія крайняго праваго фланга (у Гоцлавека), а батареи противъ

Праги обстрѣливали мосты и должны были защищать Варшаву въ случаѣ паденія Праги; но всѣ эти батареи вооружили орудіями несоотвѣтственныхъ калибровъ, а потому огонь ихъ оказался слабъ. Укрѣпленія Праги не успѣли докончить; профиль ихъ (временная) была различная въ разныхъ мѣстахъ: сильнѣе около исходящаго угла у Песочной горы; слабѣе къ флангамъ оборонительной линіи. Очевидно самымъ сильнымъ пунктомъ былъ исходящій уголъ съ звѣринцемъ (тактическій ключъ), но стратегическое значеніе принадлежало части восточнаго фронта, находившейся въ наиболѣе короткомъ разстояніи отъ мостовъ черезъ Вислу, и сѣверному фронту, откуда атакующій свободно могъ проникнуть также къ этимъ важнымъ мостамъ, составлявшимъ путь отступленія поляковъ.

Для увеличенія обстрѣла поляки сожгли нѣсколько деревень (Таргувекъ, Брудно, Гроховъ) впереди укрѣпленій [1]).

Гарнизонъ обширнаго пражскаго ретраншамента располагался лагеремъ между старымъ валомъ и вновь возведенными укрѣпленіями; численность его доходила до 30 т. [2]). Но Косцюшко, проектируя укрѣпленія разсчитывалъ на большее число, именно, онъ предполагалъ защищать укрѣпленія вооруженными жителями [3]) Варшавы (20 т.) регулярныя же войска употребить въ видѣ общаго резерва для боя на обширномъ полѣ сзади укрѣпленій. Вслѣдствіе упадка духа Варшавянъ (большинство хотѣло сдать городъ; разноголосица заключалась только въ вопросѣ—кому: русскимъ или пруссакамъ), они выставили для защиты валовъ только 2 т. чел., чѣмъ и разрушили разсчеты Косцюшки.

[1]) Смитъ въ „Сынѣ Отечества" за 1831 г, стр. 39—40; Петрушевскій, т. II, стр. 110—111; Масловскій, ст. 482—483.

[2]) Цифра эта, хотя приведена въ донесеніяхъ Суворова и показана въ различныхъ печатныхъ источникахъ, сомнительна—вѣроятно, было меньше. Смитъ (Сынъ Отечества 1831 г., стр. 41) считаетъ не менѣе 26 т.

[3]) Извѣстно, что милиціи, слабыя, въ полѣ, хорошо дерутся за укрѣпленіями, особенно, при защитѣ роднаго очага.

Въ числѣ гарнизона былъ пятисотенный полкъ, сформированный изъ евреевъ [1]).

Гарнизономъ командовали: на лѣвомъ крылѣ—Ясинскій, на правомъ—Заіончекъ; впрочемъ командованіе не было строго раздѣлено, и Заіончекъ считался какъ бы начальникомъ всего ретраншамента; въ укрѣпленіяхъ у Гоцлавска командовалъ подполковникъ Яблоновскій.

Продовольственные запасы Варшавы были въ достаточномъ количествѣ. Войскамъ выдавали ежедневно по фунту мяса и по полуфунту хлѣба; лошади, правда, кормились соломою съ крышъ. Рогатаго скота было въ запасѣ нѣсколько тысячъ, да пять тысячъ головъ недавно убито на солонину. Хлѣба оставалось недѣли на двѣ, но къ Кракову посланъ Гедройцъ за провіантомъ [2]).

Вавржецкій понималъ недостатки Праги, думалъ даже совсѣмъ сжечь ее, ограничившись защитою берега Вислы, и укрѣпить Варшаву орудіями большаго калибра; но высочайшій совѣтъ былъ противъ этого, особенно, Коллонтай, который имѣлъ вліяніе. „Невозможно оставить Прагу, говорилъ онъ, а за нимъ и другіе,— она обороняетъ Варшаву; если Прагу возьмутъ, то городское строеніе въ столицѣ будетъ тотчасъ разметано. Нельзя покинуть и погубить пороховой и оружейный заводы. Защищать Прагу есть кому; кромѣ войска найдется двадцать тысячъ жителей Варшавы, одушевленныхъ патріотическимъ отчаяніемъ, хорошо вооруженныхъ; они будутъ стоять за нее храбро и твердо". Мнѣніе Вавржецкаго было отвергнуто. Рѣшено защищать Прагу.

---

[1]) Смитъ въ „Сынѣ Отечества" за 1831 г., стр. 41; Петрушевскій, т. II, стр. 116; Московскій Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, показанія мѣщанина Куксевича; „сформированъ жидовскій полкъ въ 500, командиръ коего жидъ же".

[2]) Петрушевскій, т. II, стр. 103. Въ Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, въ сообщеніи Деболи находимъ слѣдующія свѣдѣнія, касающіяся продовольствія Варшавы: „Въ началѣ нашли въ Варшавѣ нѣсколько магазейновъ принадлежащихъ Россійскимъ войскамъ, потомъ австрійскіе транспорты съ мукою назначенные къ арміямъ на Рейнѣ прибыли къ статѣ и послужили снабженіемъ. Отнято у австрійцевъ болѣе 10 т. центнеровъ муки и 20 суденъ овсомъ нагруженныхъ. Безъ таковаго припаса Варшава, не взирая на то, что была открыта со стороны Праги претерпѣла бы голодъ".

Разсчитывали такъ: если Суворовъ явится къ Варшавѣ, то принужденъ будетъ осаждать Прагу; осада задержитъ его по крайней мѣрѣ недѣли на двѣ, а въ это время начнутся дожди, непогода; русскіе не могутъ оставаться на зиму, у нихъ не будетъ продовольствія, а потому они отойдутъ къ Бугу; между тѣмъ политическія обстоятельства могутъ измѣниться къ лучшему для Польши [1]).

Однако Вавржецкій, кажется, все таки хотѣлъ отступить, но распоряженія объ этомъ замедлились, а Суворовъ не дожидался и штурмовалъ.

Подготовка штурма производилась имъ уже давно,— еще въ Брестѣ онъ собиралъ свѣдѣнія объ укрѣпленіяхъ Праги и теперь былъ основательно освѣдомленъ обо всемъ. [2]) Въ лагерѣ при Кобылкѣ Суворовъ сдѣлалъ нѣкоторыя (небольшія) измѣненія въ организаціи своей арміи, которая теперь состояла изъ корпуса Дерфельдена—8500 чел. и 22 ор., стоявшаго на правомъ флангѣ, корпуса генералъ-поручика Павла Потемкина – 10500 ч. и 16 ор., располагавшагося въ центрѣ, и корпуса Ферзена—11 т. и 48 ор.; всего до 30 т. (18 т. пѣхоты, 7 т. кавалер. и 5 т. казаковъ) и 86 ор. [3]). Силы противниковъ были приблизительно равны, но конечно войска Суворова превосходили поляковъ въ качественномъ отношеніи, за то русская армія состояла чуть не на половину изъ кавалеріи, которая при штурмахъ менѣе пригодна, чѣмъ пѣхота.

Взятый Суворовымъ изъ Бреста провіантъ уже былъ

---

[1]) Костомаровъ, стр. 830.

[2]) Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, показаніе разныхъ выходцевъ изъ Варшавы; см. примѣч. на стр. 54.

[3]) Цифры эти взяты у Масловскаго стр. 481—482, но число орудій измѣнено по другимъ источникамъ (Петрушевскій, стр. 100; объясненіе къ плану штурма Праги; Смитъ въ „Сынѣ отечества“ за 1831 г. стр. 44 и въ реляціяхъ). У Смита число войскъ Суворова показано въ 24055 ч., причемъ въ видѣ объясненія къ этому малому числу добавлено, что „сдѣлавъ весьма дѣятельную кампанію, баталіоны едва имѣли отъ 350 до 380 человѣкъ, а эскадроны отъ 75—85 чел., ибо кавалерія наиболѣе дѣйствовала и пострадала„. („Сынъ Отечества“ за 1831 г., стр. 54 и 55).

на исходѣ, подвозить оттуда запасы было трудно [1]), а потому продовольствіе арміи было устроено слѣдующимъ образомъ: въ Минскѣ, т. е. въ двухъ переходахъ отъ лагеря, устроенъ былъ провіантскій магазинъ, въ который собиралось зерно изъ окрестной мѣстности, перемалывалось, и на полковыхъ подъемныхъ лошадяхъ мука отправлялась въ м. Окуневъ (въ одномъ переходѣ отъ лагеря); здѣсь былъ расположенъ вагенбургъ; при немъ мука перепекалась въ хлѣбъ, который доставлялся уже къ войскамъ [2]).

18-го Октября большое число русскихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ пріѣхали изъ лагеря при Кобылкѣ къ Прагѣ и подъ прикрытіемъ значительнаго кавалерійскаго отряда произвели развѣдку крѣпости, ознакомились съ окружающей мѣстностью. Поляки открыли огонь, чѣмъ ясно обозначили свое расположеніе, но на вылазку не рѣшились. Въ русскомъ лагерѣ въ это время дѣятельно заготовлялись необходимыя для штурма приспособленія: лѣстницы, фашины, плетни и пр. Всѣ приготовительныя къ штурму работы окончились 22-го Октября; въ тотъ же вечеръ войска двинулись къ Прагѣ тремя колоннами и вступили въ назначенныя имъ подъ Прагой лагерныя мѣста съ развернутыми знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкой. Непріятельскіе посты сбиты, русская сторожевая цѣпь заняла ихъ мѣста, и войска расположились внѣ пушечнаго выстрѣла отъ укрѣпленій, причемъ заняли весьма растянутую позицію, до 15-ти верстъ, но поляки и не думали о чемъ нибудь наступательномъ. Затѣмъ генералы вновь произвели развѣдку [3]) укрѣпленій и мѣстности, а Суворовъ

---

[1]) Дивовъ, оставленный въ Брестѣ, прямо жалуется въ рапортѣ отъ 23-го Октября (Москов. Арх. Гл. Шт., опись 196, связка 5, № 60), что у него нѣтъ ни мѣшковъ для насыпки сухарей, ни подводъ для отправки, такъ какъ Суворовъ все забралъ съ собою.

[2]) Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 5, № 66.

[3]) При рекогносцировкѣ указывали путь: исправляющій должность генералъ-квартирмейстера подполковникъ Ивашевъ и инженерный квартирмейстеръ маіоръ Глуховъ.

объѣхалъ и осмотрѣлъ лагерь: корпусы Дерфельдена и Потемкина стали противъ сѣвернаго фронта крѣпости, а Ферзенъ противъ восточнаго. Около полуночи стали передъ фронтомъ лагерей возводить батареи: Ферзенъ— № 3 и № 4 на 48 орудій въ 300 саж. отъ укрѣпленій, Потемкинъ—№ 2 на 16 ор. въ 300 саж. отъ батарей Песочной горы, а Дерфельденъ—№ 1 на 22 ор. въ разстояніи версты и даже болѣе отъ сѣвернаго фронта. Цѣль постройки батарей — отчасти подготовка штурма, а главное, чтобы дать поводъ непріятелю ожидать осады и думать, что дѣло откладывается въ долгій ящикъ.

Утромъ 23-го октября къ удивленію поляковъ, незамѣтившихъ работъ русскихъ, батареи открыли огонь; непріятельская артиллерія отвѣчала съ живостью. Суворовъ лично со свитой произвелъ развѣдку Праги и назначилъ штурмъ въ ту же ночь на 24-е октября. Диспозиція, отданная заблаговременно еще ранѣе 22-го октября, заключалась въ слѣдующемъ: армія раздѣлена на семь колоннъ: 1 и 2 составлены изъ корпуса Дерфельдена, 3 и 4—Потемкина, а 5, 6 и 7—Ферзена[1]). Первыя че-

---

[1]) Приводимъ здѣсь составъ колоннъ:

1-я колонна генералъ-маіора Ласси 3-й баталіонъ Лифляндскаго егерскаго корпуса, три баталіона Фанагорійскаго гренадерскаго полка; въ резервѣ колонны: Тульскій мушкетерскій полкъ (два баталіона) и три эскадрона Кіевскаго конно-егерскаго полка; *всего 6 баталіоновъ и 3 эскадрона.*

2-я колонна полковника князя Лобанова-Ростовскаго: 2-й баталіонъ Бѣлорусскаго егерскаго корпуса, Апшеронскій мушкетерскій полкъ (два баталіона), баталіонъ Низовскаго мушкетерскаго полка; въ резервѣ колонны: другой баталіонъ Низовскаго полка и три спѣшенныхъ эскадрона Кинбурнскаго драгунскаго полка; *всего 5 баталіоновъ и 3 спѣшенныхъ эскадрона.*

3-я колонна генералъ-маіора Исленьева: 2-й баталіонъ Лифляндскаго егерскаго корпуса, Херсонскій гренадерскій полкъ (четыре баталіона); въ резервѣ колонны: баталіонъ Смоленскаго мушкетерскаго полка, пять спѣшенныхъ эскадроновъ Смоленскаго драгунскаго полка и три эскадрона Переяславскаго конно-егерскаго полка; *всего 6 баталіоновъ, 5 спѣшенныхъ эскадроновъ и еще 3 эскадрона.*

4-я колонна генералъ-маіора Буксгевдена: 3-й баталіонъ Бѣлорусскаго егерскаго корпуса, 4 баталіонъ Лифляндскаго егерскаго корпуса, Азовскій мушкетерскій полкъ (два баталіона); въ резервѣ колонны: Глуховскій мушкетерскій полкъ (два баталіона), пять спѣшенныхъ эскадроновъ Смоленскаго драгунскаго полка и три эскадрона Ольвіопольскаго гусарскаго полка; *всего 6 баталіоновъ, 5 спѣшенныхъ эскадроновъ и еще 3 эскадрона.*

тыре назначались для атаки сѣвернаго фронта, остальныя для восточнаго. Конница (г.-м. Шевичъ) была распредѣлена по колоннамъ и въ четыре отдѣльныхъ резерва [1]).

5-я колонна генералъ-маіора Тормасова: 1-й баталіонъ Екатеринославскаго егерскаго корпуса, Курскій мушкетерскій полкъ (два баталіона), гренадерскій сводный баталіонъ; въ резервѣ колонны: другой гренадерскій сводный баталіонъ, баталіонъ Новгородскаго мушкетерскаго полка и три эскадрона Елисаветградскаго конно-егерскаго полка; *всего 6 баталіоновъ и три эскадрона.*

6-я колонна генералъ-маіора Рахманова: 2-й баталіонъ Екатеринославскаго егерскаго корпуса, три баталіона Сибирскаго гренадерскаго полка; въ резервѣ колонны: Днѣпровскій мушкетерскій полкъ (два баталіона) и три эскадрона Воронежскаго гусарскаго полка; *всего 6 баталіоновъ и 3 эскадрона.*

7-я колонна генералъ-маіора Денисова: 3-й и 4-й баталіоны Екатеринославскаго егерскаго корпуса, Козловскій мушкетерскій полкъ (два баталіона); въ резервѣ колонны: Углицкій мушкетерскій полкъ (два баталіона), три эскадрона Елисаветградскаго конно-егерскаго полка и 200 черноморскихъ казаковъ: *всего 6 баталіоновъ, 3 эскадрона и 200 казаковъ.*

[1]) Для болѣе подробнаго ознакомленія съ распредѣленіемъ войскъ Суворова приводимъ: „Порядокъ приступа" изъ сочиненія Смита (сынъ отечества, 1831 г., стр. 50—54).

Порядокъ приступа.

Правый флангъ. Генералъ-Лейтенантъ Дерфельденъ, 11 баталіоновъ и 6 эскадроновъ—4.600 человѣкъ.

1-я колонна. Генералъ-Маіоръ Ласси, 6 бат. и 8 эскадр.

1 бат. Лифляндскихъ егерей.
3 „ Фанагорійскихъ гренадеровъ
2 „ Тульскаго мушкетерскаго } въ резервѣ.
3 эскадр. Кіевскаго конно-егерскаго полка } въ резервѣ.

2-я колонна. Полковникъ Князь Лобановъ Ростовскій; 5 бат. и 3 эскадр.

1 бат. Бѣлорусскихъ егерей
2 „ Апшеронскаго полка
1 „ Низовскаго „
1 „ Низовскаго „ } въ резервѣ.
3 эскадр. спѣшенныхъ Кинбурнскаго полка. } въ резервѣ.

Центръ. Генералъ-Лейтенантъ П. Потемкинъ; 12 батальоновъ и 16 эскадроновъ—5.800 человѣкъ.

3-я колонна. Генералъ-Маіоръ Исленьевъ; 6 бат. и 8 эскадр.

1 бат. Лифляндскихъ егерей
4 „ Херсонск. гренадерск.
1 „ Смоленск. мушкетерскаго } въ резервѣ.
5 эскадр. спѣшенныхъ Смоленск. драгунск. } въ резервѣ.
3 „ Переяславскаго конно-егерскаго полка. } въ резервѣ.

4-я колонна. Генералъ-Маіоръ Буксгевденъ; 6 бат. и 8 эскадр.

1 бат. Бѣлорусскихъ егерей
2 „ Лифляндскихъ егерей
2 „ Азовскаго мушкетерскаго

Впереди каждой колонны идутъ 128 стрѣлковъ для обезпеченія дѣйствій 272 рабочихъ, слѣдующихъ

---

2 бат. Ряжскаго мушкетерскаго
5 эскадр. спѣш. Смоленск. драгунскаго полка } въ резервѣ.
3 „ Ольвіопольскаго гусарскаго полка.

Лѣвый флангъ. Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Ферзенъ; 18 баталіоновъ и 9 эскадроновъ—7.000 человѣкъ.

5-я колонна. Генералъ-Маіоръ Тормасовъ; 6 бат. и 3 эскадр.

1 бат. Екатеринославскихъ егерей
2 „ Курскаго мушкетерскаго
1 „ сводныхъ гренадеровъ

1 „ сводныхъ гренадеровъ
1 „ Новгородск. мушкетерскаго } въ резервѣ.
3 эскадр. Елисаветградскаго конно-егерскаго полка.

6-я колонна. Генералъ-Маіоръ Рахмановъ; 6 бат. и 3 эскадр.

1 бат. Екатеринославск. егерей
3 „ Сибирскаго гренадерскаго
2 „ Днѣпровскаго мушкетерскаго } въ резервѣ.
3 эск. Воронежскаго гусарскаго полка.

7-я колонна. Генералъ-Маіоръ Денисовъ, 6 бат. и 3 эскадр.; 200 Черноморскихъ казаковъ.

2 бат. Екатеринославскихъ егерей
2 „ Козловскаго мушкетерскаго
2 „ Углицкаго мушкетерскаго } въ резервѣ.
3 эск. Елисаветградск. конно-егерскаго полка.

Общій резервъ. Генералъ-Маіоръ Шевичъ, 50 эскадроновъ—4.000 человѣкъ.

На правомъ флангѣ. Бригадиръ Полицановъ. 12 эскадроновъ: 2 Кіевскаго конно-егерскаго, 2 Сѣверскаго карабинернаго, 2 Софійскаго карабинернаго и 6 Маріупольскаго гусарскаго полковъ.

Между 4-ю и 5-ю колоннами. Бригадиръ Шталь. 12 эскадроновъ: 7 Переяславскаго конно-егерскаго и 5 легко-коннаго Александрійскаго полковъ.

Справа 5-й колонны. Бригадиръ Боровской. 13 эскадроновъ: 5 Черниговскаго карабинернаго, 5 Глуховскаго карабинернаго и 3 Ольвіопольскаго гусарскаго полковъ.

Между 6-ю и 7-ю колоннами. Бригадиръ Сабуровъ. 13 эскадроновъ: 4 Елисаветградскаго конно-егерскаго, 6 легко-коннаго Ахтырскаго и 3 Воронежскаго гусарскаго полковъ.

Артиллерія—86 пушекъ.

Казаковъ—2.655 человѣкъ: справа на берегу Вислы Подполковникъ Родіоновъ, съ 350 чел., слѣва 4-й колонны Подполковникъ Грековъ съ 630; между 4-й и 5-й колоннами Подполковникъ Бузинъ съ 750; на лѣвомъ флангѣ Подполковникъ Андреянъ Денисовъ съ 500; на берегу Вислы Подполковникъ Василій Денисовъ съ 425 чел.

Общее обозрѣніе.

Корпусъ Генерала Дерфельдена, 11 бат. и 6 эскадр.	4.600	чел.
„ „ Потемкина 12 „ 16 „	5.800	„
„ „ Ферзена 18 „ 9 „	7.000	„
Резервъ подъ командою Шевича 50 эскадр	4.000	„
Казаковъ „ „ „	2.655	„
Итого 41 бат. 81 эскадр.	24.055	чел.

сзади со штурмовыми принадлежностями, затѣмъ 30 человѣкъ съ шанцевымъ инструментомъ, далѣе главная масса пѣхоты въ дивизіонныхъ колоннахъ, а за нею частный резервъ изъ пѣхоты, спѣшенной конницы и нѣсколькихъ эскадроновъ конныхъ. Къ 4½ часамъ утра войска должны были собраться и по тремъ ракетамъ идти на штурмъ. Ферзенъ (5 и 6 колонны) обязанъ нѣсколько выждать и атаковать получасомъ позже, чтобы дать время Дерфельдену и Потемкину отвлечь силы гарнизона отъ болѣе сильнаго и болѣе важнаго восточнаго фронта. Каждой изъ колоннъ назначены слѣдующія частныя цѣли: 1-я (г.-м. Ласси) направлена съ сѣвера вдоль берега Вислы и отрѣзываетъ непріятеля отъ мостовъ; 4-я (г.-м. Буксгевдена) атакуетъ Песочную гору и Звѣринецъ; 5-я (г.-м. Тормасова) штурмуетъ восточный фронтъ по кратчайшему направленію къ мосту съ востока; 2-я (полковника Лобанова), 3-я (г.-м. Исленова) и 6-я (г.-м. Рахманова) поддерживаютъ перечисленныя выше колонны и занимаютъ валъ предмѣстья; 7-я (г. м. Денисова) выступаетъ двумя часами раньше другихъ, чтобы успѣть сдѣлать дальній обходъ, атаковать правый непріятельскій флангъ съ юга, между Вислою и ея болотистымъ протокомъ и содѣйствуетъ первой колоннѣ въ отрѣзываніи непріятеля отъ мостовъ. Занявъ ретраншаментъ, колонны предоставляютъ своимъ частнымъ резервамъ разработать проходы для конницы и артиллеріи; затѣмъ резервы должны поддержать главныя силы своихъ колоннъ. Артиллеріи съ конницею, какъ только будетъ устроенъ переходъ черезъ главный валъ, занять сперва этотъ валъ и содѣйствовать бою впереди Праги, далѣе съ тѣмъ же искусствомъ занять второй валъ у самой Праги, а потомъ отыскать позиціи на берегу рѣки для бомбардированія Варшавы. Одной части казаковъ подъѣзжать къ валу близъ звѣринца и кричать „ура" для развлеченія вниманія обороняющагося въ началѣ штурма,—остальнымъ наблюдать за тыломъ и флангами арміи.

Приведемъ диспозицію Суворова въ болѣе точномъ видѣ такъ, какъ она напечатана въ сочиненіи Фукса [1]).

1) Армія 22-го октября въ 5-ть часовъ утра выступитъ въ походъ отъ Кобылки подъ Прагу, тремя колоннами, по тремъ разнымъ дорогамъ, и расположится лагеромъ около Праги.

2) Правымъ крыломъ будетъ командовать генералъ-лейтенантъ [2]) Дерфельденъ, центромъ генералъ-лейтенантъ Потемкинъ, а лѣвымъ генералъ-лейтенантъ баронъ Ферзенъ.

3) Съ слѣдующей ночи, какъ скоро армія расположитъ лагерь, предъ каждымъ корпусомъ выставить батареи, изъ коихъ весь день палить въ батареи непріятельскія и причинять имъ сколько возможно болѣе вреда. Цѣль сихъ батарей состоитъ въ томъ, чтобъ привесть въ безпорядокъ непріятеля, заставя думать его, что хотятъ начать правильную осаду, и дать генераламъ, начальникамъ колоннъ и офицерамъ время и удобность, подъ защитою пушекъ, еще разъ осмотрѣть пункты колоннъ и пункты атаки.

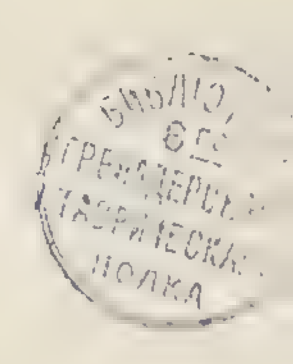
[1]) Ни въ одномъ сочиненіи мы не встрѣтили диспозиціи къ штурму Праги, напечатанной съ подлинника. Д. Ѳ. Масловскій на стр. 101 примѣчаній, въ примѣчаніи 106, заявляетъ: «Донесенія Дерфельдена и Ферзена Репнину не оставляютъ сомнѣнія, что диспозиція, напечатанная Мухановымъ, есть дѣйствительно Суворова. Никакихъ частныхъ недоразумѣній по сличеніи рукописныхъ донесеній съ печатнымъ текстомъ—нѣтъ». Дѣйствительно, въ сочиненіи Муханова: «Штурмъ Праги 24 Октября 1794 г.», Москва, 1833 г., напечатана диспозиція; но тамъ же сказано, что она перепечатана изъ сочиненія Е. Фукса: «Исторія генералиссимуса, князя италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго,» Москва, 1811 г., стр. 115—121. По поводу этой диспозиціи Старковъ («Разсказы Стараго воина» стр. 46) говоритъ:

«Диспозиція эта, сколько могу припомнить, не полна, не вѣрна. Есть въ ней много похожаго на подлинную, но есть и не то, не Суворовское.» Недоумѣнія «Стараго воина» будутъ совершенно понятны, если принять во вниманіе, что диспозиція, напечатанная у Фукса и перепечатанная Мухановымъ, представляетъ плохой переводъ диспозиціи приведенной на нѣмецкомъ языкѣ въ цитированномъ уже нами сочиненіи Антинга: «Versuch einer Kriegs Geschichte des grafen Alexander Suworow,» Gotha, 1795—1799, часть III. стр. 91—95. Интересно было бы найти подлинную диспозицію Суворова. За неимѣніемъ ея приходится довольствоваться Антингомъ и Фуксомъ.

[2]) Неправильность перевода, надо—генералъ-поручикъ.

4) Въ ночь съ 23 на 24 начнутъ 7-ю колоннами; четыре колонны пойдутъ вправо, двѣ въ средину къ лѣву и одна лѣвымъ крыломъ къ берегу Вислы.

5) Предъ всякою колонною будутъ слѣдовать 128 оружейныхъ мастеровъ [1]) и 272 работника. Первые должны отнимать непріятельскіе аванъ-посты не стрѣляя, защищать работниковъ, стрѣлять по непріятелямъ, настигая ихъ на земляномъ валу, а самимъ между тѣмъ подвигаться впередъ. Работники будутъ очищать дорогу отъ убитыхъ [2]) и несть фашинникъ, рѣшотки и лѣстницы; сверхъ сихъ работниковъ, каждой баталіонъ будетъ имѣть еще по 30 работниковъ, съ ретраншаментными орудіями [3]).

6) Какъ скоро первая колонна праваго крыла ударитъ штыкомъ на непріятельскіе ретраншаменты; то пресѣчетъ сообщеніе и отступленіе къ мосту.

7) Вторая и третья колонна, какъ скоро примется за работу и батареи; [4]) то выстроится на большомъ мѣстѣ въ порядкѣ баталіи.

8) Четвертая колонна, преодолѣвъ всѣ препятствія и захвативъ двухъ конныхъ ратниковъ, [5]) немедленно овладѣетъ Паркомъ.

9) Три послѣднія колонны сдѣлаютъ атаку получасомъ позже за тѣмъ, чтобъ непріятелю, которой гораздо многочисленнѣе съ праваго крыла, дать время броситься съ другой стороны и тѣмъ болѣе увѣриться въ успѣхѣ предпріятія [6]).

---

[1]) Надо—стрѣлковъ, ибо у нѣмецкаго автора Schützen.

[2]) Надо—отъ засѣкъ (Abbatis).

[3]) Съ шанцевымъ инструментомъ.

[4]) Какъ только достигнутъ до крѣпостныхъ верковъ и захватятъ батареи, должны пробиться.

[5]) Два кавальера.

[6]) Этотъ пунктъ лучше перевести такъ: чтобы дать время непріятелю, который, по послѣднимъ извѣстіямъ, многочисленъ въ этомъ мѣстѣ, перейти на другую сторону и тогда съ большей увѣренностью можно достигнуть цѣли.

Седьмой колоннѣ въ особенности приказано маршировать къ приступу прямо на островъ маленькой рѣчки, и если можно послать одинъ отрядъ на лѣво къ берегу Вислы, дабы первой колоннѣ оказать помощь, въ пресѣченіи непріятелю побѣга на мостъ.

10) Какъ скоро колонна [1]) пробьется и придетъ въ порядокъ; то прямо [2]) съ саблею и штыкомъ должны нападать на непріятеля и рубить.

11) Резервы каждой колонны, состоящей [3]) изъ двухъ баталіоновъ и двухъ [4]) эскадроновъ, и тѣ, кои идутъ за полковыми пушками, будутъ маршировать въ линію во 150-ти шагахъ позади каждой колонны, тотчасъ станутъ въ порядокъ на парапетѣ перваго отряда [5]) и, сколько возможно, съ своими работниками уравняютъ дорогу для кавалеріи.

12) Какъ скоро всѣ колонны овладѣютъ вторымъ ретраншаментомъ, то вступятъ въ улицы Прагскія и будутъ поражать штыками непріятеля, а не останавливаться на бездѣлкахъ, какъ равно и не входить въ дома; потомъ резервы займутъ второй ретраншаментъ въ томъ же порядкѣ и съ такою же цѣлію [6]).

13) Въ то же время вся полевая артиллерія, состоящая изъ 86 пушекъ, займетъ внѣшній ретраншаментъ и будетъ поддерживаема третьею частію кавалеріи, другія двѣ трети будутъ стоять на обѣихъ крыльяхъ, наблюдая ихъ разстояніе [7]).

14) Казаки останутся на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя будутъ имъ назначены позади колонны; тѣ, кои будутъ находиться между четвертою и пятою

---

[1]) Всѣ колонны.

[2]) Безъ потери времени.

[3]) Состоящіе.

[4]) Трехъ.

[5]) Ретраншамента

[6]) Nach der nämlichen Art, als vorgesagt.

[7]) Въ нѣкоторомъ разстояніи.

колонною, въ началѣ приступа должны приближаться къ ретраншаменту и кричать: *ура!* А тѣ, кои будутъ держать постъ на берегу Вислы, должны расположены быть такъ, чтобъ составить круговую цѣпь.

15) Дѣйствовать съ наибольшимъ стремленіемъ и жаромъ противъ вооруженныхъ, но щадить жителей обезоружныхъ и тѣхъ, кои будутъ требовать пощады.

16) Какъ скоро все будетъ окончено, то искать мѣста удобнаго для батарей, расположить тамъ полевую артиллерію и немедленно со всею силою стрѣлять изъ пушекъ по городу Варшавы.

Изъ этой диспозиціи можно отчасти вывести заключеніе о планѣ Суворова, причемъ надобно имѣть въ виду, что онъ вообще не любилъ высказывать своихъ плановъ, а кромѣ того не раздѣлялъ рѣзко частей демонстрирующихъ, производящихъ вспомогательныя атаки отъ назначенныхъ для главнаго удара,—у него всѣ работали до полнаго напряженія силъ. Слѣдовательно мы только можемъ догадываться, что 4-я колонна (Буксгевдена), устремившись на сильную Песочную гору и звѣринецъ и увязавшись здѣсь въ упорный бой, долженствовала привлечь на себя вниманіе непріятеля (т. е. произвести демонстрацію) и отвлечь его силы отъ 5-й колонны (Тормасова), которая, начавъ атаку получасомъ позже, нанесла бы ударъ по кратчайшему направленію къ самой чувствительной точкѣ—мостамъ; такая же важная задача возлагалась и на 1-ю колонну (Ласси); остальныя производятъ атаки вспомогательныя.

Замѣчательно время, назначенное для начала штурма, а именно за часъ до разсвѣта. Дабы сдѣлать нападеніе внезапнымъ и уменьшить потери отъ огня, Суворовъ задумалъ *начать* штурмъ ночью; но темнота собственно была нужна для перваго удара, для овладѣнія валомъ и полемъ за нимъ; затѣмъ уже невыгодно вести бой въ темнотѣ, среди лабиринта крѣпостныхъ построекъ и городскихъ улицъ; управленіе войсками затрудняется въ

высшей степени, объединить дѣйствія отдѣльных колоннъ невозможно. Вотъ почему Суворовъ хотѣлъ окончить бой днемъ.

Подготовка войскъ въ нравственномъ отношеніи произведена Суворовымъ блистательно. Начальниковъ онъ воодушевилъ во время военнаго совѣта 18-го Октября. Нижнихъ чиновъ онъ наэлектризовалъ во время объѣзда лагеря 22-го Октября; причемъ конечно рѣчь стараго полководца глубоко запала въ сердце солдата.

23-го Октября весь день продолжался артиллерійскій огонь изъ вновь построенныхъ батарей и доканчивались приготовленія къ штурму, а въ 7 часовъ вечера въ ротахъ прочитанъ нижеслѣдующій приказъ Суворова, который для вразумительности читали передъ фронтомъ 3 раза.

„Его Сіятельство, графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ приказалъ:

1. Взять штурмомъ Прагскій ретраншаментъ. — И для того:

2. На мѣстѣ полкъ устроится въ колонну поротно. Охотники съ своими начальниками станутъ впереди колонны; съ ними рабочіе. Они понесутъ плетни для закрытія волчьихъ ямъ предъ вражескимъ укрѣпленіемъ, фашинникъ для закидки рва, и лѣстницы, чтобы лѣзть изъ рва чрезъ валъ. Людямъ съ шанцовымъ инструментомъ быть подъ началомъ особаго офицера, и стать на правомъ флангѣ колонны. У рабочихъ ружья чрезъ плечо на погонномъ ремнѣ. Съ нами егеря, Бѣлорусцы и Лифляндцы; онѣ у нихъ направо.

3. Когда пойдемъ, воинамъ идти въ тишинѣ, не говорить ни слова, не стрѣлять.

4. Подошедъ къ укрѣпленію, кинуться впередъ быстро, по приказу кричать: Ура!

5. Подошли ко рву,—ни секунды не медля бросай въ него фашинникъ, спускайся въ него, и ставь къ валу лѣстницы; охотники стрѣляй врага по головамъ.— Шибко, скоро, пара за парой лѣзь!—Коротка лѣстница?

штыкъ въ валъ,—лѣзь по немъ другой, третій. Товарищъ товарища обороняй! Ставши на валъ, опрокидывай штыкомъ непріятеля—и мгновенно стройся за валомъ.

6. Стрѣльбой не заниматься; безъ нужды не стрѣлять; бить и гнать врага штыкомъ; работать быстро, скоро, храбро, по-Русски! Держаться своихъ, въ середину; отъ начальниковъ не отставать.—Вездѣ фронтъ.

7. Въ дома не забѣгать; непріятеля, просящаго пощады, щадить; безоружныхъ не убивать; съ бабами не воевать; малолѣтковъ не трогать.

8. Кого изъ насъ убьютъ,—Царство Небесное, живымъ—слава! слава! слава!" [1]).

Кромѣ этого приказа, общаго для всѣхъ, Суворовъ далъ дополнительную инструкцію Ферзену, передъ самымъ штурмомъ. Въ этой короткой запискѣ указывается: при малѣйшемъ сопротивленіи, атаковать и дѣйствовать наступательно, не давая опомниться, а если непріятель стоитъ спокойно на мѣстѣ, то прежде всего окружить его конницей. Кричать ему: *згода, пардонъ, отруцъ бронъ* (бросай оружіе); кто послушается, такъ отдѣлять, давать имъ свободу и снабжать паспортами; кто вздумаетъ обороняться, тѣхъ бить какъ сказано. Операцію вести быстро, дѣйствовать холоднымъ оружіемъ, принуждать къ сдачѣ и не отдыхать до тѣхъ поръ, пока всѣ не будутъ забраны; о ходѣ дѣла доносить записками чрезъ каждые 3 часа [2]).

---

[1]) Разсказы стараго воина, стр. 45—46.

[2]) Петрушевскій, т. II, стр. 109—110. Несомнѣнно, что въ тотъ же вечеръ солдатамъ протвердили изъ Суворовскаго катехизиса все относящееся до штурма укрѣпленій (Глинка «Жизнь Суворова», Москва, 1819 г., часть вторая, стр. 92—93).

«Ломи чрезъ засѣкъ,—бросай плетни чрезъ волчьи ямы,—быстро бѣги!—Прыгай чрезъ палисады, бросай фашины, спускайся въ ровъ, ставь лѣстницы!—стрѣлки очищай колонны!—стрѣляй по головамъ!—колонны лети чрезъ стѣны на валъ, скалывай,—на валу вытягивай линію!—Караулъ по пороховымъ погребамъ!—отворяй вороты коннице!—Непріятель бѣжитъ въ городъ!—Его пушки обороти по немъ,—Стрѣляй сильно въ улицы, бомбардируй живо!—недосугъ за этимъ ходить!—приказъ!—спускайся въ городъ, рѣжь непріятеля на улицахъ!—конница руби!—въ домы не ходи,—бей на площадяхъ,—штурмуй, гдѣ непріятель засѣлъ,—занимай площадь,—ставь гауптвахтъ,—разставляй въ мигъ пикеты къ воротамъ, погребамъ, магазинамъ!—непріятель сдался!—пощада! стѣна занята!—на добычь!».

Ночь спустилась тихая, но темная и мглистая; было холодно и сыро. Въ ротахъ запылали костры; солдаты надѣвали чистое бѣлье, осматривали оружіе, молились предъ ротными и полковыми образами, поставленными у огней. Во второмъ часу ночи пошла на назначенное мѣсто 7 колонна; въ 3 часа двинулись остальныя. Шли въ гробовой тишинѣ, которая не прерывалась и по прибытіи колоннъ на мѣста. Тутъ стали слышны оклики непріятельскихъ часовыхъ, да доносился неопредѣленный гулъ изъ польскаго лагеря. Колонны стояли и ждали ракеты, она взвилась до разсвѣта, въ 5 часовъ. Четыре первыя колонны двинулись на приступъ, соблюдая по возможности тишину, но ускоряя шагъ [1]).

ГЛАВА VI.

Штурмъ.

Дѣйствія колоннъ Дерфельдена и Потемкина. Распоряженія Вавржецкаго. Дѣйствія 5 и 6 колоннъ. Атака Денисова. Бой въ улицахъ Праги. Порча моста и бомбардированіе Варшавы.

Непріятель въ этотъ день не ожидалъ нападенія. Вѣтеръ, дувшій отъ Праги на встрѣчу 1-й и 2-й колоннамъ относилъ шумъ приготовленій; кромѣ того, общее утомленіе поляковъ и упадокъ духа у руководителей способствовали тому, что наступленіе русскихъ было замѣчено слишкомъ поздно. Передовые посты поляковъ, стоявшіе сзади волчьихъ ямъ, бѣжали какъ только приблизился атакующій.

Вавржецкій, какъ бы томимый предчувствіемъ, пріѣхалъ въ Прагу въ 4 ч. утра 24-го Октября и разговаривалъ съ Заіончекомъ. Вдругъ раздались выстрѣлы. Вавржецкій бросился на лѣвый флангъ, гдѣ командовалъ Ясинскій, а Заіончекъ на правый. Затѣмъ и Вавржецкій поѣхалъ на правый флангъ. Никакихъ распоряже-

---

[1]) Разсказы стараго воина, стр. 41—50. Петрушевскій, т. II, стр. 113.

ній для дѣйствія резервовъ на внутреннемъ полѣ не было сдѣлано, и бой перешелъ въ случайный, очень упорный на валахъ, но совершенно безпорядочный, безпланный.

Колонны Дерфельдена безъ большаго труда овладѣли валомъ. Польскія батареи на островѣ и на лѣвомъ берегу Вислы пытались дѣйствовать во флангъ 1-й колоннѣ Ласси, которую велъ колонновожатый Семеновъ, но выстрѣлы не долетали и, сверхъ того, 22 орудія батареи капитана Бѣгичева отвѣчали непріятелю живымъ огнемъ.

Конечно, непріятельская конница легко могла задержать Ласси на открытомъ полѣ за валомъ, а пѣхота въ узкомъ проходѣ между Вислою и строеніями; но это не удалось. Часть польской конницы начала было выстраиваться передъ 1-ю колонною, но 2 эскадрона Кіевскихъ конно-егерей подъ командой Зосса „перескочили черезъ ровъ и съ величайшимъ стремленіемъ бросились на толпу непріятельской конницы“ и мгновенно сбили ее. Частный резервъ 1-й колонны (Тульскій полкъ Ливена) пришелся въ интервалѣ между колоннами и бросился на штурмъ одновременно съ главными силами первой колонны, овладѣлъ валомъ и тотчасъ началъ устраивать переходъ. Капитанъ Бѣгичевъ со своей артиллеріей и прикрывавшій ее бригадиръ Поливановъ, наскучивъ бездѣйствіемъ и видя успѣхъ штурма, по собственному почину бросились впередъ, перешли по переходу Тульскаго полка и начали артиллерійскій огонь во флангъ и тылъ батарей 3-й линіи окоповъ.

Артиллерійскій капитанъ Саковичъ (изъ команды Бѣгичева) былъ раненъ въ грудь, но продолжалъ дѣйствовать изъ своихъ орудій.

Ласси раненъ; принялъ вмѣсто него команду полковникъ Жеребцовъ, а полковникъ Коховскій съ своими фанагорійцами устремляется къ мосту, гонитъ непріятеля изъ улицы въ улицу и захватываетъ голову моста, т. е. отрѣзываетъ обороняющемуся путь отступленія.

Часть бѣгущихъ передъ колонной поляковъ тонетъ въ Вислѣ, а часть попадаетъ въ плѣнъ. Волчьи ямы, ровъ, валъ и окрестности завалены трупами. Генералы Майенъ и Крупинскій взяты въ плѣнъ; Ясинскій былъ убитъ съ саблею въ рукѣ [1]).

2 и 3 колонны тоже почти безъ задержки овладѣли валомъ, такъ что въ самое короткое время валъ западнѣе Песочной горы оказался въ рукахъ русскихъ. Премьеръ-маіоръ Марковъ съ первымъ баталіономъ Апшеронскаго полка взобрался по штурмовымъ лѣстницамъ на валъ, поражалъ отсюда поляковъ ружейнымъ огнемъ стрѣлковъ, а затѣмъ ворвался въ крѣпость и гналъ передъ собой непріятеля, причемъ овладѣлъ батареею. Второй баталіонъ Апшеронцевъ зашелъ въ тылъ другой батареѣ, и ни одна непріятельская душа изъ числа здѣсь находившихся не спаслась. Опрокинутые на валу поляки соединились съ подкрѣпленіями и вновь бросились на Апшеронскій баталіонъ, но тщетно [2]), непріятельская конница пыталась взять во флангъ третью колонну, но два баталіона Херсонскихъ гренадеръ выстроили фронтъ и бросились въ штыки—польская конница далъ тылъ. Затѣмъ 2 и 3 колонны бросились прямо въ Прагу.

Вавржецкій бросался изъ стороны въ сторону, но порядка возстановить не могъ.

Труднѣе всего пришлось 4-й колоннѣ Буксгевдена, которая атаковала Песочную гору и звѣринецъ.

Бѣлорусскій егерскій корпусъ, во главѣ 4-й колонны шелъ на кавальеръ; 4-й баталіонъ Лифляндскаго егерскаго корпуса направился на угольную батарею и къ звѣринцу.

---

[1]) Московскій Арх Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 2, реляція Дерфельдена отъ 26 Октября. Подлинное донесеніе Суворова въ дѣлѣ 1221 въ Военно-Ученомъ Арх. Главнаго Штаба въ Петербургѣ. Напечатано также въ „Русскомъ Инвалидѣ“ за 1854 г. № 233. Смитъ «Сынъ Отечества» за 1831 г., стр. 105—107.

[2]) Богуславскій «Исторія Апшеронскаго полка», Спб., 1892 г, т. I, ст 221—222.

Сильный артиллерійскій огонь съ батарей, а потомъ съ кавальера, и ружейный изъ за линіи засѣкъ повлекъ за собою большія потери, но русскіе не остановились и брали укрѣпленіе за укрѣпленіемъ; Азовскаго полка секундъ-маіоръ Харламовъ перешелъ волчьи ямы и ровъ, отбилъ 2 пушки, „черезъ что подалъ всей колоннѣ способъ къ путю" [1]); около звѣринца произошла жесточайшая рукопашная свалка, заставившая Буксгевдена раздѣлить колонну на части для облегченія атаки обширнаго парка звѣринца. Обойденные съ фланговъ поляки отдали, наконецъ, и этотъ оплотъ; около этого времени взорвало польскій пороховой погребъ, что еще болѣе увеличило безпорядокъ среди поляковъ. Командовавшій здѣсь генералъ Гейслеръ былъ взятъ въ плѣнъ съ 20 офицерами. Въ борьбѣ съ колонною Буксгевдена выказалъ сильное упорство пятисотенный полкъ изъ евреевъ; но полковникъ ихъ, тоже еврей Гершко, не былъ въ это время съ полкомъ и предпочелъ оставаться въ Варшавѣ.

Если 4-я колонна и выдержала упорный бой, за то, вмѣстѣ съ первыми тремя колоннами, она весьма облегчила задачу Ферзена. 5-я колонна Тормасова чуть не въ одинъ мигъ овладѣла валомъ и батареями, по пятамъ отступающаго ворвалась въ предмѣстье и добралась до моста вслѣдъ за первой колонной. 6-я колонна Рахманова была нѣсколько задержана непріятелемъ, но тоже скоро прибыла въ Прагу.

Денисовъ съ 7-ю колонною еще ночью занялъ д. Лясы противъ польскихъ укрѣпленій подполковника Яблоновскаго. Польскій дезертиръ и плѣнные разсказали о расположеніи его батарей, волчьихъ ямъ и числѣ войскъ [2]).

---

[1]) Московскій Арх. Гл. Штаба. опись 196, св. 8, № 5.

[2]) Конницы было 600 чел., пѣхоты 2500 и еще баталіонъ стрѣлковъ, да 10 орудій; въ тотъ же вечеръ пришла еще колонна на подкрѣпленіе изъ Праги. Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 6, реляція Денисова.

Подъ фланговымъ огнемъ съ лѣваго берега Вислы войска Денисова двинулись впередъ черезъ волчьи ямы, впереди шелъ полковникъ гр. Апраксинъ съ Козловскимъ пѣх. полкомъ; часть войскъ зашла непріятелю въ тылъ по поясъ въ водѣ. Овладѣвъ батареями, Денисовъ направилъ свою конницу (6 эскадроновъ Елисаветградскаго конно-егерскаго полка и казаки Краснова, секундъ-маіора Денисова и полковника Попова) для преслѣдованія. Отрѣзавъ полякамъ путь отступленія; Денисовъ загналъ ихъ на косу, въ уголъ между Вислой и болотистымъ протокомъ; выставленныя артиллеріи капитаномъ Рѣзвымъ пушки пронизывали толпу густо сбившагося на косѣ врага; истребленіе было безпощадное; поляки, ища спасенія, бросались въ Вислу и погибали во множествѣ. А на противоположномъ берегу Вислы, всего въ полуверстѣ, собрались жители Варшавы и на ихъ то глазахъ погибали собратья.

По показанію Денисова, поляки потеряли 1218 чел. убитыми, нѣсколько сотъ утонувшими, 16 пушекъ, 3 зарядныхъ ящика, а самъ Яблоновскій и 1300 офицеровъ и нижнихъ чиновъ взято въ плѣнъ. Затѣмъ Денисовъ прибылъ къ мосту почти одновременно съ 1-й колонной. Варшава была беззащитна. 1-я, 5-я и 7-я колонны были у моста и свободно могли перейти на лѣвый берегъ Вислы. Среди поляковъ распространилась паника. Заіончекъ, легко раненый пулею въ животъ, поспѣшилъ уѣхать въ Варшаву. „Настоящій зайчикъ", говорили о немъ послѣ поляки, намекая на его фамилію.

Вавржецкій пытался остановить бѣгущіе польскіе полки, но все было напрасно. Сопровождаемый офицеромъ и двумя мѣстными жителями онъ проѣхалъ Прагу. На него какъ будто нашелъ столбнякъ, такъ что офицеръ и два солдата ссадили его съ лошади, привели въ чувство и перевели черезъ мостъ пѣшкомъ для большей безопасности. Разсвѣло; день былъ тихъ и ясенъ, солнце блистало и освѣщало происходившее въ предмѣстьи кровопролитіе; русскіе егеря вступали на мостъ, польскій

главнокомандующій ужаснулся,—какая страшная и близкая опасность грозила столицѣ! У моста стояла пушка, но артиллеристы попрятались въ дома, такъ что Вавржецкій собственноручно вытащилъ одного, приволокъ его къ пушкѣ и заставилъ стрѣлять. Наконецъ, вышелъ польскій караулъ, къ нему примкнули жители и начали ломать мостъ. Русскіе съ другой стороны разломали часть моста, „сожгли и тѣмъ прервали непріятельскую ретираду"—очевидно, немедленный переходъ на лѣвый берегъ не входилъ въ разсчеты Суворова. Огонь переметнулся отъ моста на дома предмѣстья и Прага запылала.

Главный валъ былъ взятъ русскими черезъ 1½ часа послѣ начала штурма, а въ 9 ч. утра занята и Прага.

Самъ Суворовъ находился на холмѣ, въ верстѣ отъ польскихъ укрѣпленій у Песочной горы, т. е. былъ приблизительно по срединѣ линіи своихъ войскъ, что облегчало задачу слѣдить и управлять ходомъ боя. По скорости, съ которою русскіе появились на укрѣпленіяхъ и двигались впередъ, а также по донесеніямъ ординарцевъ и начальниковъ, онъ видѣлъ, что войска сражались не только съ особенной энергіей, но и съ крайнимъ ожесточеніемъ. Ожесточеніе это возросло еще болѣе, когда они съ разныхъ сторонъ ворвались въ Прагу и начался уличный бой со всѣми его ужасами,—вѣдь здѣсь были и тѣ полки, которые находились въ Варшавѣ во время рѣзни въ великій четвергъ 6-го Апрѣля. Суворовъ доносилъ въ реляціи такъ: „По преодолѣніи всѣхъ трудностей и превозмогши упорную защиту непріятеля изъ трехъ укрѣпленій, ворвались наши войска въ Прагу. Страшное было кровопролитіе, каждый шагъ на улицахъ покрытъ былъ побитыми. Всѣ площади устланы тѣлами; послѣднее и самое страшное истребленіе происходило на берегу рѣки Вислы, въ виду Варшавскаго народа. Это ужасное для нихъ зрѣлище привело ихъ въ трепетъ, а подоспѣвшая къ берегу наша полевая

артиллерія [1]) дѣйствовала съ такимъ успѣхомъ, что многіе дома въ городѣ разрушены были; одна бомба упала среди засѣданія, такъ называемой, высшей польской рады, отъ чего присутствовавшіе на ней разбѣжались, но всетаки осколкомъ убитъ былъ секретарь рады. Отъ свиста ядеръ и отъ разрыва бомбъ поднялись по всѣмъ улицамъ города стоны и вопли. Въ набатъ ударили повсемѣстно. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ плачевнымъ рыданіемъ народа, производилъ подавляющее впечатлѣніе. Въ Прагѣ по улицамъ и площадямъ кровь текла ручьями". На бѣду спрятавшіеся въ домахъ жители, не исключая женщинъ, стали оттуда стрѣлять, бросать каменьями и всѣмъ тяжелымъ, что попадалось подъ руку.

Это еще усилило ярость солдатъ; бойня дошла до апогея; врывались въ дома, били всѣхъ кого попало, и вооруженныхъ и безоружныхъ, и оборонявшихся и прятавшихся; старики, женщины, дѣти,—всякій, кто подвертывался, погибалъ подъ ударами. Въ ужасѣ и отчаяніи многіе бѣжали къ Вислѣ, надѣясь на мостъ, но и эта послѣдняя надежда ихъ обманула; бросались въ лодки, но ихъ было немного, и онѣ тонули отъ непомѣрнаго груза; кидались вплавь, но до другаго берега было слишкомъ далеко, и вслѣдъ за пловцами летѣли пули.

Въ мемуарахъ встрѣчается описаніе неистовствъ, которымъ предавались русскіе въ Прагѣ. Одинъ гренадеръ въ ожесточеніи кололъ штыкомъ безоружныхъ поляковъ и даже раненыхъ; какъ бы для того, чтобы разнообразить свои упражненія, онъ разрубалъ полякамъ головы топоромъ, говоря: „это все собаки". Одинъ казакъ для потѣхи воткнулъ на пику маленькаго ребенка; другой, вырвавъ дитя изъ объятій заколотой матери, разбивалъ его о стѣну.

---

[1]) Капитанъ Рѣзвой.

Всѣ эти разсказы слишкомъ стереотипны, чтобы имъ вполнѣ вѣрить,—они повторяются чуть не при каждомъ описаніи штурмовъ разныхъ крѣпостей. Обыкновенно рядомъ приводятся и разсказы объ актахъ великодушія побѣдителя. Такъ было и здѣсь. Одинъ гренадеръ говорилъ полковнику Ливену: „Посмотрите, Ваше Высокоблагородіе, казакъ хотѣлъ этого мальчика бросить въ огонь; я его спасъ“—Что же ты съ нимъ сдѣлаешь?—„Не знаю, Ваше Высокоблагородіе, только посмотрите, какой хорошенькій мальчикъ, какъ же его было не спасти?“ Закопченный пороховымъ дымомъ и покрытый кровью солдатъ поцѣловалъ мальчика, который рученками держалъ его за шею.

Конечно, не обошлось безъ излишествъ—состояніе людей было слишкомъ необыкновенно, нервы возбуждены до крайняго напряженія. Суворовъ зналъ это давно и, по показаніямъ поляковъ, какъ только русскіе овладѣли Прагою, онъ послалъ офицеровъ оповѣстить жителей, чтобы они скорѣе выходили съ правой стороны Праги и бѣжали въ русскій лагерь, гдѣ будетъ обезпечена ихъ безопасность, и дѣйствительно, тѣ, которые последовали этому призыву остались цѣлы, хотя нѣкоторыхъ ограбили. Такъ спаслись монахини бернардинки, девятвадцать монаховъ бернардиновъ; тѣ же, которые не успѣли бѣжать изъ монастырей, были побиты, а дѣвицы, находившіеся въ монастырѣ на ученьи, изнасилованы, а потомъ побиты.

Между Прагой и Варшавой грохотала канонада. Отъ варшавскихъ батарей много потерпѣли русскія войска, сбившіяся въ Прагѣ; меньшій матеріальный вредъ, но болѣе сильный нравственный, несла Варшава отъ русской прибрежной батареи. Варшавяне запирались въ домахъ, прятались въ погреба, бѣжали подъ защиту святыни церквей, искали спасенія у иностранныхъ посланниковъ. Канонада продолжалась до 11 часовъ, а по другимъ свѣдѣніямъ до 3 часовъ пополудни; но грабежъ еще продолжался, хотя добыча въ бѣдномъ еврейскомъ прод-

мѣстьи была не велика. Потери поляковъ опредѣляютъ убитыми и утонувшими въ 9—10 т., и ранеными 11—13 т.; всего до 23 т. и 104 орудія. Потери русскихъ 300—450 убитыхъ и до 2 т. раненыхъ; всего менѣе 3 т. человѣкъ [1]).

ГЛАВА VII.

Умиротвореніе Польши и заключеніе.

Депутація магистрата. Условія капитуляціи. Вступленіе русскихъ въ Варшаву. Капитуляція польскихъ войскъ. Распоряженія Суворова. Конецъ Рѣчи Посполитой. Заключеніе о всей операціи Суворова.

Грозный штурмъ Праги устрашилъ Варшаву,—она ждала и для себя подобной же участи.

Верховный совѣтъ выслалъ изъ города свой архивъ, а казну отправилъ въ корпусъ Понятовскаго. Длинной вереницей потянулись изъ Варшавы экипажи, обозы, пѣшеходы; уходили всѣ, кто только могъ. Заіончекъ уѣхалъ, неуспѣвши вынуть пулю, которой былъ раненъ въ Прагѣ. Коллонтай скрылся, захвативъ съ собою до 15.000 червонцевъ общественныхъ денегъ.

Узнавъ, что Суворовъ не хочетъ входить въ сношенія съ представителями революціоннаго правительства, а будетъ переговариваться только съ законными властями, жители Варшавы послали послѣ полудня 24-го Октября депутацію къ королю, Вавржецкому и верховному совѣту, требуя немедленной капитуляціи, дабы спасти городъ отъ неминуемаго разгрома.

Старый король былъ измученъ предшествовавшими событіями. Разсказываютъ, что ночь, когда русскіе штурмовали Прагу, онъ провелъ безъ сна; лишь подъ утро

---

[1]) Релція Суворова отъ 7-го Ноября. Смитъ „Штурмъ Праги“ въ „Сынѣ Отечества“ 1831 г. стр. 104—120. Петрушевскій, т. II, стр. 99—126. Костомаровъ, стр. 839—844. Масловскій, стр. 487—490. „Разсказы стараго воина“, стр. 43—61. Фуксъ, ч. II, стр. 114—120. Антингъ, ч. III, стр. 86—112.

онъ задремалъ въ креслѣ; но былъ разбуженъ ядромъ, ударившимъ въ стѣну королевскаго замка. Тогда Станиславъ-Августъ увидѣлъ въ нишѣ большаго окна женщину высокаго роста въ бѣломъ одѣяніи; взоръ ея былъ исполненъ чрезвычайной грусти. Испуганный король вскрикнулъ; прибѣжали люди изъ сосѣдней комнаты; привидѣніе исчезло Сообщивъ о случившемся, Понятовскій пояснилъ, что это та самая женщина которая являлась еще его отцу наканунѣ полтавской битвы, когда послѣдній былъ въ войскахъ Карла XII.

Король одобрилъ рѣшеніе жителей; верховный совѣтъ и Вавржецкій въ общемъ были тоже согласны; а потому рѣшили послать теперь же къ Суворову депутацію отъ магистрата, какъ учрежденія, существовавшаго и до революціи; король далъ отъ себя письмо, соотвѣтствовавшее желаніямъ верховнаго совѣта.

Послѣ полуночи отъ варшавскаго берега Вислы отчалили двѣ лодки и при звукѣ трубы, съ развѣвавшимся бѣлымъ знаменемъ, направились къ Прагѣ. Въ лодкахъ сидѣли три депутата: Францъ Макаровичъ, Доминикъ Борковскій и Станиславъ Стршалкевичъ. На берегу, освѣщенномъ факелами и фонарями, царила тишина, хотя онъ былъ покрытъ толпами народа, ожидавшаго съ нетерпѣніемъ рѣшенія своей участи; эти толпы переживали часы, стоившіе цѣлыхъ годовъ.

Депутація была принята комендантомъ Праги генералъ-маіоромъ Буксгевденомъ (слѣдовательно, Суворовъ уже упорядочилъ управленіе) и препровождена къ исправлявшему должность дежурнаго генерала Исленьеву. Послѣдній, распросивъ депутатовъ, далъ знать Суворову и, затѣмъ, пошелъ къ нему представить польскихъ представителей.

Было уже утро 25-го Октября. Русскій главнокомандующій сидѣлъ на обрубкѣ дерева передъ своей калмыцкой кибиткой. Замѣтивъ, что депутаты подходятъ нерѣшительнымъ шагомъ, какъ бы волнуемые опасеніями, онъ вскочилъ, кинулъ свою саблю на землю и бросился

съ распростертыми объятіями, крича по польски: „Pokuy! Pokuy!“ (Миръ! Миръ!).

Неожидавшіе такой умѣренности отъ грознаго полководца, депутаты, по обычаю поляковъ, нагнулись, чтобы обнять его колѣна, но Суворовъ самъ обнялъ поляковъ, ввелъ ихъ въ свою кибитку, усадилъ около себя, сталъ угощать виномъ и разными закусками. Депутаты прослезились.

Переговоры, въ видѣ пріятельской бесѣды, велись не долго. Депутатамъ были вручены заготовленные весьма умѣренные пункты капитуляціи. [1])

Отпуская депутатовъ, Суворовъ сказалъ: „Вы просили только цѣлости жизни и имуществъ,—я вамъ даю больше: пусть все будетъ забыто на вѣки и установится между нами дружественная пріязнь“. На отвѣтъ дано 24 часа.

Въ Варшавѣ на берегу народъ продолжалъ толпиться въ трепетномъ ожиданіи; наконецъ, лодки съ возвращавшимися депутатами приблизились; съ рѣки послышались вожделѣнныя слова: „миръ! миръ!“ Толпа бросилась къ лодкамъ и на рукахъ вынесла депутатовъ. Отлегло отъ сердца за участь роднаго города. Казалось, все дѣло было рѣшено окончательно.

---

[1]) 1) Оружіе сложить за городомъ, гдѣ сами заблагоразсудятъ, о чемъ дружественно условиться.

2) Всю артиллерію съ ея снарядами вывезти къ тому же мѣсту.

3) Наипоспѣшнѣйше исправить мостъ; войско россійское вступитъ въ городъ и приметъ самый городъ и его обывателей подъ свое покровительство.

4) Высочайшимъ именемъ Ея Величества торжественно обѣщается войскамъ польскимъ, по сложеніи оружія, увольненіе тотчасъ въ ихъ домы съ полною безпечностью, не касаясь ни до чего, каждому принадлежащаго.

5) Его Королевскому Величеству всеподобающая честь.

6) Ея Императорскаго Величества всевысочайшимъ именемъ торжественное обѣщаніе: обыватели, въ ихъ особахъ и имѣніяхъ, ничѣмъ повреждены не будутъ и оскорблены, останутся въ полномъ обезпеченіи ихъ домовства и все забвенію предано будетъ.

7) Ея Императорскаго Величества войско вступитъ въ городъ сего числа по полудни, по сдѣланіи моста или завтра.

Не такъ думали польскіе военачальники, собравшіеся во дворцѣ у короля вмѣстѣ съ членами совѣта, чтобы выслушать депутатовъ. „У насъ еще двадцать тысячъ, сказалъ Вавржецкій, у насъ наберется до ста пушекъ. Постыдно съ такими силами класть оружіе; если мы не въ силахъ болѣе удержать революцію и спасти отечество, по крайней мѣрѣ, подержавшись, мы можемъ вытребовать какое нибудь общее обезпеченіе для обывателей, поверженныхъ въ несчастіе революціею, а если и этого нельзя, то погибнемъ со славою“.—„Столица, возражалъ король, не хочетъ болѣе защищаться“.—„Пусть столица отдается графу Суворову, отвѣчалъ Вавржецкій, а войско уйдетъ въ Великую Польшу, занятую пруссаками. Русскіе за нимъ не послѣдуютъ, потому что они не имѣютъ на это повелѣнія. Пока прусскій король снесется съ Императрицею и попроситъ помощи, настанетъ зима. Пруссаки намъ не страшны; мы одолѣемъ ихъ, а между тѣмъ Ваше Величество напишите Императрицѣ представленіе, что обыватели потерпѣли ужаснѣйшія звѣрства отъ казаковъ, опишите, какъ они жгли и мучили людей; объясните, что краю, разоренному войскомъ, грозитъ голодъ, страна пустѣетъ; правдивое изображеніе нашихъ бѣдствій должно тронуться душу великой монархини; пусть она выпуститъ взятыхъ въ неволю обывателей, возвратитъ имъ собственность и объявитъ, чего она хочетъ отъ несчастной Польши.“

Въ 10 ч. утра 26-го Октября депутаты вновь явились къ Суворову съ заявленіемъ, что обезоружить войско и сдать артиллерію городъ не можетъ, такъ какъ магистратъ не властенъ надъ ними; мостъ же починить нельзя раньше нѣсколькихъ дней. Суворовъ увидѣлъ въ этомъ умышленное затягиваніе дѣла, настаивалъ на своихъ требованіяхъ, но далъ на исправленіе моста срокъ до 28-го Октября, причемъ заявилъ, что и русскія войска будутъ работать; польская же армія, если не хочетъ положить оружія, то должна немедленно очистить городъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было Ферзену и Денисову двинуться вверхъ по Вислѣ и переправиться черезъ рѣку на судахъ у Карчева для захвата поляковъ.

Хотя потомъ Суворовъ далъ еще отсрочку для занятія Варшавы до 1-го Ноября, но уже передъ разсвѣтомъ 28-го Октября прислана была отъ поляковъ просьба о скорѣйшемъ вступленіи русскихъ войскъ въ Варшаву, такъ какъ въ городѣ начинается волненіе недовольныхъ капитуляціей и даже положеніе короля нельзя считать обезпеченнымъ. Условлено, что русскіе вступятъ утромъ 29-го Октября.

Между тѣмъ Вавржецкій спѣшилъ отправлять изъ Варшавы военные транспорты, артиллерію (50 орудій), золота и серебра на 157000 злотыхъ, выводить войска. Наконецъ, въ ночь на 29-е Октября выѣхалъ самъ въ Торчинъ къ отряду Домбровскаго.

Въ тотъ же день въ 7 часовъ утра послѣдовало вступленіе русскихъ войскъ въ Варшаву. Увѣренный въ покорности поляковъ Суворовъ отдалъ приказаніе вступать въ городъ съ незаряженнымъ оружіемъ, и если бы даже были выстрѣлы изъ домовъ,—не отвѣчать. Однако Буксгевденъ тайно приказалъ зарядить ружья и пушки на всякій случай.

Войска изготовились, какъ на парадъ, и глядѣли щеголями; даже у казаковъ Исаева „лошади были противъ обыкновенія вычищены“.

Въ восьмомъ часу утра 29-го Октября вступили на мостъ казаки Исаева, за ними войска Потемкина, имѣя впереди колонну Буксгевдена далѣе Дерфельденъ. Суворовъ ѣхалъ за колонной Буксгевдена, одѣтый въ ежедневную кавалерійскую форму безъ орденовъ. Городской магистратъ, въ черной церемоніальной одеждѣ, находился въ сборѣ на варшавскомъ концѣ моста; старшій изъ членовъ поднесъ на бархатной подушкѣ вызолоченные городскіе ключи [1]), хлѣбъ—соль и сказалъ короткое

---

1) Хранятся въ Петербургѣ въ Петропавловскомъ соборѣ.

привѣтственное слово. Суворовъ взялъ ключи, поцѣловалъ ихъ и, поднявъ къ небу, громко сказалъ: „Благодарю Тебя, Всемогущій, что я не долженъ былъ купить эти ключи такъ дорого, какъ....“, онъ взглянулъ на Прагу и прослезился Народъ тѣснился кругомъ русскаго главнокомандующаго, ближайшіе обнимали его колѣна, цѣловали стрѣмена, кричали „виватъ“ Екатеринѣ и Суворову; радость гражданъ по случаю наступившаго мира была непритворна. Недаромъ, впослѣдствіе, 24-го Ноября городъ поднесъ Суворову золотую эмальированную табакерку съ надписью по польски „Варшава своему избавителю“. Именемъ Екатерины онъ объявилъ всѣмъ амнистію и рѣшилъ умиротворять Польшу милосердіемъ. Поляки просто были поражены подобнымъ поведеніемъ русскаго грознаго полководца и даже выражали ему откровенно свое удивленіе. Онъ отвѣчалъ имъ стихами Ломоносова:

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ,
А хищный волкъ его лежащаго терзаетъ.

Магистратъ представилъ Суворову захваченныхъ поляками плѣнныхъ: русскихъ—1376 чел., австрійцевъ—80 и пруссаковъ болѣе 500; русскіе уже были освобождены, австрійцы и пруссаки скованы. Свиданіе освобожденныхъ со своимъ избавителемъ было трогательно; они пали на колѣна и горячо благодарили: радость была тѣмъ понятнѣе, что еще нѣсколько дней назадъ носились зловѣщіе слухи: что подъ вліяніемъ мрачнаго Коллантая и другихъ крайнихъ революціонеровъ предполагалось поголовное избіеніе плѣнныхъ.

Хотя Вавржецкій успѣлъ притянуть къ себѣ оставшіяся внѣ Варшавы польскія войска, однако въ его арміи очень скоро обнаружились признаки полнаго упадка дисциплины, окончательнаго разложенія. Разъѣзды и цѣлыя партіи переходили къ русскимъ или разбѣгались; орудія приходилось бросать десятками; а Денисовъ и Ферзенъ продолжали тѣснить Вавржецкаго [1]). Наконецъ,

[1]) Отъ 31 октября Ферзенъ доносилъ изъ Черска о сдачѣ Гетройцъ съ отрядомъ Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 21). 4-го ноября Денисовъ у

доведенный до крайности Вавржецкій капитулировалъ 7-го Ноября у Радошице, на пути къ Кракову; Денисовъ преградилъ этотъ путь. Вавржецкій отосланъ Румянцовымъ въ Петербургъ, остальные чины польскаго войска обезоружены и отпущены по домамъ „на реверсъ". Всего обезоружено до 1-го Декабря 25½ тыс. чел. и взято 80 орудій[1]).

Суворовъ несказанно былъ радъ счастливому обороту дѣла.

Еще 24-го октября, онъ послалъ краткое донесеніе Румянцову: „Сіятельнѣйшій графъ, ура, Прага наша„ [2]). А 8-го Ноября донесъ такъ: „Варшава. День Архангела Михаила. № 101. Виватъ Великая Екатерина! Все кончено, сіятельнѣйшій графъ, Польша обезоружена. Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій"[3]). 10-го Ноября Суворовъ извѣщалъ Рѣпнина такъ: „Кампанія кончена, Польша обезоружена. Инсургентовъ нѣтъ! Ихъ оставалось болѣе 20 т. и около 80 пушекъ. Частью они разсѣялись, но превосходною положили ружье и сдались съ ихъ Генералами, безъ кровопролитія"[4]).

Посреди своихъ успѣховъ торжествующій полководецъ получилъ отъ князя Репнина бумагу, отголосокъ прежнихъ пререканій между ними, гдѣ напоминалось Суворову со ссылкою на распоряженіе военной коллегіи, что командуемые имъ войска должны „по внутренности" под-

---

Држивице взялъ 20 пушекъ, зарытыхъ въ землю поляками, раздѣлившимися на три колонны при дальнѣйшемъ отступленіи на Опочно, Гороховъ и Пресухи (Московъ. Арх. Гл. Штаба, связка 5, № 144, рапортъ Ферзена Суворову отъ 5 ноября).

[1]) Хотя гнали поляковъ русскія войска, но результатами трудовъ пользовались иногда и другіе. Такъ, въ Опочнѣ поляки бросили 21 орудія, а бывшіе по близости пруссаки захватили ихъ на глазахъ у русскихъ. Ферзенъ донесъ Суворову. Послѣдній предоставилъ дѣло усмотрѣнію Ферзена, добавивъ: «коли можно взять добрымъ манеромъ, то возьмите; коли нѣтъ, уступите; не стоитъ того, чтобы за нихъ ссориться». Однако не легко было отобрать пушки изъ цѣпкихъ рукъ союзниковъ. 15 Ноября Ферзенъ доносилъ, что союзныхъ пруссаковъ можно отражать только силою: чтобы не ссориться, онъ отдалъ 22 польскихъ орудія, а два русскихъ отобралъ. (Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 27).

[2]) Военно-Ученый Архивъ въ Петербургѣ, дѣло № 1220, донесеніе Суворова за № 93.

[3]) Тамъ же.

[4]) Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 200, связка 52, № 9.

чиняться Репнину [1]). Суворовъ на это вовсе не отвѣчалъ и рѣшительно отклонилъ притязанія Репнина вмѣшиваться въ управленіе войсками и краемъ. Въ Польшѣ была организована „провіантская комиссія для довольствія" какъ для отдѣльной арміи, устроенъ штабъ и все управленіе.

Вскорѣ пришло извѣстіе о производствѣ Суворова въ чинъ фельдмаршала [2]), и Репнинъ, бывшій до сихъ поръ старшимъ по чину, долженъ былъ теперь не пререкаться съ нимъ въ бумагахъ, а доносить рапортами и получать повелѣнія. Государыня прислала новому фельдмаршалу два рескрипта, въ одномъ изъ которыхъ говорилось, что не она, Екатерина, а онъ, Суворовъ, самъ произвелъ себя своими побѣдами въ фельдмаршалы, нарушивъ старшинство. Затѣмъ императрица прислала фельдмаршальскій жезлъ въ 15000 руб. и назначила въ полное и потомственное владѣніе одно изъ столовыхъ имѣній польскаго короля, Кобринскій ключъ, съ 7000 душъ мужскаго пола.

Прусскій король пожаловалъ фельдмаршалу ордена Краснаго Орла и большаго Чернаго Орла, а императоръ австрійскій — свой портретъ, богато осыпанный бриллiантами.

Всѣ офицеры получили золотые кресты на георгіевской лентѣ, съ надписью на одной сторонѣ „за труды

---

[1]) Копія предписанія Н. И. Салтыкова Репнину 20 Окт. № 2090. «Отъ 10-го числа сего мѣсяца письма вашего сіятельства я имѣлъ честь получить, относительно Косцюшки вы имѣете уже высочайшее Е. И. В. повелѣніе; а о корпусахъ состоящихъ подъ командою господъ генералъ-поручиковъ и кавалеровъ Ферзена и Дерфельдена, симъ вашему сіятельству согласно съ высочайшимъ же соизволеніемъ сообщаю, что они по дѣйствіямъ военнымъ должны быть на нынѣшній только случай подъ распоряженіемъ господина генералъ-Аншефа и кавалера Графа Александра Васильевича Суворова Рымникскаго, а по внутренности и снабденію ихъ остатся по прежнему въ вѣдомствѣ вашемъ, такъ точно, какъ вы и сами о семъ въ данныхъ имъ отъ васъ повеленіяхъ предписали».

Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 5, № 54; тоже есть въ связкѣ 8, № 70

[2]) Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 125. Письмо Румянцова отъ 10 декабря съ приложеніемъ копіи съ рескрипта Екатерины отъ 25 ноября, гдѣ сказано: „Генерала Графа Суворова-Рымникскаго при самомъ полученіи извѣстія пожаловали мы Генераломъ-Фельдмаршаломъ".

и храбрость, а на другой—„Прага взята 1794 года, 24-го Октября“. Нижніе чины награждены медалями.

Суворовъ оставался въ Польшѣ, занятый различными заботами и распоряженіями. Между прочимъ приказано было государственное имущество Польши, преимущественно военное, отправить, какъ добычу, въ Россію. Всю зиму 1794—95 г. занимались перевозкой имущества [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало повелѣніе отправить короля Станислава-Августа на жительство въ Гродну. 27-го Декабря 1794 г. онъ выѣхалъ изъ Варшавы, а безъ малаго черезъ годъ, уступая совѣтамъ и настояніямъ Екатерины, отрекся отъ престола [2]). Политическое существованіе Рѣчи Посполитой прекратилось. Не существовало больше ни верховной власти, ни министровъ, ни войска. Покоренная русскимъ оружіемъ польская территорія сдѣлалась собственностью Россіи по праву завоевателя. Такъ называемый третій раздѣлъ Польши былъ въ сущности, уступкою для Пруссіи и Австріи со стороны Россіи части пріобрѣтеннаго русской кровью пространства.

Послѣ третьяго раздѣла Польша исчезла съ карты Европы—таковъ былъ конечный результатъ блистательной операціи Суворова [3]).

Эта операція дала вѣрный ходъ военнымъ дѣйствіямъ, которыя до тѣхъ поръ, какъ со стороны русскихъ, такъ и союзниковъ, велись безъ всякаго сколько нибудь подходящаго къ обстановкѣ плана, велись, не отдавая себѣ отчета къ чему и когда могутъ привести

[1]) Однихъ артиллерійскихъ орудій перевезено 340. Между прочимъ вывезена библіотека Залускаго, въ которой состояло больше 250.000 томовъ. Она была учреждена въ Варшавѣ графомъ Залускимъ для всеобщаго употребленія и заключала въ себѣ множество рѣдкихъ книгъ и рукописей. Она пользовалась большою извѣстностью: папа Бенедиктъ XIV издалъ въ 1752 г. буллу, которою угрожалъ отлученіемъ отъ церкви всѣмъ, кто изъ этой библіотеки что либо похититъ. На перевозку ея и нѣкоторыхъ архивовъ было ассигновано 30.000 руб. Библіотека Залускаго послужила основаніемъ нынѣшней Императорской публичной библіотеки въ Петербургѣ.

[2]) Онъ получалъ отъ союзныхъ дворовъ ежегодное содержаніе въ 330.000 червонцевъ; въ началѣ 1798 г. скончался въ Петербургѣ.

[3]) Петрушевскій, т. II, стр. 126—180. Костомаровъ, стр. 841—860. Соловьевъ, стр. 354—356.

ихъ разрозненныя усилія. Суворовъ ясно представлялъ себѣ обстановку, во всемъ отдавалъ себѣ отчетъ и шелъ твердой стопой къ опредѣленной цѣли.

Если припомнить, что онъ выступилъ изъ Немирова 14 Августа, а уже 24 Октября взялъ Прагу, да вычесть мѣсяцъ „Брестскаго сидѣнья", вынужденнаго неправильной организаціей управленія на театрѣ войны, то дѣйствительно окажется, что русскій полководецъ окончилъ все въ 40 дней, какъ намѣчалъ и раньше. Глазомѣръ замѣчательный! Вся операція отличается необычайной энергіей исполненія: обычная для Суворова быстрота маршей [1]), постоянная внезапность нападенія, настойчивая атака противника при каждой встрѣчѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что Суворовъ и его герои помощники, столь сильные духомъ, безтрепетные, были очень слабы тѣломъ. Суворовъ былъ совсѣмъ болѣнъ и писалъ въ день штурма Праги одному пріятелю, что „едва ноги таскаетъ"; Шевичъ страдалъ лихорадкой съ ежедневными пароксизмами; бригадиръ Поливановъ съ самаго выступленія изъ Бреста едва говорилъ, что не помѣшало ему подъ Прагой врубиться первымъ въ непріятельскіе ряды; Исаевъ оставался на ногахъ съ пулей въ рукѣ, пронизавшей ему предварительно грудь; Ферзенъ перемогался нѣсколько дней черезъ силу. Имѣя въ самомъ себѣ неисчерпаемый запасъ энергіи, Суворовъ умѣлъ вливать ее и въ подчиненныхъ.

Всѣ дѣйствія Суворова въ 1794 г. представляютъ высокій образецъ стратегическаго и тактическаго искусства. Смѣло поставивъ себѣ конечную цѣль—штурмъ Праги, онъ осторожно стремится къ ея достиженію. Уяснивъ себѣ систему войны противника, оцѣнивъ значеніе партизанской войны для поляковъ (что было совершенно не принято во вниманіе въ дѣйствіяхъ, предшествовавшихъ операціи Суворова), онъ въ высшей степени послѣдо-

[1]) Разстояніе отъ Немирова до Бреста, около 600 верстъ, пройдено въ 26 дней съ 14 Августа до 8 Сентября, и сопровождалось рядомъ боевъ; отъ Бреста до Кобылки, около 170 верстъ, пройдено въ 9 дней, съ 7 до 15 Октября.

вательно противодѣйствуетъ ихъ предпріятіямъ, лишая партизанскіе отряды непріятеля опорныхъ пунктовъ и нанося рѣшительные удары отрядамъ, служившимъ ядрами возстанія въ цѣлыхъ округахъ. Постоянный успѣхъ этихъ ударовъ производилъ сильное впечатлѣніе и вліялъ на политическую сторону возстанія.

Необходимо отмѣтить постоянныя заботы относительно обезпеченія тыла (въ Немировѣ, Брестѣ и др. пунктахъ оставляются отряды, не смотря на малочисленность войскъ Суворова), устройства базы въ Брестѣ, организаціи надежной коммуникаціонной линіи съ достаточнымъ числомъ этаповъ, обезпеченія операціонной линіи сначала при движеніи къ Бресту (маневръ на Кабринъ), а потомъ при наступленіи къ Прагѣ (обезпеченіе съ лѣваго фланга, со стороны Вепржа, и съ праваго — со стороны Буго - Нарева). Устраивая магазины, Суворовъ вовсе не придерживается исключительно магазинной системы продовольствованія войскъ, господствовавшей въ то время, но широко пользуется мѣстными средствами, основательно извлекая ихъ изъ страны. Въ этомъ отношеніи онъ предупредилъ систему, выработанную въ эпоху революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ; впрочемъ, многое въ русскомъ военномъ искусствѣ выработалось самостоятельно, независимо отъ иностранныхъ образцовъ.

Стремясь постоянно сосредоточивать силы, Суворовъ употребляетъ для этого всѣ способы и достигаетъ исполненія своего желанія, несмотря даже на весьма неблагопріятныя условія командныхъ отношеній (напр. противодѣйствіе Репнина); такъ притягиваются часть отряда бригадира Дивова изъ Минска, корпусы Ферзена и Дерфельдена; только неудалось привлечь для содѣйствія союзниковъ, пруссаковъ и австрійцевъ, но изъ предыдущаго ясно, что врядъ ли этого и возможно было достигнуть [1]).

[1]) Отъ 17 октября Репнинъ увѣдомляетъ Суворова, что генералъ-поручикъ Фаврагъ (Прусскій) съ 11-ю баталіонами и 30-ю эскадронами вовсе не расположенъ въ

Противникомъ русскій полководецъ отнюдь не пренебрегаетъ, но въ каждомъ данномъ случаѣ дѣлаетъ ему надлежащую оцѣнку: то тщательно заботится о безопасности тыла и операціонной линіи, выжидаетъ въ Брестѣ и въ Кобылкѣ, то беззавѣтно атакуетъ „съ чѣмъ Богъ послалъ“ или предпринимаетъ маршъ къ Прагѣ тремя отдѣльными массами (корпуса Дерфельдена, Потемкина, Ферзена), не опасаясь наступательныхъ дѣйствій сосредоточенными силами со стороны потрясеннаго врага.

Подготовка штурма Праги въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи крайне поучительна. Сосредоточеніе для этого силъ, заготовка штурмовыхъ принадлежностей, неоднократныя, хорошо организованныя развѣдки непріятельскаго расположенія, объѣзды войскъ, краткія, но сильныя рѣчи солдатамъ, приказъ 23 октября, выборъ времени для начала штурма, выборъ пунктовъ для главныхъ и вспомогательныхъ атакъ, организація штурмовыхъ колоннъ, сигналъ для движенія на штурмъ — все это обнаруживаетъ великаго мастера дѣла, полководца, умудреннаго долгимъ опытомъ, знатока человѣческаго сердца.

Строгая послѣдовательность въ дѣйствіяхъ, неотступное преслѣдованіе разъ намѣченной цѣли подтверждается и самымъ ходомъ штурма. Онъ ведется энергично, направляется твердою рукою, ударъ защитникамъ Праги наносится жестокій, въ концѣ выставляется артиллерія на берегу Вислы и начинается бомбардированіе самой Варшавы для устрашенія столицы. Въ этомъ случаѣ Суворовъ не останавливается ни передъ

Вышегродѣ, Закрочимѣ и по Нареву, какъ сообщаетъ король прусскій, а пошелъ противъ мятежниковъ, бывшихъ въ Бромбергѣ, но перешедшихъ теперь къ Кульму подъ начальствомъ Домбровскаго (Москов. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 6, № 76). Выходитъ, слѣдовательно, что въ рѣшительную минуту, когда дѣло приближалось къ штурму Праги, Суворовъ былъ лишенъ даже пассивнаго содѣйствія пруссаковъ, которое могло бы обнаружиться близостью ихъ расположенія къ Варшавѣ; вмѣсто этого они ушли.

потерями въ своихъ войскахъ, ни передъ жертвами у непріятеля. Онъ не зараженъ вреднымъ и неумѣстнымъ сентиментализмомъ, жертвы—неизбѣжное слѣдствіе войны. Самая высокая, осмысленная гуманность и заключается въ рѣшительности всесотрясающихъ ударовъ, ведущихъ къ скорѣйшему окончанію войны и возвращенію терзаемой страны къ благамъ мирной жизни. Суворовъ выражался такъ: „Миролюбивые фельдмаршалы при началѣ польской кампаніи провели все время въ заготовленіи магазиновъ. Ихъ планъ былъ сражаться три года съ возмутившимся народомъ. Какое кровопролитіе! И кто могъ поручиться за будущее! Я пришелъ и побѣдилъ. Однимъ ударомъ пріобрѣлъ я миръ и положилъ конецъ кровопролитію“ [1]).

Если велико было искуство полководца, то слѣдуетъ отдать справедливость и войскамъ, оправдавшимъ его заботы о нихъ и довѣріе; ураганомъ налетѣли они на врага и мигомъ сломили его упорное сопротивленіе. Взаимодѣйствіе различныхъ родовъ было полное, работали всѣ на совѣсть, а починъ въ дѣйствіяхъ, проявленный артиллеріей Бѣгичева и конницей Поливанова, показываетъ высокія качества твердо знавшихъ свое дѣло доблестныхъ помощниковъ великаго начальника.

Если еще находятся люди, считающіе, что Суворовъ побѣждалъ только при помощи счастья, бралъ все на проломъ безъ всякихъ признаковъ истиннаго военнаго искуства, то пусть же они хорошенько вникнутъ въ его походъ въ Польшу въ 1794 г., который представляетъ высокій образецъ стратегическаго искусства. Что же касается штурма Праги, столь блистательно увѣнчавшаго всю операцію геніальнаго русскаго полководца, то онъ самъ говорилъ: „дѣло сіе подобно Измаильскому“.

[1]) «Сынъ отечества» 1831 г., стр. 163.

Приложеніе 1.

Повелѣніе графа Румянцева-Задунайскаго графу Суворову-Рымникскому отъ 7 августа 1794 г. [1]).

Сіятельнѣйшій Графъ

Высокопревосходительный Господинъ Генералъ-Аншефъ и Кавалеръ

Милостивый Государь мой!

Новости изъ Константинополя и всѣ другія изъ Туреціи увѣряютъ насъ по крайней мѣрѣ на настоящее время о удержаніи покоя и мира съ сей стороны и на противу по тѣмъ, что мы имѣемъ изъ Польши и Литвы становится въ свое время ничто значущій непріятель часъ отъ часу дерзче и хитрѣе. Соображая всѣ сіи обстоятельства по мѣрѣ, коль много туркамъ вѣрить должно и наше собственное вниманіе, по равнодушію, что соучастники въ общей винѣ и особливо въ маломъ раченіи въ возстановленіи безопаснаго сношенія и сообщенія оказываютъ, отъ насъ требуетъ: я нахожу быть очень надобнымъ и полезнымъ, сдѣлать сильный отворотъ сему дерзкому непріятелю и такъ скоро, какъ возможно, отъ стороны Бреста и Подляского и Троцкого воеводствъ, дабы чрезъ то общественныя дѣйствія съ Прусскими войсками на Вислѣ и нашихъ однихъ въ Литвѣ лучше возможно облегчены и къ ихъ цѣли доведены быть могли, и что теперь тѣмъ удобнѣе бы учиниться могло, ежели бы на Австрійцовъ увѣрительно считать можно было, что Хельмское и Люблинское воеводства ихъ войсками дѣйствительно уже заняты были. Къ сему назначенію суть уже дѣйствительно два кор-

[1]) Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 81.

пуса командированы, состоящіе каждый изъ одного Генералъ-Маіора, трехъ баталіоновъ пѣхоты, пяти эскадроновъ кавалеріи и двухъ сотъ пятидесяти казаковъ, съ четырьмя орудіями полевой артиллеріи.

Ваше Сіятельство были всегда ужасомъ поляковъ и турокъ и вы горите всякой разъ равно нетерпѣніемъ и ревностію, гдѣ только о службѣ рѣчь есть, и по моей ревности къ лучшему оной, я долженъ всевѣчно желать, чтобы Ваше Сіятельство предводительство сихъ обоихъ корпусовъ только на сіе время на себя приняли, видя, что Ваше имя одно въ предварительное обвѣщеніе о вашемъ походѣ, подѣйствуетъ въ духѣ непріятеля и тамошнихъ обывателей больше, нежели многія тысячи. Я бы очень хотѣлъ, чтобы Ваше Сіятельство сіи войски нѣкоторой частью изъ тѣхъ, что подъ Вашей командой въ Брацлавской губерніи лежатъ и къ подобнымъ дѣйствіямъ уже довольно пріучены, предмету мѣрно усилили, но отдаленіе оныхъ и главнѣйше поспѣшность, съ которою все сіе учиниться должно, дѣлаетъ сіе почти не возможнымъ, и надобная прибавка должна изъ ближайшихъ мѣстъ учиниться. Я ожидаю съ большимъ нетерпѣніемъ отвѣта Вашего Сіятельства и того увѣдомленія, что вы касательно надобнаго усиленія войскъ назначить изволите и какія наставленія вы подъ вашей командой находящимся Генераламъ дадите . . . . Рум.-Задунайскій.

№ 97
7 Августа 1894 г.
Ташань.

Приложеніе 2.

Копія рескрипта Императрицы Екатерины Румянцову 7 Августа 1794 г. [1]*.*

Графъ Петръ Александровичъ! Повелѣніемъ Нашимъ отъ 16-го прошедшаго Іюля предписали Мы занять и

[1] Московскій Архивъ Гл. Штаба, опись 196, Св. 8, № 80-й.

отъ войскъ Вамъ ввѣренныхъ черту тамо означенную нынѣ же получивъ новыя свѣдѣнія о происходящемъ въ Польшѣ и предполагая, что послѣ покоренія Варшавы толпы бунтовщиковъ тамъ бывшихъ вышедъ на сей берегъ Вислы, возмогутъ обратиться или въ Литву, или чрезъ Бугъ къ Волыни: по первому предположенію за благо признали Мы учинить Генералу Князю Репнину новое подтвержденіе о немѣдленномъ и дѣятельномъ съ его стороны приведеніи въ исполненіе предписанныхъ по всемѣстныхъ наступительныхъ дѣйствій. Мы снабдили его на сей случай подробнѣйшими наставленіями, съ коихъ точный списокъ здѣсь слѣдуетъ для свѣдѣнія и соображенія Вашего и увѣрены, что если оныя произведены будутъ въ дѣйство во всѣй точности, предпріятіе сіе благополучнымъ успѣхомъ увѣнчается. По второму предположенію остается съ вашей стороны учинить Генералу Князю Репнину тѣ содѣйствія, кои Мы въ семъ общемъ движеніи предполагали. Обыкнувъ видѣть наидѣятельнѣйшія подвиги ваши всегда къ пользѣ отечества устрѣмленные, увѣнчанные полными успѣхами, надѣемся что бы не токмо войсками содѣйствовать будете, но и не оставите къ особливой благоугодности Нашей, преподавать ему виды ваши для удобнѣйшаго произведенія въ дѣйство предположеній Нашихъ. Въ то самое время когда упомянутый Генералъ выступитъ съ знатными силами ему ввѣренными, дабы очистить Литву и выгнать мятежниковъ за Нѣменъ, повелѣваемъ вамъ немедленно для закрытія и обезпеченія лѣваго его фланга, а равно и для преграждения, чтобы мятежники не могли впасть въ Волынію и распространить бунтъ въ близости предѣловъ Нашихъ, отправить отъ войскъ подъ начальствомъ вашимъ состоящихъ сильный корпусъ къ Бугу, которому предложить занять не токмо все пространство праваго берега сей рѣки отъ границы Галлиціи до Бржеста Литовскаго, но и постановить твердый и сильный постъ при городѣ семъ, такъ чтобы нетокмо вся граница

Изъяславской губерніи до Пинска прикрыта, но и вся земля до Буга дѣйствительно была въ рукахъ Нашихъ, такъ расположивъ тутъ войска Наши, чтобы въ случаѣ покушенія мятежниковъ, могли бы и сильный отпоръ имъ учинить, и никакъ недопустить ихъ прорваться на Нашъ берегъ сей рѣки; въ отвращеніе чего повелите назначаемому отъ васъ начальнику сихъ войскъ имѣть частыя сношенія и вѣрную связь какъ съ Нашими войсками въ Польшѣ и Литвѣ дѣйствующими, такъ и съ начальниками войскъ Австрійскихъ въ Люблинское и въ Хельмское воеводства вступившихъ, коимъ по возможности и подавать руку помощи. По достиженіи вышеозначенныхъ мѣстъ и занятіи Буга утвердясь въ Бржестѣ - Литовскомъ и укрѣпясь наинадежнѣйшимъ образомъ, надлежитъ обратить все стараніе къ составленію тутъ запасовъ провіанта. Къ сему предстоитъ беззатруднительный способъ состоящій въ доставленіи туда хлѣба Бугомъ отъ Дубенки и изъ ближнихъ и на берегу сей рѣки лежащихъ мѣстъ. Магазины сіи долженствуютъ быть наполнены сколько возможно достаточнѣе, судя по знатному числу войскъ состоять тамо имѣющихъ. Ибо во первыхъ: корпусъ генералъ-поручика Дерфельдена долженствуетъ заимствовать пропитаніе свое изъ запасовъ сихъ до прибытія генералъ-поручика Ферзена, составляя лѣвый флангъ войскъ въ Литвѣ дѣйствующихъ и обращаяся между Буга и Нѣмана и воспрещать бунтующимъ приближаться къ границамъ Имперіи Нашей углубляясь въ Литву, во вторыхъ; генералъ-поручику Ферзену предписано, когда дѣла при Варшавѣ возимѣютъ конецъ, что кажется въ скорѣ и послѣдуетъ, перейти немедленно на сей берегъ Вислы, и въ случаѣ если бы мятежники вытѣсненные изъ помянутаго города и бѣгущіе изъ толпы главнаго бунтовщика, обратились къ Волыніи, стараться поражать ихъ съ тылу и разсѣять, въ то время, когда войски генералъ-поручика Дерфельдена имѣютъ вытти на встрѣчу къ нимъ, ударить и довершить истребленіе

оныхъ; а потому генералъ-поручикъ Ферзенъ и долженъ будетъ соединиться съ корпусомъ Дерфельдена и также пропитаніе свое частію заимствовать и изъ Бреста-Литовскаго. По симъ причинамъ и надлежитъ пецися, чтобы толь многочисленное войско не потерпѣло нужды въ своемъ продовольствіи. Мы ожидаемъ отъ вашего къ Намъ усердія что по сношенію съ генераломъ княземъ Репнинымъ пріимите вы всѣ надлежащіе мѣры къ составленію въ Брестъ-Литовскомъ сихъ хлѣбныхъ запасовъ способомъ вышеупомянутымъ, да и вообще не оставите ему преподавать въ семъ предпріятіи всѣхъ зависящихъ отъ васъ пособій. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако ЕКАТЕРИНА.

Въ Царскомъ Селѣ Августа 7 1794 г.

Приложеніе 3.

Копія Рапорта Господина Генералъ-Поручика и кавалера Ферзена Господину Генералъ-Аншефу и Кавалеру Графу Ивану Петровичу Салтыкову отъ 29-го Августа 1794 года № 134-й изъ лагеря при мѣстечкѣ Песочнѣ [1]).

Съ возвращеніемъ присланнаго отъ Вашего Сіятельства Господина Приміеръ Маіора и Кавалера Григоржевскаго Вашему Сіятельству донести честь имѣю, что команды моей корпусъ соединенно съ Прусскою арміею подъ предводительствомъ Его Величества самого Короля по разбитіи Мая 26-го числа при Щекочинѣ Косцюшки замедлившись взятьемъ Кракова и заготовленіемъ фуражировкою провіанта, коего въ запасѣ ничего не было; попустили свободно Косцюшкѣ вступить въ Варшаву; до которой за одинъ только переходъ пришли мы 2-го числа Іюля и Его Величество тогожъ дня хотѣлъ за-

[1]) Московскій Архивъ Гл. Штаба, опись 196, связка 8, № 85.

нять при самой Варшавѣ Повонскъ и Маріемондъ мѣста высотою своею повелѣвающія въ городъ и занять берегъ Вислы ниже Варшавы, дабы свободно можно было получить водою изъ за Крочима транспортъ съ тяжелою артиллеріею; но вмѣсто того Его Величество остановился при Апалинѣ за двѣ мили отъ Варшавы и транспорта того изъ за Крочима ожидали сухимъ путемъ двѣ недѣли, который состоялъ только въ четырехъ мортирахъ и восьми гоубицахъ, а непріятель имѣлъ время сильнымъ образомъ укрѣпить лагерь свой и городъ, который осадили 17-го числа и Его Величество занялъ только волю, а берегъ остался по прежнему открытымъ непріятелю, недостатокъ къ сокрушенію непріятельскихъ укрѣпленій въ тяжелой артиллеріи и въ военныхъ припасахъ дѣлалъ осаду нашу слабою, и Король чрезъ всю осаду заимствовалъ изъ корпуса моего десять двѣнадцати фунтовыхъ пушекъ, которыхъ у него не одной не было, и Его Величество отправилъ за артиллеріею и припасами въ Бреславль и Грауденцъ тогда уже когда надобны были оныя къ самому дѣйствію; и мы ожидали онаго въ доставленіи до половины Августа мѣсяца, сколько же привезено было артиллеріи вѣдомость у сего Вашему Сіятельству представляю, которая прибыла почти безъ зарядовъ, непріятель же имѣвъ ниже Варшавы берегъ себѣ открытый отправилъ партіи для возмущенія жителей въ полуденной Пруссіи, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ собравшіеся конфедераты перехватили слѣдовавшія въ Варшавѣ съ военными припасами на сухомъ пути транспортъ двѣсти подводъ, да изъ другаго отняли тысячу триста центеровъ пороху и на Вислѣ утопили тринадцать судовъ да денегъ отнято же сто тысячь талеровъ, и въ знатномъ количествѣ транспортъ съ провіантомъ на сухомъ же пути. Сіе самое принудило Его Величество оставить осаду и 26-го числа отступили; теперь я съ корпусомъ при Песочнѣ въ трехъ миляхъ отъ Варшавы по требованію Его Величества стою третій день, а завтра имѣю вы-

ступить въ походъ и слѣдовать буду къ Литвѣ. Относительно же до Австрійскихъ войскъ, то овыя заняли Люблинъ и протянули слабую цѣпь до Палавы; на письмо жъ мое къ Генералу Гарнонкурту о намѣреніяхъ ихъ въ содѣйствіи противу непріятеля отвѣтствовалъ онъ, что по недостатку у нихъ въ провіантѣ, упряжѣ и прочихъ военныхъ потребностяхъ далѣе Вепржъ рѣки итти онъ не можетъ и соединиться ему съ нами иначе нельзя какъ исправясь во всѣхъ тѣхъ недостаткахъ, и потому я о обоихъ намъ союзникахъ заключить утвердительно могу, что какъ Прусскія войски по худымъ своимъ внутреннимъ обстоятельствамъ, такъ и отъ Цесарскихъ по слабости и неисправности ихъ наступательнаго содѣйствія противу непріятеля ожидать неможно. Съ копіею свидѣтельствовалъ Флигель-Адъютантъ Данило Ясновскій.

Приложеніе 4.

Крупчицкая реляція [1]).

„Ея Императорскаго Величества часть войскъ выступила изъ Немирова 14-го числа Августа къ Варковичамъ до 300 верстъ [2]) прочіе жъ ранѣе отъ 350 до 400 всѣ прибыли къ назначенному тамъ рандеву 22-го числа гдѣ болѣе двухъ сутокъ перепекали и сушили хлѣбъ и запасшись онымъ почти на мѣсяцъ, продолжали маршъ на Луцкъ до Ковеля по худой отъ дождой или весьма песчаной дорогѣ 146 в. Тамъ соединились съ летучимъ корпусомъ генералъ-маіора и кавалера Буксговдена 28-го числа Въ ожиданіи обозовъ простояли тутъ свыше 2 сутокъ и соединились при м. Выжвѣ съ вышедшимъ на встрѣчу вторымъ летучимъ корпусомъ. Марпировали на Дивинъ 92 версты худшею прежней дорогою, гдѣ бри-

[1]) Московскій Арх. Гл. Штаба, опись 196, связка 8, документъ лежитъ послѣ № 30.

[2]) Зачеркнуто въ подлинникѣ „284“.

гадиръ и кавалеръ Исаевъ въ Дивинѣ разбилъ казаками непріятельскую партію. Тожъ сильнѣе при Кобринѣ причемъ непріятель потерялъ до 500 конныхъ съ плѣнными. Съ нашей стороны убитъ пятидесятникъ, ранены: войска донскаго полковникъ Борисъ Грековъ и два казака. При Кобринѣ, отошедъ отъ Дивина 35 верстъ войски расположились 4-го числа предполднями и на завтре по полудни въ 5 ч. оказались непріятельскія двѣ партіи сотъ по пяти конницы противъ нашего праваго крыла и фронта въ отдаленіи верстъ 7-ми. Какъ мы до сего шли скрытно и непріятель кромѣ казаковъ не видалъ, приказано было бригадиру и кавалеру Исаеву не вступать въ бой, а только задержать, что онъ и учинилъ. При наступающей ночи схваченъ былъ одинъ пленной который показалъ что Сираковскій съ иными генералами и по прежнимъ извѣстіямъ свыше 16.000 при 28 орудіяхъ выступя изъ подбржесця расположился при монастырѣ Крупчицъ отъ Кобрина 15 верстъ въ намѣреніи насъ на другой день Атаковать. Сей мятежническій корпусъ состоялъ изъ лутчихъ ихъ войскъ знатной части Старыхъ коронной гвардіи и иныхъ полковъ исправно выэкзерцированныхъ.

Въ тѣ же Сутки на 6-е число пополуночи въ 2 часа отошедъ 5 верстъ перемѣнили мы позицію и стали на разсвѣтѣ въ линію на выгоднѣйшемъ мѣстѣ. Не примѣтя у непріятеля никакихъ важныхъ движеніевъ определено Его Атаковать! выступя въ 7 ч. утра на трехъ верстахъ марша перешли мы рѣчку Мухавецъ конница въ бродъ пѣхота и Артиллерія по мосту въ 8 часовъ были въ виду непріятеля въ разстояніи 3 верстъ и разогнулись изъ колонны въ линіи и формировали части атакъ: А казаки ударили на передовую непріятельскую конную партію и прогнали черезъ деревню Горки до ихъ стану. Непріятель началъ полчаса ранѣе пальбу. Наша полевая артиллерія открыла огонь въ 9½ часовъ въ то самое время пѣхота переправившись вступила въ Атаку въ 10 часовъ. А конница лѣваго фланга за ней

спустя 1/4 часа. Праваго же фланга перейдя два раза рѣчку Мухавецъ послѣдній загатили послѣ лѣваго фланга черезъ 1/4 часа. По одоленіи непреоборимаго мѣстоположенія одержана полная побѣда въ 6 часу пополудни, какъ ваше Сіятельство изволите усмотрѣть изъ плана баталіи и рапорта Генералъ-Поручика и кавалера Потемкина". Далѣе представленіе о наградахъ и затѣмъ: „предъ закатомъ солнца непріятель убрался въ густой лѣсъ, мы кончили пораженіе и отдыхали на мѣстѣ баталіи при фолваркѣ Янополѣ 3 версты впереди монаст. Крупчицы 8 часовъ. Ея Императорскаго Величества побѣдоносныя войски сражавшіяся многократно холоднымъ ружьемъ въ 2 часа пополуночи слѣдовали къ Деревнѣ Булькову 21 версту, по-отдыхѣ 4 часовъ прибыли въ 5-мъ часу къ деревнѣ троицине отъ бражесця 5 верстъ расположились скрытно: непріятель партіями издали открылъ только познатную часть нашихъ казаковъ.

Приложеніе 5.

Подлинное донесеніе Суворова о Прагскомъ штурмѣ 24-го Октября 1794 года [1]).

Послѣ сокрушенія мятежниковъ при Кобылкѣ, сожидалъ я приближенія корпуса, въ командѣ генералъ-поручика и кавалера Дерфельдена. Какъ скоро онъ примкнулъ къ правому крылу соединенныхъ войскъ, положено на военномъ совѣтѣ идти къ Прагѣ, и не смотря ни на какія укрѣпленія, взять ее приступомъ.

По сему мѣроположенію 20-го и 21-го чиселъ, заготовляли плетни, фашины и лѣстницы. 22-го числа всѣ войска трехъ корпусовъ тронулись тремя колоннами, вступили въ назначенныя лагерныя мѣста отъ передовыхъ окоповъ подалѣ пушечнаго выстрѣла, при барабанномъ бою и музыкѣ, и тотчасъ разбили свой станъ.

---

1) Военно-Ученный Архивъ Главнаго Штаба въ Петербургѣ, дѣло № 1221. Донесеніе напечатано въ „Русскомъ Инвалидѣ" за 1854 г. № 233.

Съ приближеніемъ войскъ нашихъ, мятежники на передовыхъ укрѣпленіяхъ стояли въ строю и слышенъ былъ въ среднемъ окопѣ великій шумъ; пикеты ихъ въ мигъ сбиты и цѣпь наша заняла ихъ мѣста.

Тотъ же день обозрѣно всѣми генералами мѣстоположеніе и укрѣпленіе мятежниковъ, въ ночь построены батареи отъ средняго корпуса, подъ управленіемъ генералъ-поручика Потемкина на 16-ть орудій; съ праваго крыла отъ корпуса генералъ-поручика Дерфельдена на 22 орудія; съ лѣваго же крыла отъ корпуса генералъ-поручика Ферзена на 48 орудій—по числу пушекъ, при каждомъ корпусѣ имѣющихся. Батареи были построены для того токмо, чтобъ отвлечь непріятеля чаять приступа.

23-го числа на разсвѣтѣ со всѣхъ сторонъ огонь открытъ, на которой мятежники отвѣчали живо; но весьма съ малымъ для насъ урономъ.

Въ тотъ же день положено штурмовать слѣдующей ночи, передъ разсвѣтомъ, непріятельскія укрѣпленія семью колоннами и именно:

Корпуса генералъ-поручика Дерфельдена двѣ колонны: 1-я въ командѣ генералъ-маіора Лассія, состоящая изъ 3-го баталіона егерей Лифляндскаго корпуса и трехъ баталіоновъ Фанагорійскихъ гренадеръ, имѣя въ резервѣ Тульскій пѣхотный полкъ и три эскадрона Кіевскаго конно-егерскаго полка.

2-я колонна, въ командѣ полковника Князя Дмитрія Лобанова-Ростовскаго, состоявшая изъ 2-го баталіона егерей Бѣлорусскаго корпуса, двухъ баталіоновъ Апшеронскаго и одного баталіона Низовскаго мушкатерскихъ полковъ, имѣя въ резервѣ другой баталіонъ Низовской и три эскадрона Кинбурнскихъ драгунскихъ спѣшенныхъ.

Отъ средняго корпуса, подъ начальствомъ генералъ-поручика Потемкина двѣ колонны.

3-ю, подъ командою генералъ-маіора Исленьева, составляли: второй баталіонъ егерей Лифляндскаго кор-

пуса, четыре баталіона Херсонскихъ гренадеръ; въ резервѣ—одинъ баталіонъ Смоленскаго мушкатерскаго и пять эскадроновъ Смоленскаго драгунскаго полковъ, послѣдніе спѣшены; конницы три эскадрона Переяславскихъ конныхъ егерей.

4-ю колонну, въ командѣ генералъ-маіора Буксгевдена, составляли: третій баталіонъ егерей Бѣлорусскаго корпуса, четвертый баталіонъ егерей Лифляндскаго корпуса и два баталіона Азовскаго мушкатерскаго полка; въ резервѣ оной—полкъ Ряжскій мушкатерской же, другіе пять эскадроновъ Смоленскихъ драгунъ—спѣшенныхъ и конницы три эскадрона Ольвіопольскихъ гусаръ.

Отъ корпуса генералъ-поручика Ферзена, подъ его начальствомъ три колонны:

5-ю, подъ командою генералъ-маіора Тормасова, составляли: первый баталіонъ егерей Екатеринославскаго корпуса, два баталіона Курскаго полка и одинъ баталіонъ гренадеръ, сформированныхъ изъ ротъ. Резервъ ея: баталіонъ гренадеръ, также баталіонъ Новгородскаго мушкатерскаго полка и три эскадрона Елисаветградскихъ конныхъ егерей.

6-ю колонну, въ командѣ генералъ-маіора Рахманова, составляли: баталіонъ егерей Екатеринославскаго корпуса, три баталіона Сибирскихъ гренадеръ; въ резервѣ же два баталіона Днѣпровскаго мушкатерскаго полка и три эскадрона Воронежскихъ гусаръ.

7-ю колонну, въ командѣ генералъ-маіора Денисова, составляли: Черноморцевъ 200 человѣкъ, третій и четвертый баталіоны Екатеринославскаго корпуса, два баталіона Козловскаго мушкатерскаго полка; въ резервѣ два баталіона Углицкаго мушкатерскаго-жъ полка и три эскадрона Елисаветградскихъ конныхъ егерей. Вся прочая конница, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шевича, раздѣлена была для прикрытія артиллеріи, и именно: съ праваго крыла, въ командѣ бригадира Поливанова, Кіевскаго полка конныхъ егерей два эскадрона, Сѣверскаго и Софійскаго карабинерныхъ полковъ

по два эскадрона и полкъ Маріупольскій легкоконный — шесть; всего 12-ть эскадроновъ.

Промежъ 4-й и 5-й колоннъ, по пространству мѣста, оныя раздѣлявшаго, такъ и для прикрытія артиллеріи, отъ средняго корпуса были, подъ присутствіемъ генералъ-маіора Шевича, семь эскадроновъ Переяславскихъ конныхъ егерей и полкъ Александрійскій въ 5-ть—всего 12-ть эскадроновъ.

Въ правомъ флангѣ 5-й колонны, подъ командою бригадира и кавалера Боровскаго, Черниговскаго и Глуховскаго карабинерныхъ полковъ 10-ть эскадроновъ и 3 эскадрона Ольвіопольскихъ гусаръ—всего 13-ть эскадроновъ.

Съ лѣвой же стороны, между 7-ю и 6-ю колоннами, въ командѣ бригадира Сабурова, четыре эскадрона Елисаветградскихъ конныхъ егерей, Ахтырскій легкоконный полкъ и три эскадрона Воронежскихъ гусаръ—всего 13-ть.

Казаки были по нужнымъ пунктамъ: на правомъ крылѣ, къ берегу Вислы, въ командѣ подполковника Родіонова 350 человѣкъ; влѣво отъ 4-й колонны, въ командѣ подполковника и кавалера Грекова 630 человѣкъ; между ними и 5-ю колонною въ командѣ подполковника и кавалера Бузина—750 человѣкъ.

Съ лѣваго крыла 6-й колонны, подъ командою подполковника Андреяна Денисова—500 человѣкъ, да по берегу Вислы, въ командѣ Василія Денисова—425 человѣкъ.

Такимъ образомъ расположа всѣ войска, предписано: первымъ четыремъ колоннамъ атаковать мятежниковъ съ лѣваго крыла, сорвать переднія ихъ, на кочугурахъ (косогорахъ) сдѣланныя укрѣпленія, на плечахъ войтить и овладѣть главнымъ ихъ ретраншаментомъ, а завладѣвъ онымъ, паки атаковать послѣдніе окопы вокругъ Праги, и самой Прагой, и первой изъ сихъ четырехъ колоннъ, по овладѣніи ретраншаментомъ, предписано идти вверхъ по берегу и отрѣзать непріятеля отъ мосту.

5-й и 6-й колоннамъ предписано начать атаку тогда, какъ первыя четыре колонны сорвутъ передовыя укрѣпленія.

Послѣдней же седьмой колоннѣ приказано выступить съ мѣста своего, два часа прежде прочихъ колоннъ, дабы имѣть достаточно времени обойтить на островъ, и овладѣвъ тамо находившіюся частію ретраншамента мятежниковъ и батареями, войтить въ Прагу по берегу Вислы внизъ по ея теченію и отрѣзывать также у непріятеля мостъ, въ помощь первой колоннѣ.

Пункты, на которые приступъ вести надлежало, и пункты, гдѣ колонны, для атаки, начальнаго сигнала ожидать должны были, поручено было указать: правымъ четыремъ колоннамъ—генералъ-поручику Потемкину, а лѣвымъ тремъ колоннамъ—генералъ-поручику Ферзену, по прожокту инженеръ-квартермистра Глухова.

24-го числа въ три часа по полуночи всѣ войска выступили къ назначеннымъ имъ пунктамъ, и сострояся въ глубокой тишинѣ, достигли до той черты, отколь на ударъ вести ихъ надлежало.

Въ пять часовъ, передъ разсвѣтомъ, сигнальная ракета пущена. Всѣ четыре правыя колонны двинулись. 3-я и 4-я колонны, поспѣшно сорвавъ непріятельскіе пѣхотные пикеты, достигли къ волчьимъ ямамъ. Какъ въ первой и второй колоннахъ огонь загорѣлся, и распространился вокругъ всѣхъ укрѣпленій, обѣ первыя колонны и съ ними купно, въ интервалъ между колоннъ, Тульской пѣхотной, подъ командою неустрашимаго Полковника Ливена, выдержавъ перекрестные выстрѣлы, какъ съ батарей, на кои шли, такъ съ острова на Вислѣ, да изъ самой Варшавы, подъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, съ несказанною твердостію и быстротой перешли ровъ, опрокинули противниковъ, овладѣли валомъ, ударили на стоявшаго за онымъ конницею и пѣхотою непріятеля, преодолѣвъ сильное его сопротивленіе, съ великимъ кровопролитіемъ истребили, покрывъ всѣ тѣ мѣста его тѣлами; въ самое сіе пораженіе пос-

ланный отъ Бригадира Поливанова Полковникъ Зассъ съ Кіевскими конноегерьскими двумя эскадронами перескакавъ чрезъ ровъ, съ великою стремительностію ударилъ на остатки державшейся непріятельской конницы и успѣшнымъ пораженіемъ обратилъ оную; пѣхота, гнавши непріятеля по берегу Вислы, вошла въ Прагу, изгоняя его изъ улицы въ улицу, на плечахъ ихъ дошли до мосту, множество положили на мѣстѣ, множество потопили, и отъ моста отрѣзавъ, взяли въ плѣнъ двухъ генераловъ и знатное число мятежниковъ.

Третья и четвертая колонны, встрѣчены будучи картечными и сильными ружейными выстрѣлами, набросавъ плетни на волчьи весьма глубокія ямы, перейдя оныя, спустились въ болотистый ровъ, и быстро взошедъ по лѣстницамъ на валъ, овладѣли первыми непріятельскими батареями. Третья колонна, овладѣвъ двумя бастіонами, какъ только вновь доходила до средняго и главнаго ретраншамента, увидѣла конницу непріятельскую, готовящуюся взять оную во флангъ. Храбрый Генералъ-Маіоръ и кавалеръ Исленьевъ приказалъ двумъ баталіонамъ гренадеръ здѣлать фронтъ и атаковать се на штыкахъ, что̀ исполнено съ такою быстротою, что непріятель, увидя стремленіе нашихъ, обратился въ бѣгъ. Передовые баталіоны, не останавливаясь, шли далѣе къ внутреннему ретраншаменту, паки перешли волчьи ямы, весьма глубокій ровъ, и переодолѣвъ наисильнѣйшее упорство непріятеля, его сбили, овладѣли еще батарею, резервъ же оной, подъ командою Бригадира Владычина, всегда равняясь съ колонною, и очищая вь интервалахъ, поражалъ сбиравшагося непріятеля, и войдя въ первый ретраншаментъ, тотчасъ разрылъ валъ и очистилъ путь для конницы.

Четвертая колонна, овладѣвъ съ безмѣрнымъ мужествомъ, какъ выше сего сказано, двумя батареями, главнымъ кавальеромъ передоваго укрѣпленія, одѣтымъ внутри каменною стѣною, огражденною снаружи палисадомъ, раздѣлясь на части, одну отправила вдоль по

укрѣпленію и овладѣла еще пятью батареями, и не давъ нигдѣ непріятелю образумиться, поражая всюду на штыкахъ, гдѣ только непріятель чаялъ упорно защитится, но мужествомъ, свойственнымъ весьма разъяреннымъ воинамъ, всѣ упорствовавшіе были на мѣстѣ положены. Отъ туда, прошедъ до звѣринца, встрѣчена была находящимся непріятелемъ въ засѣкѣ, къ которому отъ разныхъ мѣстъ бѣгущіе стекались, но и тутъ не нашли мятежники своего спасенія, по немалому и сильному сопротивленію изъ засѣки выгнаты, оставя груды тѣлъ побитыхъ; къ срединѣ звѣринца паки непріятель чаялъ обороняться, но подоспѣвшею другою частію колонны, которая преодолѣвъ весь его огонь и упорство, овладѣла главнымъ ретраншаментомъ, атаковала тутъ непріятеля съ другой стороны, когда лѣвая часть уже его опрокидывала и стѣсненный съ двухъ сторонъ, непріятель истребленъ тутъ до конца.

Въ самое сіе время, когда уже обѣ сіи третья и четвертая колонны, преодолѣвъ всѣ величайшія трудности и наидальнѣйшее троекратное сопротивленіе, приближались съ быстротою сорвать послѣднее укрѣпленіе вокругъ Праги, вдругъ взорвало погребъ непріятельскій съ начиненными ядрами и бомбами, но сіе неустрашимаго генералъ-поручика Потемкина съ храбрыми войсками нимало не удержало: овладѣвъ онымъ, часть войска пустилъ въ Прагу, другую построилъ на ретраншаментѣ, а баталіонъ егерей отправилъ къ мосту.

Пятая колонна съ лѣваго нашего крыла, начавъ атаку въ назначенное ей время, первая преодолѣла всѣ опасности и затрудненія, и первая овладѣвъ непріятельскими батареями, прошла въ Прагу до самаго моста, поражая непріятеля холоднымъ ружьемъ.

Шестая колонна, опровергнувъ съ своей стороны всѣ непріятельскія усилія, овладѣвъ назначеннымъ ей укрѣпленіемъ, поразивъ множество непріятеля на мѣстѣ, на штыкахъ гнавъ онаго, такъ же вошла въ Прагу.

Седьмая колонна, имѣвъ въ слѣдованіи къ назна-

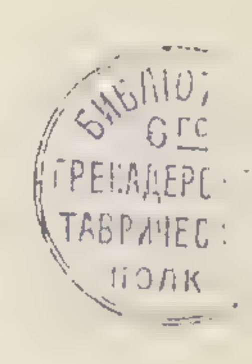
ченному ей пункту сильныя преграды, оныя преодолѣла, очистила мятежниками занятой лѣсъ, перешла черезъ заливъ; отрѣзала непріятельскую тамо конницу и всю оную истребила частію потопивъ и частію взявши въ плѣнъ, подоспѣла и сія колонна къ послѣднему пораженію непріятеля въ Прагѣ.

Конница наша, раздѣленная па части, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шевича, содѣйствовала всюду удивительною храбростію и быстротою. При первой атакѣ непріятельскихъ переднихъ укрѣпленій. Генералъ-маіоръ Шевичъ приказалъ тотчасъ казакамъ подполковника Бузина и преміеръ-маіора Грекова, подскакавъ къ укрѣпленіямъ кричать ура, чтобъ тѣмъ отвлекать непріятеля къ поданію атакованнымъ помощи, и заставить ихъ ожидать па себя нападенія, во время первой нашего праваго крыла атаки на непріятеля, и примѣтя, что съ другой стороны, оной, выходя изъ укрѣпленія и пробираясь кустарниками скоплялся, приказалъ тотчасъ полковнику Гелфрейхту съ семью эскадронами Переяславскаго конноегерскаго полка ихъ атаковать, что онъ быстро исполнилъ, и положивъ часть на мѣстѣ, протчихъ взялъ въ плѣнъ. Какъ скоро наши овладѣли передними укрѣпленіями, такъ скоро всѣ резервы конницы съ артиллеріею взошли на оные подъ прикрытіемъ въ срединѣ 13-ти эскадроновъ, гдѣ самъ находился помянутый генералъ-маіоръ Шевичъ, артиллеріи капитанъ Рѣзвой, подвигая артиллерію помѣрѣ какъ непріятель былъ вытѣсняемъ, устроилъ наконецъ батарею на берегу Вислы и произвелъ въ Варшаву столь сильную канонаду, что заставилъ умолкнуть находившіяся тамъ батареи и потомъ бросая гранаты и ядры, пускалъ ихъ столь живо, что нанесъ городу великое смятеніе и страхъ.

Подъ командою бригадира Поливанова эскадроны, въ резервѣ находящіеся, съ праваго нашего крыла, какъ скоро колонны укрѣпленіями овладѣли, тотчасъ розрывъ валъ, за оными и въѣхали и предуспѣли ата-

ковать конницу, сломить оную и поражая гнали до самаго ея сокрушенія.

Подъ командою бригадира Боровскаго, командовавшаго резервомъ отъ трехъ колоннъ генералъ-поручика Ферзена, по завладѣніи колоннами нашими укрѣпленій, чрезъ валъ въѣхалъ съ эскадронами, ему ввѣренными, и раздѣляя ихъ, гдѣ обстоятельства требовали, дабы довершить нападеніемъ, истребленіе непріятеля или брать его въ плѣнъ.

Полковникъ Волковъ прикрывая нашу артиллерію съ лѣвой стороны, въ слѣдъ за войсками, такожъ ввезъ оную въ укрѣпленіе; онъ, съ начала дѣла долговременно выдерживая съ эскадронами сильную канонаду и въѣхавъ въ ретраншаментъ, не разъретирующагося непріятеля, атаковалъ, поражалъ и нѣсколько сотъ взялъ въ плѣнъ.

По преодолѣніи всѣхъ трудностей и превозмогши упорную защиту непріятеля, изъ трехъ укрѣпленій ворвались наши войска въ Прагу. Страшное было кровопролитіе, каждой шагъ на улицахъ покрытъ былъ побитыми. Всѣ площади усланы были тѣлами, послѣднее и самое страшное истребленіе было на берегу Вислы, въ виду Варшавскаго народу. Сіе пагубное для нихъ зрѣлище привело въ трепетъ, а подоспѣвшая наша къ берегу полевая артиллерія столь успѣшно дѣйствовала, что многіе домы повалила, и одна бомба пущенная пала посреди засѣданія такъ называемой Наивышней ихъ рады, отъ чего присутствующіе въ ней разбѣжались и черепомъ однимъ, когда оная лопнула, убитъ секретарь сей рады. Такъ будто громовой ударъ разразивъ, разрушилъ тутъ засѣданіе сего беззаконнаго судилища. Отъ свиста ядръ, отъ треска бомбъ, стонъ и вопль раздался по всѣмъ мѣстамъ въ пространствѣ города. Ударили въ набатъ повсемѣстно. Унылый звукъ сей, сливаясь съ плачевнымъ рыданіемъ, наполнялъ воздухъ томнымъ стономъ. Въ Прагѣ улицы и площади устланы были убитыми тѣлами, кровь текла ручьями,

Висла, обагренная, несла стремленіемъ своимъ тѣла тѣхъ, кои искавъ убѣжища въ ней утопали, страшное сіе позорище видя, затрепетала вѣроломная сія столица.

Всѣ сіи блистательные подвиги и самая побѣда произведена и одержана столь храбро, столь быстро, что оная съ самаго начала до совершенной побѣды продолжалась токмо три часа.

Погода намъ благопріятствовала, день былъ тихъ и ясенъ, казалось какъ будто солнце, любуясь безмѣрнымъ мужествомъ войскъ Великой Екатерины, хотѣло освѣтить предъ глазами въ заблужденіи остервенѣвшихъ Варшавскихъ мятежниковъ, толь ужасное зрѣлище. Оно ихъ заставляло тѣмъ болѣе ожидать своего разрушенія.

Не достанетъ изреченія изъяснить довольно похвалу неустрашимости господъ частныхъ начальниковъ, мужество командующихъ колоннами, бодраго рвенія штабъ и оберъ-офицеровъ и храбрость солдатъ. Жаркая ревность всѣхъ чиновъ, въ семъ случаѣ оказанная, не изъяснима; храбрыя войска, коими я имѣю честь командовать, превосходятъ всякое одобреніе. Рѣдко видѣлъ я толь блистательной побѣды, дѣло сіе подобно Измаильскому.

Я исполню слабо мой долгъ, когда токмо одобрю мужество ихъ. Сей долгъ свято обязываетъ просить предъ Монаршимъ Престоломъ воздаянія сотрудникамъ моимъ, съ чувствомъ наипризнательнаго восторга отдаю токмо справедливость свидѣтельствомъ моимъ отличившимся при сей знаменитой побѣдѣ, во-первыхъ Корпуснымъ Начальникамъ: Генералъ-Поручикамъ: Потемкину, Дерфельдену и Ферзену.

Первый изъ нихъ, при талантахъ, которыхъ опыты непрестанно видимы, соединяетъ съ искусствомъ, неусыпность, расторопность и всегдашнюю готовность на всякое стремительное нападеніе и довершаетъ тѣ способности личною неустрашимостію, въ коихъ, и при семъ случаѣ, изъявилъ наивеличайшее доказательство; сверхъ сего, всегда мнѣ былъ помощникомъ и отличался столько

же во всѣхъ, до сего бывшихъ сраженіяхъ, мужествомъ, колико въ дѣйствіяхъ предвидѣніемъ.

Второй, всегда ревностію побуждаемый къ службѣ, умножая пріобрѣтенную честь разбитіемъ Заіончика и другихъ частей, оказалъ и нынѣ, съ вящшею похвалою достоинство овладѣніемъ съ несказанною храбростію, правымъ нашимъ крыломъ, непріятельскихъ батарей и ретраншамента.

Третій, озаряясь свѣжей еще славою, разбитіемъ главнаго бунтовщика Косцюшки и взятіемъ его въ плѣнъ, совокупилъ новые лавры. Онъ, при всей слабости здоровья, бодрствуя духомъ, превозмогалъ и труды и опасности, и какъ распоряженіемъ по своей части, такъ и мужествомъ подтвердилъ извѣстную объ немъ репутацію.

За симъ господъ начальниковъ колонпъ: во-первыхъ храбраго и во всѣхъ нынѣ бывшихъ сраженіяхъ отличавшагося Генералъ-Маіора Исленьева. Онъ передъ своею колонною, всегда будучи впереди, возбуждалъ симъ примѣромъ бодрость въ подчиненныхъ, самъ первый за охотниками, съ первымъ взводомъ, взошелъ на батарею, и отразивъ непріятеля, когда уже гналъ на штыкахъ къ главному ретраншаменту, въ то время, какъ конница непріятельская оказалась, чтобъ взять его колонну во флангъ, не токмо не поколебался, но по присутствію духа и особливой храбрости, приказалъ среднимъ баталіонамъ ударить въ штыки, а самъ, продолжая быструю погоню за непріятелемъ, атаковалъ главный ретраншаментъ, овладѣлъ онымъ и паки преодолѣвъ всѣ трудности, оказывалъ особливое мужество до одержанія совершенной побѣды.

Генералъ-Маіоръ Лассій, командовавшій первою колонною, столь извѣстнымъ оказаннымъ мужествомъ подъ Измаиломъ, оказалъ новый опытъ таковаго-жъ мужества, всегда предшествуя, строго возбуждалъ тѣмъ вящшую бодрость подчиненныхъ; онъ первый началъ дѣло, преодолѣвъ всѣ препоны, подъ перекрестными выстрѣлами отъ непріятеля овладѣлъ ретраншаментомъ, отобралъ

тамъ бывшія батареи, но къ сожалѣнію тутъ получилъ рану въ плечо, что принудило его поручить команду старшему Полковнику Жеребцову.

Генералъ-Маіоръ Буксгевденъ оказалъ новый опытъ мужества, утверждающаго пріобрѣтенную имъ репутацію. Онъ, подавая примѣръ подчиненнымъ, всегда будучи впереди, несмотря на сильный огонь, и овладѣвши двумя передними батареями, взошолъ на кавальеръ и отбирая батареи вдоль по первому укрѣпленію, выдерживалъ болѣе другихъ огня, и потомъ овладѣвъ таковыми-жъ паки въ звѣринцѣ за засѣкою, непріятеля атаковалъ, переодолѣлъ, истребилъ, и занявъ звѣринецъ и уголъ средняго ретраншамента, простеръ пораженія въ Прагу, преодолѣвъ упорство непріятеля, долговременнѣе и сильнѣе всѣхъ прочихъ колоннъ.

Генералъ-Маіоръ Тормасовъ, командовавшій пятою колонною, по свидѣтельству Генералъ-Поручика Ферзена, съ безмѣрною храбростію, первый, съ лѣваго нашего крыла началъ приступъ, первый прошедъ опасности, одолѣвъ препоны, овладѣлъ батареями; сей Генералъ особливо одобренъ въ храбрости частнымъ своимъ начальникомъ.

Генералъ-Маіоръ Рахмановъ, командовавшій 6-ю колонною, преодолѣвъ сильный огонь и упорную защиту, въ тоже время овладѣлъ ретраншаментомъ и батареями; мужество его частный начальникъ весьма одобряетъ.

Генералъ-Маіоръ Денисовъ, командовавшій 7-ю колонною, которой, пользуясь извѣстною давно репутаціею, новые совокупилъ вѣтви къ славѣ: онъ, преодолѣвъ величайшія затрудненія, отрѣзалъ, истребилъ всю въ той части непріятельскую конницу, овладѣлъ непріятельскими батареями и подоспѣлъ къ Прагѣ въ подтвержденіе извѣстной его храбрости.

Полковникъ Князь Лобановъ-Ростовскій, командуя второю колонною, съ отличнымъ мужествомъ и единовременно съ Генералъ-Маіоромъ Лассіемъ, атаковалъ, перешелъ перекрестные выстрѣлы, и овладѣвъ ретран-

шаментомъ и батареями, простиралъ пораженіе въ Прагѣ и до самаго моста. Извѣстная его прежняя храбрость новую пріобрѣла славу и достоинство.

За симъ исполненнаго ревностію къ службѣ Генералъ-Маіора Шевича, который, будучи болѣнъ, не хотѣлъ пропустить сего случая, и собравъ всѣ силы, командовалъ всею конницею и столь расторопно учреждалъ, что вышедшая изъ укрѣпленія сильная часть поражена и взята въ плѣнъ, резервъ по всюду шелъ по пятамъ за колоннами, артиллерія наша привезена даже на берегъ Вислы, а сверхъ того вездѣ разсыпанный непріятель конницею нашею или истребленъ или взятъ въ плѣнъ.

По свидѣтельству частныхъ и колонныхъ начальниковъ отличились:

Бригадиръ и кавалеръ Поливановъ, предуспѣвши за первыми двумя колоннами по всюду и распоряжая отдѣленіями, сражался и бралъ въ плѣнъ непріятеля. Сей достойный офицеръ во всякомъ случаѣ отличается.

Бригадиръ и кавалеръ Владычинъ, который почти единовременно съ колоннами, одолѣвшими батареи, взошелъ на куртину и мужественно по всюду дѣйствуя отличился.

Бригадировъ: Боровскаго и Сабурова, расторопно и храбро дѣйствовавшихъ; оные повсюду побивали, гдѣ только отраженные мятежники сбираться вмѣстѣ мыслили.

Полковыхъ и баталіонныхъ начальниковъ первой колонны Фанагорійскаго Гренадерскаго полка Полковника Жеребцова, яко отличнаго мужества офицера, который, преодолѣвъ всѣ трудности, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, овладѣлъ назначеннымъ пунктомъ, прошелъ Прагу и отрѣзалъ отъ мосту непріятелю ретираду.

Полковниковъ: Масолова, храбрость его, съ головнымъ въ колоннѣ баталіономъ отлично оказавшаго, Ливена и Засса, коихъ подвигъ и храбрость выше сего объяснена, Полковника Александра Каховскаго, который съ пер-

вымъ баталіономъ Фанагорійскаго полка взошелъ на батарею, когда непріятель, гонимъ отъ первой колонны, засѣлъ при послѣднемъ окопѣ, его атаковалъ и истребилъ.

Полковниковъ: Графа Мелина, Анненкова и Князя Голицына, особливо отличавшихся храбростію, атакуя всегда части открывающіяся, кои или истребляли или брали въ плѣнъ.

Артиллеріи Капитана Бегичева командующаго 22-мя орудіями, который исключая что наканунѣ штурма столь живо дѣйствовалъ во вредъ непріятелю и въ самое время штурма обще съ капитанами: Аповичемъ, Кудрявцовымъ и Ермоловымъ. Весьма съ отличнымъ искусствомъ и мужествомъ дѣйствовали изъ нихъ Саковичъ, и будучи раненъ въ грудь, не оставилъ мѣста своего до одержанія побѣды третей и четвертой колонны.

Херсонскаго Гренадерскаго полка Полковника и кавалера Князя Шаховскаго, потерявшаго руку подъ Измаиловымъ; сей, достойный особливой похвалы по службѣ офицеръ, постоянно храбрость изъявляющій, оказалъ нынѣ отличные подвиги повладѣніи ретраншаментомъ, толь наипаче овладѣніемъ двухъ батарей и потомъ быстрою атакою на штыкахъ непріятельской конницы, которую отразилъ, и проходя въ лѣво до звѣринца, отколь выгналъ непріятеля на площадь, всю ту часть положилъ на мѣстѣ.

Смоленскаго Драгунскаго полка Полковника Чичерина удивительной личной храбрости, который, командуя пятью эскадронами спѣшенныхъ драгунъ при батареѣ, когда непріятель упорно обратилъ пушки свои на нихъ, атаковалъ столь храбро, что онаго сбилъ и до 800 человѣкъ взялъ въ плѣнъ.

Командующаго Лифляндскаго Корпуса 2-мъ баталіономъ Преміеръ-Маіора и кавалера Жукова, съ особливымъ рвеніемъ и отважностію въ головѣ колонны будучи, сквозь всю густоту огня прошедъ, при овладѣніи ретраншамента и батареи, возбуждалъ подчиненныхъ къ мужеству, и поражая непріятеля, 400 человѣкъ съ

нѣсколькими офицерами взялъ въ плѣнъ. Переяславскаго полка конныхъ егерей, съ тремя эскадронами въ резервѣ бывшихъ, Преміеръ-Маіоръ Кнорингъ, купно почти съ колонною, открылъ себѣ путь, въѣхалъ чрезъ ретраншаментъ, атаковалъ непріятеля и много истребилъ.

Бѣлорусскаго-жъ корпуса 3 баталіона Секундъ-Маіора Шахова, который, препровождая колонну безъ ошибочно, съ наипохвальнымъ мужествомъ, первый перешелъ волчьи ямы подъ защищеніемъ охотниковъ.

Командующаго 3-мъ баталіономъ Бѣлорусскаго корпуса Подполковника Ехчина, въ головѣ 4-й колонны находившагося, который, съ отмѣнною твердостію, всѣ опасности и препоны превозмогая, вездѣ при сильнѣйшемъ отпорѣ непріятеля противу сей колонны, овладѣвшей многими батареями, опрокидывалъ и поражалъ. Преміеръ-Маіора Дерша, командующаго Азовскимъ полкомъ и весьма храбро вездѣ содѣйствовавшаго. Ряжскаго полка Полковника Маркова, командовавшаго резервомъ, который почти единовременно взошелъ на ретраншаментъ и непріятеля поражалъ.

Препрождающаго колонну Орденскаго Кирасирскаго полка Ротмистра Пирка, который весьма исправно на пунктъ должной достигнулъ съ охотниками, на валъ взошелъ, а также постановлявшихъ лѣстницы: Кавказскаго полка Капитана Окулова и того-жъ полка Поручика Кретки.

5, 6 и 7 колоннъ, во первыхъ Полковника Графа Толстова, который командовалъ двумя баталіонами, въ головѣ колонны съ отличною храбростію впереди будучи, съ первыми взошелъ на батарею и овладѣлъ оною, гдѣ и раненъ въ руку. Полковника Гвилешова, командовавшаго другими двумя баталіонами и резервомъ, съ особливою храбростію содѣйствовавъ во всемъ. Подполковниковъ Грамздорфа, Измайлова и Бема, такожъ мужественно участвовавшихъ. 6-й колонны Полковника Энгельгардта, Подполковника Кашталинскаго.

7 колонны, Полковника и кавалера Графа Федора

Апраксина, особливо въ храбрости при отнятіи батареи одобряемаго, Полковника Вульфа, Подполковниковъ Бибикова и Каменскаго, отличившихся храбростію при овладѣніи батареи и достойныхъ воздаянія, тѣмъ паче, что первый изъ нихъ чрезъ всю кампанію, по свидѣтельству частнаго начальника, командуя Козловскимъ пѣхотнымъ полкомъ, во всѣхъ случаяхъ ревностно отличаясь храбростію, а послѣдній и получа рану продолжалъ поражать непріятеля до удержанія побѣды.

Артиллеріи Капитановъ Воронова и Берха, оказавшихъ расторопность и мужество, учредивъ батарею противъ Варшавы и дѣйствуя оною съ желаемымъ успѣхомъ.

Конныхъ полковъ въ резервѣ бывшихъ, Бригадира Сабурова, Полковника Воронежскаго полка Волкова, Подполковниковъ Некерицу, Переяславскаго полка Гольфрейхта, Глуховскаго полка Есипова и Ахтырскаго полка Преміеръ-Маіора Синицына, отличившихся какъ храбростію въ пораженіи разныхъ частей непріятеля, такъ и забраніемъ многихъ въ плѣнъ.

Сверхъ сего рекомендую бывшихъ при мнѣ Полтавскаго легкоконнаго полка Подполковника Чорбу, употребленнаго при мнѣ; кромѣ особыхъ препорученностей, при дѣлѣ семъ былъ посыланъ съ важными повелѣніями, выполнялъ оныя всюду съ рвеніемъ и храбростію достойнаго воздаянія.

Особливое присовокупляя одобреніе Переяславскаго Конно-егерскаго полка Подполковнику Ивашеву; чрезъ пяти-лѣтнее его при мнѣ пребываніе, исполнялъ онъ всѣ препорученія съ отличною расторопностію и успѣхомъ; въ теченіи сей счастливой кампаніи былъ въ должности Главнаго Квартермистра, при всѣхъ сраженіяхъ употребляемъ былъ къ обозрѣнію непріятельскаго положенія, подвергался въ сихъ случаяхъ опасностямъ и всегда доставлялъ вѣрные планы, предъ побѣжденіемъ Праги снялъ подъ выстрѣлами всѣмъ укрѣпленіямъ оной планъ, по которомъ и пункты къ атакѣ были назначены; радѣ-

тельность его, храбрость и усердіе въ службѣ привлекаютъ меня рекомендовать его съ замѣчаніемъ.

Подполковникъ и кавалеръ Графъ Томатисъ былъ посыланъ отъ меня при дѣлѣ семъ въ опаснѣйшія мѣста, оказалъ всевозможную отважность и расторопность и по дѣяніямъ своимъ заслуживаетъ особаго вниманія.

Преміеръ-Маіоры Острогожскаго легко-коннаго полка Николай Кишенской, Фанагорійскаго гренадерскаго Романъ Мантейфель, Днѣпровскаго приморскаго гренадерскаго Александръ Головинъ и Оберъ-Квартермистръ Каленбергъ оказали храбрость и усердіе къ службѣ и трудамъ; особливо послѣдній, по званію своему исполняя исправно должность, весьма заслуживаетъ воздаянія.

Находящіеся при моемъ дежурствѣ Ряжскаго полка Преміеръ-Маіоры: Сергѣй Вавиловъ и Фанагорійскаго гренадерскаго Лукьянъ Гессъ отличные оказали подвиги храбрости, вдаваясь въ труднѣйшія мѣста съ моими повелѣніями.

Секундъ-Маіоры: Вавила Бурнашевъ, Павелъ Берладской, Штаба моего Флигель-Адъютантъ Данило Мандрыкинъ и Ротмистръ Петръ Тищенко замѣчательной храбрости доставляли во время самаго жаркаго сраженія приказанія мои съ точностію и исправностію, а особливо Бурнашевъ, исправляя при мнѣ съ давнихъ временъ разныя важныя препорученія, выполняли всѣ долгъ храбрыхъ офицеровъ, способствовали тѣмъ къ содѣйствію и потому заслуживаютъ моего объ нихъ одобренія и ходатайства.

Секундъ-Маіоры Фанагорійскаго гренадерскаго Андрей Сомовъ, Таврическаго гренадерскаго Афанасій Тихановскій, Стародубовскаго карабинернаго Алексѣй Мельгуновъ, Херсонскаго гренадерскаго Михайла Зыбинъ, Алексапольскаго пѣхотнаго Кирила Попковъ выполняли въ семъ штурмѣ долгъ храбрыхъ офицеровъ и особливо Тихоновской отправляя важныя порученія по Дежурству во всю кампанію, были въ разныхъ отъ меня посыл-

кахъ, бросались въ самое сраженіе и заслуживають всякаго награжденія.

Инженеръ-Квартермистръ Илья Глуховъ, совершившій проектъ сего штурма такъ и Измаильскаго и способствовалъ снятіемъ плана ретраншаментовъ, также назначилъ мѣста для построенія нашихъ батарей исполнялъ свой долгъ съ отличіемъ и ревностію, во время же штурма наблюдалъ тѣ пункты съ особливою храбростію и расторопностію, заслуживающею объ немъ моего ходатайства.

Капитаны: Ладожскаго пѣхотнаго Осипъ Корженевскій, Севастопольскаго пѣхотнаго Александръ Гессеръ, Екатеринославскаго егерскаго Корпуса 3-го баталіона Максимъ Гессеръ, Переяславскаго конно-егерскаго Василій Синѣльниковъ, Херсонскаго гренадерскаго Дормидонтъ Аленинъ, Харьковскаго легкоконнаго Евгеній Аленинъ употребляемы были въ особые коммисіи и развозили мои повелѣнія. Равно Днѣпровскаго приморскаго гренадерскаго полка Иванъ Темеровъ, легко-гренадерскаго баталіона Иванъ Енохинъ. Сей употребленъ былъ при штурмѣ съ особою командою, оказывалъ храбрость и усердіе, Генералъ-Поручика и кавалера Дунина старшій Адъютантъ Андрей Дунинъ, Таврическаго гренадерскаго Константинъ Кучаевъ, Маріупольскаго легко-коннаго Брайкевичъ и Переяславскаго конно-егерскаго Новосельской, заслуживаютъ вниманіе и награжденіе.

О прочихъ чинахъ, исправляющихъ повсемѣстно мои повелѣнія съ отличною храбростію и рвеніемъ, подношу особой списокъ.

Не могу не отдать справедливой похвалы и одобренія прибывшимъ на сей знаменитой случай г-мъ волонтерамъ: ревность и добрая ихъ воля замѣчательны и достойны особливой похвалы; изъ нихъ при 1-й колоннѣ были Камеръ-Юнкеръ Князь Барятинскій и Графъ Шуваловъ, Камергеръ Князь Егоръ Голицынъ, Лейбъ-Гвардіи Капитанъ Князь Борисъ Голицынъ, Ротмистръ Конной Гвардіи Князь Дмитрій Голицынъ, Преміеръ-Маіоры

Чеглоковъ, Шпренгпортъ, Боганской, Шепелевъ, который отличился храбростію и получилъ рану, Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка Поручикъ Раевскій.

По третьей колоннѣ Камеръ-Юнкеръ Татищевъ, Орденскаго Конно-гренадерскаго Подполковникъ и Кавалеръ Графъ Цукато, Оберъ-Квартермистръ Клейстъ, который получилъ 15 ранъ, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Прапорщикъ Шепелевъ, Капитаны Виконтъ-Сентъ-Уакъ и Иванъ Дунинъ.

При четвертой колоннѣ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка Ротмистръ Вышеславцевъ. При 5-й колоннѣ Полковника Кесново, Маіоровъ Графа Шуазель, Князь Грузинскій: всѣ они, по засвидѣтельствованію частныхъ и колоножныхъ начальниковъ, были въ головѣ колонны, съ первыми рядами взошли на батареи.

Генералъ-Поручикъ Потемкинъ рекомендуетъ находившихся при немъ Дежурными Херсонскаго полка Секундъ-Маіора Лошакова, и особливо свидѣтельствуетъ расторопность и отважность Преміеръ-Маіора Головлева, употребляемаго имъ въ семъ случаѣ въ самыя нужныя и опасныя мѣста съ порученіями, которыя были доставляемы посреди всей жестокости огня проворно и исправно, да бывшаго при немъ Орловскаго пѣхотнаго полка Секундъ-Маіора Князя Степана Мещерскаго, которой посыланъ былъ также съ приказаніями къ колоннамъ неоднократно во время самаго сраженія, и отдавалъ оныя исправнѣйше.

О прочихъ чинахъ, отличившихся мужествомъ и храбростію, подношу списокъ.

Словомъ всѣ чины сего войска отъ высшаго до нижняго изъявили наижарчайшую ревность въ службѣ наиудивительную храбрость въ подвигѣ, такъ что не токмо утвердили славу мужества, Россійскому войску свойственнаго, но и превзошли ожиданіе и поистиннѣ колико требовалось мужества, чтобъ непріятеля, котораго, по объявленію плѣнныхъ чиноначальниковъ, было 30.000 человѣкъ за стѣнами твердыхъ тройныхъ окоповъ, ограж-

денныхъ множествомъ пушекъ, щитавшаго сіи укрѣпленія необоримыиъ оплотомъ предъ глазами всей столицы, на нихъ возлагающей надежду, колико мужества, повторю я, надлежало превозмочь и всѣ препоны противулежащія, и отчаянное преодолѣть упорство: безмерная неустрашимость токмо совершить могла толь важный подвигъ и одержать побѣду такъ, что изъ сей огромной арміи, разомъ пораженной, едва-ли до 800 спаслися, ибо сочтено тѣлъ убитыхъ 13.340 человѣкъ, въ плѣнъ взято 12.860 изъ коихъ до 10.000 распущено по домамъ и отъ ранъ умерло, болѣе 3.000 потонуло, въ числѣ оборонителей было жителей Варшавскихъ 4.000 человѣкъ; изъ нихъ спаслось только 80; изъ числа плѣнныхъ три Генерала: Меинъ, Геслеръ и Крупинскій, Полковниковъ 5, Подполковниковъ 7, Маіоровъ 17, Офицеровъ 413. Генералы Елинскій, Корсакъ, Квашневскій и Грабовскій убиты.

Пушекъ досталось намъ 104.

Сей преславной день, даровавшій намъ только важную, толь совершенную побѣду, въ которой разомъ поражены многотысячныя силы мятежниковъ и опрокинуты крѣпкіе ихъ оплоты и самой Варшавѣ угрожалъ близкимъ ея паденіемъ, вѣнчаетъ Великую Екатерину новыми неувядаемыми и вѣчными лаврами.

О нашихъ убитыхъ и раненыхъ прилагаю здѣсь вѣдомости.

Подлинное подписалъ:

Генералъ Графъ *Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

Ноября 7-го дня
1794 года.
Варшава.

Приложеніе 6.

Изъясненіе литеръ.

a. Ретранжаментъ вокругъ Праги

bc. батареи позади онаго.

d. батареи предъ ретранжаментомъ

e. батар. по лев. сторонѣ р. вислы на острову.

f. Ретранжаментъ на саской кемпе.

g. батареи за тѣмъ ретранжаментомъ безъ орудіевъ.

hi. Конные и пехотные непріятельскіе резерфы.

k. Непріятельскіе орудіи разставленные въ разныхъ местахъ города варшавы изъ коихъ во время штурма производилась сильная канонада.

l. место на коемъ части непріятельской конницы и пехоты потоплены въ р. вислѣ а остальные взяты въ пленъ.

m. мостъ сломанный до основанія польскимъ войскомъ во время штурма

n. Мостъ частію сломанъ и сожженъ россійскими войсками.

o. Королевской замокъ и дворецъ.

p. Каналы рытые для осушенія полей.

q. бат. о 22 ор
r. бат. о 16 ор.
s. бат: о 20 ор.
l. бат. о 18 ор. } построены рос. войсками въ ночи съ 22 на 23-е число съ оныхъ батарей на разсвѣте открыли канонаду и производили средва во весь день.

u. лагирное расположеніе россійскихъ войскъ.

vw. Зборные места колонъ и ихъ резерфовъ.

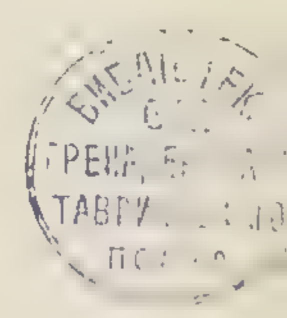
x. Мѣста на коихъ расположенная съ леваго фланга означенная при латерахъ артиллерія збила въ варшавѣ разставленные непріятельскіе орудіи и бомбардированіемъ принудила Городъ къ здаче.

y. батареи построенные противъ города варшавы со совершенномъ овладѣніи прагою.

z. Мостъ при коемъ Генералъ-Маіоръ Денисовъ 23-го числа во время маршу VII колонны при переправѣ черезъ оной разбилъ и прогналъ небольшое число непріятелей.

EFGH. Конные резерфы во прикрытіи артиллеріи.

OPQRS. Резерфы донскихъ козачихъ полковъ.

Приложеніе 7.

Дневная Записка.

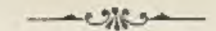
Октября 22-го дня все войски за пушечнымъ выстреломъ отъ прагскаго ретранжамента расположились лагиремъ который означенъ Литерою *u*. Съ 22-го на 23-е число въ ночи построены батареи подъ литер. *q*, *s*, *r*, *l*, съ которыхъ предъ разсветомъ открыта по ретран-

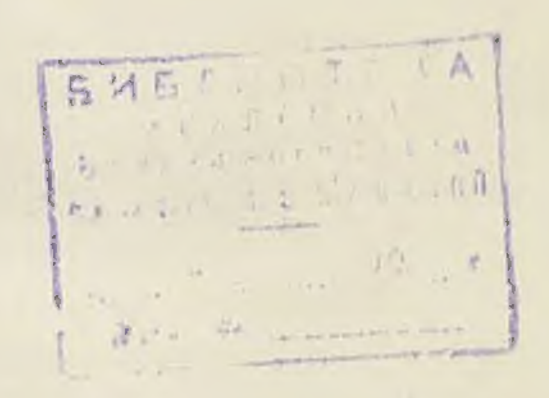
жаменту канонада которая и производилась изъ редка во весь день.

23-го числа въ 6 часовъ по полудни Гднъ Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Денисовъ съ „VII" колонною выступилъ изъ лагира и при переправѣ черезъ мостъ подъ лит. „Z" опрокинулъ какъ обороняющіе оной такъ и находящихся въ деревнѣ Збыткахъ непріятелей коихъ прогнавъ къ ретранжаменту „F" остановился на назначенномъ той колоннѣ зборномъ местѣ при лит. „W" того числа и протчіе колонны построились на назначенныхъ имъ мѣстахъ при лит. „V".

24-го числа первые 4 колонны за 4 часа предъ разсветомъ по зделанному сигналу ракетою пошли къ назначеннымъ имъ пунктамъ, на ретранжаментѣ „*a*" литерами „ABD" въ коихъ и овладели отъ берегу вислы до лит. „L" также и батареями „C" за несообщеніемъ отъ корпусовъ первыхъ 4-хъ колоннъ действіе ихъ не означено. V. VI. Колонны за ½ часа предъ разсветомъ двинулись съ своихъ местъ несмотря на жестокіе непріятельскіе пушечные и ружейные выстрелы добежавъ къ волчьимъ ямамъ перешедъ оные спустясь въ ровъ поспешно взошли на валъ, пренебрегая сильное непріятельское сопротивленіе въ начале „V" а въ скоре потомъ „VI" колонны въ назначенныхъ имъ пунктахъ „J, K" овладели непріятельскимъ ретранжаментомъ „*a*", бросились на батареи „b" завладели оными и разбивъ непріятельскіе резерфы, каждая колонна своею дорогою поражая бегущаго непріятеля штикомъ тeснила въ самой Прагѣ. V-же колонна прогнавъ непріятеля до самаго мосту „*n*" которой отъ части разломанъ и сожженъ, отрезали ему ретираду такъ, что непріятель не имея болѣе средства къ спасеніе, принуденъ былъ положить оружіе; резерфы каждый за своею колонною поспешно взошедъ въ ретранжаментъ очистили оный отъ лит. „L" до „M" въ тоже самое время когда „V" и „VI" колонны штурмовали ретранжаментомъ *a*, то „VII" овладевъ ретранжаментомъ „F" преследовала непріятеля

бегущаго въ Прагу, резерфы же сей колонны помогая въ преследованіи непріятеля опрокинувъ непріятельскіе резерфы подъ лит. „i“ совокупно съ своею колонною съ помощію отраженныхъ отъ резерфовъ отъ „V“ и „VI„ колоннъ шести эскадровъ Гусарскихъ непріятельскую конницу и пехоту частію потопили въ Вислѣ а остальныхъ взяли въ пленъ, при лит. „ l “ вскоре заколоннами колонные резерфы находящіеся у прикрытія артиллеріи взошедъ въ ретранжаментъ, *а* усовершали саблями победу вследъ за оными показанныя при лит. „GH“ полевая артиллерія ввезена и расположена по берегу рѣки вислы при лит. „х“ отъ туда открывъ канонаду производила по разставленнымъ въ варшавѣ при лит. „К“ непріятельскимъ орудіямъ, некоторые изъ нихъ збиты и увезены поспешно внутрь города, потомъ бомбардируя городъ принудили къ поспешной здаче. Штурмъ до совершеннаго овладенія прагою продолжался до трехъ часовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приложенія.

Рисунки и планы.

